ISSN 0131—0097

ИЮЛЬ № 30 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ПО КОНЯМ?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 30 (3340)

20 — 27 июля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Юрия Феклистова. (См. в номере материал «Сторона чужая, сторона родная».)

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии М. В. СТАРЦЕВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 01.07.91. Подписано к печати 16.07.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 646. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗАЛОЖНИКИ

Михаил ЗАРАЕВ

Фото Владимира МАШАТИНА

Вопреки всему увиденному и услышанному впоследствии город при первом знакомстве производил впечатление благостное. Скверы и парки в свежей листве начала лета. Краснокирпичной купеческой стройки дома в центре. Пустые в рабочий полдень улицы. Обычное монументальное оформление — на площади перед горсоветом простирает руку Ленин, поодаль в запущенном сквере всматривается вдаль молодцеватый Чапаев — в заломленной папахе, с шашкой на боку. Оба — и вождь, и комдив — выкрашены коричневой краской. Перед постаментом вождя — трибунка. И трибунка, и свежевыкрашенный вождь убеждают: у нас не то что у других — и памятники не свергают, и на демонстрации ходят.

Все остальное — как у других: девственно чистые полки продмагов, в обувном на улице Ленина —

Через высокие инстанции пришлось пройти нашему фотокорреспонденту Владимиру Машатину, чтобы получить разрешение на съемку снарядного конвейера. И не закрытое вроде бы теперь это предприятие, а все же тень давних страхов и опасений витает над нами.

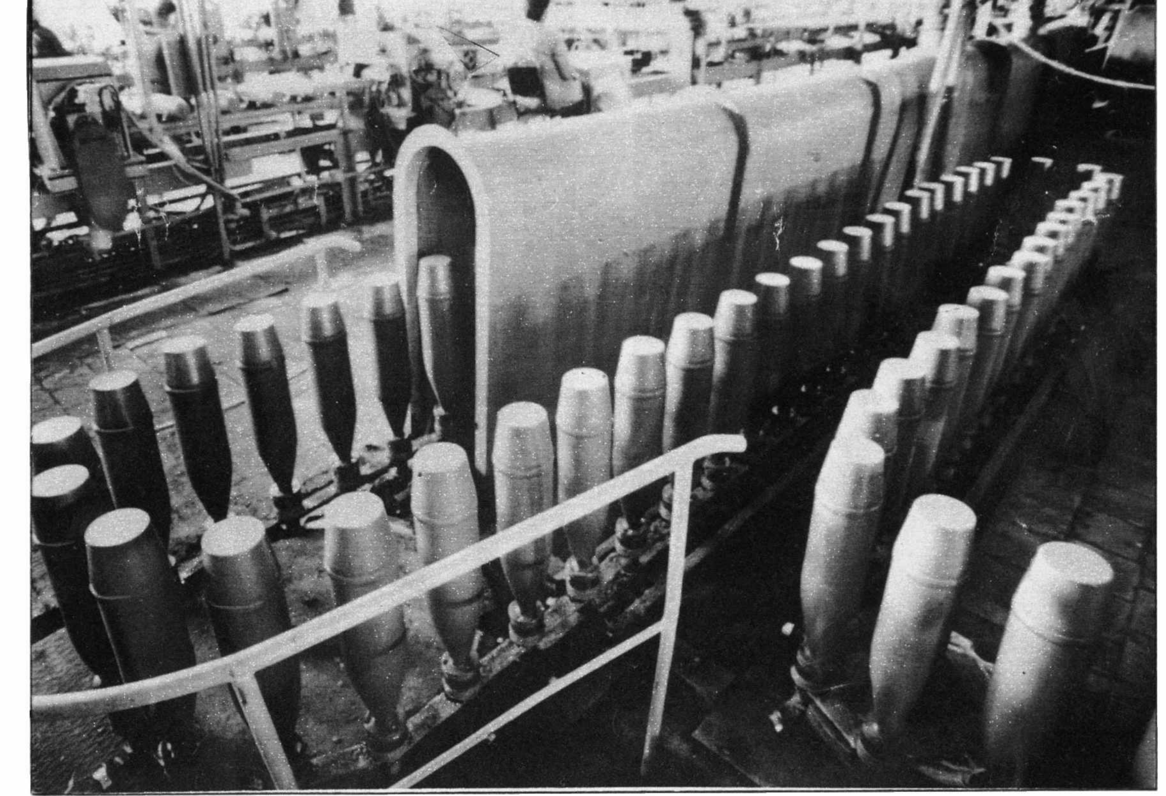
годня солнечный полдень, тихо, сонно.

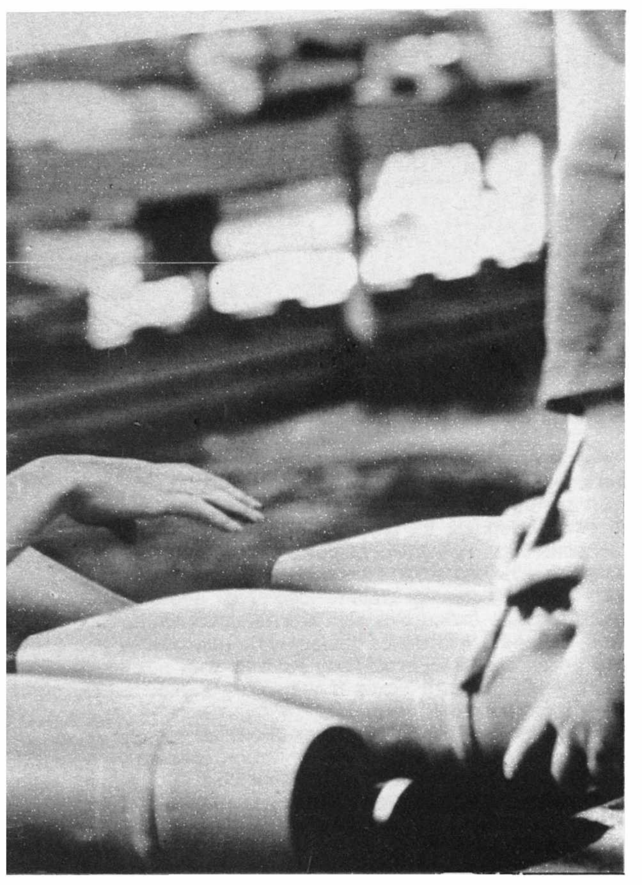
Иващенково — Троцк — Чапаевск. За свою почти столетнюю историю город дважды менял название. В начале века он назывался поселок Иващенково, потом несколько лет — Троцк и, наконец, вот уже шестьдесят лет — Чапаевск. Все три имени так или иначе вызывают ассоциации военные. Иващенко был артиллерийский генерал, основавший здесь, в сотне километров от Самары, вскоре после русско-японской войны завод по производству взрывчатки. Троцкий, будучи военным лидером страны в начале двадцатых, также приложил руку к развитию здесь оборонной промышленности. А уж имя Чапаева дали городу после высылки Троцкого из страны.

Сейчас местная пресса называет Чапаевск заложником военного ведомства. В самом деле, не так-то часто встретишь в России город, три крупнейших предприятия которого принадлежали бы к одному министерству — оборонной промышленности.

По соседству с основанным генералом Иващенко заводом взрывчатки, которой здесь же начиняют

огромные кирзачи и матерчатые тапочки по 18 р.

День спустя, на депутатском собрании в горсовете, я услышу и о преступности, измучившей город,— каждую ночь взламывают гаражи, поджигают дачи, в цыганском районе — окраинном поселке Владимирский — на барахолке все купишь — от наркотиков до взрывчатки. Скорее, скорее муниципальную милицию создавать, пусть скинутся заводы, хоть патрули будут! И о вечных счетах с областным центром — там и яйца, и рис, а у нас перловка да ячневая. Даже на детскую обувь талоны не отоваришь. Буду свидетелем вспышки страстей вокруг диоксина — страшного яда, появившегося в городском водопроводе. Председатель исполкома утверждал, что это только преддиоксин, а женщина-депутат — сам диоксин, и в любой момент каждый, попив водички, может на тот свет отправиться.

Но все это — страх, гнев, зависть — завтра. А се-

корпуса артиллерийских снарядов, расположено предприятие, изготовляющее детонаторы, а чуть дальше — полигон по испытанию снарядов. У всех трех заводов невинные названия — производственное объединение «Полимер», заводы "Металлист", опытных измерительных приборов, но этот камуфляж не способен обмануть и ребенка. Из 83 тысяч городских жителей не найдется ни одного, который бы не знал, чем занимаются заводы.

Чем объяснить такую концентрацию военного производства в небольшом городе? Так сложилось исторически, отвечают старожилы, да и, судя по всему, оборонному ведомству удобно было строить одно предприятие рядом с другим на действующих коммуникациях, сложившейся инфраструктуре.

Впрочем, горожан никто никогда и не спрашивал, какую промышленность здесь развивать. Уже в нынешние времена попытка продолжить развитие в том

же направлении — начать производство на построенном, как и все остальные объекты города, под покровом секретности, завода по уничтожению химического оружия (на сей раз по уничтожению!) — вызвала бурную общественную реакцию. Пикеты, демонстрации, прошедшие по улицам не только Чапаевска, но и соседнего Новокуйбышевска, Самары, кампания в прессе — все это заставило законсервировать завод, сооружение которого обошлось в 50 миллионов.

Жителей Чапаевска можно понять. Город — на пороге экологической катастрофы. Наряду с заводом по производству взрывчатки здесь имеется еще и предприятие минеральных удобрений. И если первый время от времени выбрасывал в воздух пары серной кислоты, то стоки второго заставили задуматься о засыпке речки Чапаевки, на которой стоит город, и прекращении речного сообщения. На дне Чапаевки скопились миллионы кубометров ила, отравленного гексахлораном.

Мало экологических бед. Время от времени город сотрясает взрыв. Это профессиональная опасность рабочих объединения «Полимер». Взрыв обычно уносит несколько человеческих жизней, оставляя на месте производственного помещения лишь огромную воронку. Производство взрывчатки притягивает скупщиков оружия. Вокруг заводов — черный рынок, на котором можно купить ящик тротила, десяток детонаторов. Раньше среди покупателей были в основном браконьеры, глушившие рыбу. Сейчас, когда на окраинах империи полыхают межнациональные войны, оружие скупается для целей военных.

С ностальгическим чувством вспоминают здесь шестидесятые годы, когда город находился на особом продовольственном снабжении. Тогда, по мнению старожилов, государство куда лучше платило за опасный и тяжелый труд, военно-промышленное производство развивалось, пользовалось уважением и привлекало к себе людей.

Директор Панов. Заводоуправление «Полимера» — в центре города. Массивное, сталинских времен, здание. В вестибюле доска со списком заказчиков — никаких названий, только номера. Комнаты без табличек, с наборными устройствами сложных замков. Здешний хозяин виделся властно-агрессивным распорядителем тысяч человеческих душ, эдаким современным ястребом. Звонил я ему не без опаски, от встречи не откажется, как-то не принято нынче прессу игнорировать, а вот завод показать... Оборонка.

— Хотите посмотреть производство снарядов?

Евгений Владимирович Панов полноват, моложав, добродушен. Ему немногим за сорок, химик, специалист по взрывчатым веществам, местный уроженец. Директором стал после очередного взрыва, унесшего одиннадцать жизней. Это было в 1985-м. Тогдашнего директора сняли.

Стоим у конвейера, по которому плывут 120-миллиметровые снаряды, аккуратно выкрашенные в серую краску, набитые розовой взрывчатой массой.

Лет двадцать назад один известный московский репортер принес мне в редакцию репортаж с закрытого завода, производившего, если память не изменяет, какое-то электронное оборудование. Но какое, для чего — понять из репортажа было невозможно. Запомнилось только, что на стене цеха висел старинный барометр, контрастировавший своим медным начищенным корпусом со сложными интегральными схемами.

— И ради этой детали ты написал репортаж? — спросил я репортера.— Ничего ж непонятно.

— Там кругом запреты. Я год пробивался на этот завод.

— Зачем?

Сколько перемен должно было произойти в общественном сознании, чтобы я просто так, без всяких допусков мог прийти на военный завод. А с другой стороны — как же мы зациклены, закомплексованы: что здесь такого? Обыкновенные металлические чушки со взрывчаткой. Взял одну. Тяжеленькая, с пуд весом.

— А если уроню?

— Ничего особенного, роняйте,— усмехнулся Панов.— Он же без взрывателя.

— А как же...

— Вы имеете в виду последний случай? Так там же возчик уронил с саней на рельсы мешок с взрывчаткой. Поезд наехал — трение огромное. Взрыв.

— Вы что же, на лошадях ее возите?

— А почему бы и нет? У нас семьдесят лошадей.

На следующий день я увидел его жестким, собранным. В горсовете напутствовали председателя Мальцева, уезжавшего в качестве народного депутата на российский съезд. Спрашивали о том, кто его фавориты на предстоящих президентских выборах. Ответил: Ельцин, Рыжков, Макашов. Встал Панов: «Неужели вы считаете, что генералы Макашов и Громов, не имея никакого политического опыта, могут претендовать на президентский и вице-президентский посты?» А потом в возникшей перепалке высказал всю свою политическую программу: всенародные выборы в Верховный Совет без всяких там выдвижений от общественных организаций. Коалиционное правительство, и на год — чрезвычайное положение.

Снег на голову. Когда в конце 1987 года в политический обиход вошло слово «конверсия», никто в Чапаевске всерьез и не помышлял о сокращении военного производства. Да, договоры об уничтожении ракет, об уменьшении обыкновенного вооружения, декларации о демилитаризации общества... Все это где-то там, наверху,— в Москве, и еще дальше — в Вашингтоне. А здесь сложившийся порядок — незыблемый, как незыблем мир. И потому первые отказы от снарядов, первые министерские телеграммы об уменьшении выпуска были как снег на голову. Только за два года — в 1990-м и 1991-м — объем военных заказов на «Полимере» сократился на тридцать процентов, что составило 120 миллионов рублей. Чем и как возместить такие потери?

Объединение не первый год выпускает гражданскую продукцию — лаки, краски, синтетические моющие средства. Это тоже химия, как и при производстве взрывчатки, только иного профиля. Так что здешних оборонщиков нельзя упрекнуть в переходе от самолетов к сковородкам (такова ироническая реминисценция, часто встречающаяся сейчас в советской печати и свидетельствующая о потере интеллектуального потенциала и технического опыта в ходе конверсии). Деревообрабатывающее производство, всегда существовавшее на «Полимере» для изготовления снарядных ящиков, позволило наладить выпуск мебели, благо лаки опять-таки свои.

Сейчас объединение лишь наполовину военное. У пятидесяти процентов его продукции гражданское назначение. Но такое перепрофилирование привело к потере прибыли и, стало быть, к уменьшению средств, идущих на социальные нужды рабочих. Почему взрывчатку производить куда выгоднее, чем бытовые краски и стиральные порошки?

Цены на заказанную им продукцию Министерство

оборонной промышленности устанавливало вроде бы не очень высокие, по принципу — чтобы не разбогател завод, но и ноги не протянул. Минобо105ронпрому, в свою очередь, за снаряды платит Министерство обороны из средств, выделяемых госбюджетом. Определить общественно полезные затраты труда, которые должны лежать в основе цены, здесь невозможно. Ведь стоимость взрывчатки диктует не рынок, а административное решение. Во всяком случае, Панов знает: разориться ему не дадут. А возникни какая-нибудь критическая ситуация — скажем, забастуют его рабочие, потребовав более высокой заработной платы,— могут и поднять цену на продукцию за счет работы все того же печатного станка.

Отняв у директора свободу выбора продукции, отяготив его государственным заказом, министерство все же какую-то ответственность за судьбу предприятия несет, во всяком случае, в той мере,

в какой оно выпускает взрывчатку. Но вот директор получает возможность выбирать себе гражданские изделия, работать на потребу населения. Спрос велик на все что угодно, потребительский рынок, как сухая губка, жадно впитывает любой товар — будь то краски, стиральные порошки или мебель. Все дефицитно. И действуй Панов в условиях свободного рынка, он начал бы выпускать эти краски и порошки по высоким свободным ценам, пока спрос не будет удовлетворен.

Но страна только идет к рынку, во всяком случае, ее правительство уверяет, что идет. Это означает, что на одни изделия цены отпущены, а на другие, для защиты интересов потребителя, зафиксированы. Как это выглядит применительно к объединению «Полимер»? Выпускаемая им кровать не может стоить больше 150 рублей. А поставщик матрасов для кроватей сообщает новую цену — 158 рублей. Матрас дороже, чем кровать! Объединение вынуждено искать нового поставщика (но и у того цена высока) или прекращать производство кроватей, отчего дефицит мебели становится еще острее.

Город ветшает. Но то, что падают ограды его скверов,— полбеды. Беда — это когда дети купаются в стоках химических предприятий. Каково будущее города, над которым многие десятилетия простирается завеса военного производства? И эта звезда, выложенная из камней в пыльной, жесткой траве на территории воинской части,— словно символ жизни города. Но его жители перестают мириться с собственной безгласностью. Вот они толпой идут по территории завода по уничтожению химического оружия, законсервированного после их протестов.

Валютные мечтания. Выпуск кроватей, лаков, красок и стиральных порошков является, строго говоря, результатом не конверсии оборонного производства, а его диверсификации, то есть расширения отраслевой номенклатуры изделий одновременно с изготовлением военной продукции, а не вместо и за счет нее. Пойти на настоящую конверсию Панов пока не может. Хотя проекты имеются весьма соблазнительные. Вот, скажем, такая идея. В стране не хватает кровезамещающих препаратов. Донорской крови в связи со СПИДом заготавливается все меньше, а потребность в кровезаменителях, получаемых химическим путем, растет. Они нужны при операциях, катастрофах, военных действиях. В стране производится лишь 56 миллионов флаконов таких препаратов, а необходимо 300 миллионов. Изучив технологию производства этого продукта, на «Полимере» пришли к выводу, что она им вполне по силам: есть и специалисты, и производственные площади.

После вредных и опасных процессов изготовления взрывчатки выпуск кровезаменителей казался занятием благодетельным, меняющим образ жизни не только завода, но и города.

Предстояло закупить в ФРГ оборудование, своего в Советском Союзе не изготовляли. Требовалось около десяти миллионов инвалютных рублей. С просьбой об их выделении в Совмин обратились три союзных министра — оборонной, медицинской промышленности и здравоохранения. Отказ. Нет валюты.

Казалось бы, «Полимер» мог бы сам зарабатывать валюту. В ходе конверсии объединение осваивает новые «мирные» изделия и технологии, спрос на которые, вполне возможно, может оказаться и за рубежом. Для этих целей Панов создает малые предприятия, мобильные, освобождаемые на первых порах от налогов коллективы. Одно такое малое предприятие производит суперпластификаторы — химические добавки, сокращающие расход цемента и улучшающие качество бетона. Другое занято получением сверхтвердых металлов методом взрыва. Нашлось бы для экспорта и кое-что из давно освоенных изделий. Но мало того, что нет опыта внешнеторговых операций. Будь даже этот опыт и то, куда его приложить,— все равно валюты достанется — крохи. По Указу Президента большую часть валютных поступлений завод должен был бы отчислить государству.

Поэтому о выгодной, безопасной и экономически чистой технологии производства кровезаменителей пока приходится забыть. Остается довольствоваться привычным изготовлением красок, стиральных порошков и мебели, которые не компенсируют потерь прибыли от сокращения производства взрывчатки.

Горькие плоды свободы. Незадолго до моей поездки в Чапаевск в Самаре на производственном объединении «Завод имени Масленникова» собрался технико-экономический совет Миноборонпрома. Обсуждали ход конверсии. Выступление заместителя генерального директора по экономике объединения А. Громова напечатала «Экономика и жизнь». Те же заботы мучают его, что и Панова,— дыры в плане прибыли, попытка расширить выпуск ширпотреба, мечты о валюте, без которой серьезной продукции не освоить.

Но вот какая подробность поразила меня. Привыкнув всю жизнь получать заказы из рук министерства, завод впервые попытался изучить конъюнктуру рынка своих гражданских изделий. И сразу же сделал поразившее его открытие. Оказывается, медицинский прибор, который он здесь продает за тысячу рублей, в Англии стоит пять тысяч фунтов стерлингов.

Можно, конечно, удивиться тому, что предприятие, много лет выпуская продукцию, не поинтересовалось ее ценой на мировом рынке. Но надо себе представить отъединенность, отгороженность от мира заводов нашего военно-промышленного комплекса, зажатость их в жестких административных путах. Для чего интересоваться ценой на рынке, на который все равно не попадешь? И когда эти путы несколько ослабли, когда в жесткой системе запретов образовались щели, сквозь которые при определенных усилиях и условиях можно было выйти и на мировой рынок, охоты пользоваться этими условиями уже не оказалось.

Получив при выпуске гражданских изделий минимум хозяйственной самостоятельности, оборонное предприятие — словно зек, выпущенный на волю. И воля-то сомнительная, кругом ограничения и запреты, а все же самому надо решать, как жить, строем тебя никто больше не поведет и миску баланды перед тобой не поставит.

Ведь что такое для завода работа на оборону? Это прежде всего могущественный и богатый заказчик с неограниченными ресурсами. Он тебя в условиях строгой секретности и от вмешательства общественности оградит, и параметры изделия продиктует, и качество продукции проконтролирует — отечески строгого военпреда в цех поставит. А в «гражданке»? Покупателей — множество. Ресурсов — денег, материалов — всегда не хватает. Производственные циклы неопределенные. Технология открытая, каждый в нее свой нос сует. А тут еще и рынок надо изучать, с неведомыми ранее службами маркетинга дело иметь. Как тут не растеряться?

Окружающий тебя хозяйственный мир расширился. Но что он собой представляет? Невесть откуда взялось множество фондов, банков, клубов конверсии. Одни заняты распродажей и утилизацией военного имущества, другие —поиском инвесторов, обменом технологиями и прочими посредническими и консультационными услугами. Кого слушать? На кого делать ставку? Многое видит директор. И пену — коррупцию, попытки сорвать куш и уйти в тень, и стремление бюрократии капитализировать свои

связи, создать себе «крышу» в преддверии развала административно-командной системы. Тем не менее без поводыря, советчика в бурном мире новых отношений не обойтись.

Тех, кто поскромнее, этот мир пугает, и они, не мудрствуя лукаво, пытаются расширить цехи ширпотреба, и таким образом залатать дыры в бюджете, рожденные сокращением военных заказов. Другие, более смелые, бросаются в объятия новых деловых структур — налаживают контакты с кооперативами, совместными предприятиями, пытаются получить зарубежные инвестиции. Такое соприкосновение двух разнородных хозяйственных укладов рождает элементы хаоса, вообще свойственного экономике переходного периода, переживаемого Советским Союзом.

Химплощадка. В городском телефонном справочнике этот объект называется «Химплощадка». Позвонил. Представился. Через полчаса подъехал капитан. На военном «уазике» едем в степь. В десятке километров от города — очертания химического производства — цистерны, трубопроводы, ангары. В отличие от «Полимера», где на всем патина времени, следы многократного ремонта, здесь все новенькое, чистое, серебрящееся современными покрытиями. Это и есть знаменитый завод по уничтожению химического оружия.

Идея была проста как апельсин. Берется снаряд с отравляющим веществом, почти такой же, как артиллерийский на «Полимере». Только начинка не розовая, а темная, фосфорорганическая. Так же, как и артиллерийский без взрывателя, он безобиден без зарядного устройства. В корпус накачивается нейтрализатор — щелочь, превращающая отравляющее вещество в так называемую реакционную массу, которая потом сжигается.

— Причем сжигается не здесь, понимаете, не здесь,— подчеркивает мой гид, полковник Вячеслав Константинович Соловьев.

Смысл его часового монолога в одном — технология уничтожения химического оружия с самого начала была задумана как абсолютно безопасная. Общественные страсти раздувались людьми, которые наживали на этом политический капитал. Областные власти, конечно же, знали, какой объект строится под Чапаевском, а потом делали вид, что не знали, пытаясь использовать общественное возбуждение в своих популистских целях.

Полковничьего в моем собеседнике ни капли. Яркая летняя курточка, живая, свободная речь. Ученый. Специалист. Химик. Он и есть военный химик, один из создателей этого завода. Господи, какую ж ненависть вызывал в городе этот воспитанный человек! Говорят, демонстранты даже чучело с его именем сжигали. Сейчас трудно себе представить, что здесь творилось несколько лет назад. И то, что меня так вот, с ходу, пустили на объект, который в «старые добрые времена» считался бы сверхсекретным тоже,— результат тех событий. Соловьев множество людей провел по этой территории, втолковывая и объясняя то же, что и мне.

— И все же как можно было размещать такое сложное и, что бы вы мне ни говорили, потенциально опасное химическое производство в окрестностях города, и так перенасыщенного химией?

— А где? — вопросом на вопрос отвечает Соловьев.

— В пустыне, в тайге, у черта на рогах. Американцы ж делают это в пустынном штате Юта и на тихоокеанском острове.

— У них так исторически сложилось.

— У нас-то почему все так исторически не складывается?

— Поймите вы, здесь коммуникации, дороги, наконец, земля, где мы стоим, Министерству обороны принадлежит. В пустыне все вышло бы в десятки раз дороже.

Да, конечно, здесь удобно и дешево, как удобно и дешево было некогда сажать на городские магистрали один за другим военные заводы, пока город не стал перед экологической и социальной катастрофой. «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною». А то, что люди измучены, доведены до отчаяния и, узнав из зарубежного выступления одного из лидеров страны о строительстве у них под боком еще одного химического производства, пусть на сей раз связанного и с разоружением, приходят в бешенство? Опять химия, опять в секрете, да за кого ж нас принимают, люди мы или подопытные кролики? И пошло, и пошло. Ничего удивительного, что местные власти примкнули к этому движению. Тут не популизм дешевый, уцелеть хочется. Времена такие. Вот и стоят омертвленные пятьдесят миллионов.

— Что ж здесь теперь будет?

— Учебно-тренировочный центр. Начнем отрабатывать приемы уничтожения химического оружия,— отвечает Соловьев. И торопливо добавляет: — На имитаторах, конечно, отравляющих веществ здесь не предусмотрено.

— И где же будет применяться полученный опыт?

— О-о, это вопрос сложный.

Вопрос и в самом деле непростой. Чапаевский завод был рассчитан на уничтожение 200 тонн отравляющих веществ в год. А всего их в стране накоплено 40 тысяч тонн. Уничтожение должно в соответствии с советско-американским соглашением начаться не позднее 31 декабря 1992 года с тем, чтобы к 1995 году ежегодный темп достигал не менее тысячи тонн. К концу десятилетия необходимо уничтожить половину всех запасов и к концу 2000 года выйти на минимальный уровень — по пять тысяч тонн ОВ у каждой стороны. Так договорились прошлым летом в Вашингтоне.

Но до начала уничтожения осталось меньше полутора лет, а в военно-промышленных кругах спорят, какой вариант принять. То ли ликвидировать оружие в местах его производства, то ли сосредоточить процесс в едином огромном центре. В одном случае — опасность создания заводов, подобных чапаевскому, в таких же густонаселенных районах, риск общественного возмущения. В другом — попробуй свези страшный груз в одно место по железным дорогам. Тут катастрофических прецедентов тоже больше чем достаточно. Но какой вариант ни возьми — два с половиной миллиарда рублей в бюджете находи. А что такое наш бюджет, говорить не приходится.

— Может, все же не уничтожать? Перерабатывать? — спрашиваю у Соловьева.— Фосфорные удобрения — дефицит.

— Пойдут разговоры об опасности таких удобрений. Разве убедишь? Нет, фосфорорганические ОВ лучше уничтожать. А вот люизит, что в Камбарке, может быть превращен в мышьяк — сырье, ценнейшее для народного хозяйства.

О Камбарке слышать пришлось немало. Жители этого удмуртского городка лишь недавно узнали, какой страшный груз хранится у них на военных складах — семь тысяч тонн люизита — шестая часть всего запаса химического оружия страны.

А вся Удмуртия с ее полуторамиллионным населением? 83 процента промышленной продукции — оборонка: ракеты, атомное оборудование, наконец, знаменитый автомат Калашникова, чья родина здесь, в Ижевске... Попробовали на миллиард сократить военное производство, и сразу же на четверть миллиарда стало меньше денег на социальные нужды. Что ни говори, все Поволжье — заложник военных ведомств.

Фантомная экономика. Что же происходит? Почему такое благое дело, как конверсия оборонных отраслей, вырождается в свою противоположность — заводы теряют прибыль, люди — заработок, государство не знает, как выполнить международные договоры. Или у нас, как у героя Гоголя, руки так устроены — за что ни возьмемся, все сломаем?

Конечно, никто не полагает, что дело это простое. Лишь в начальный эйфорический период — в 1988 году — казалось: отвори ворота на военно-промышленный материк — клады найдешь. Павлов, тогда министр финансов, заявил: только от распродажи военного имущества и уменьшения расходов на армию получим 1,7 миллиарда рублей. Министерство обороны представило в Госснаб список продаваемого оборудования, и чего там только не было — от вспомогательных судов до транзисторов. А сколько прожектов — как приспособить ракетные тягачи для перевозки цистерн с квасом, как на военной ракете поднимать на высоту геофизические приборы...

Скоро пришло отрезвление. Выяснилось, что приспособить военную технику для мирных целей без основательной и дорогостоящей ее переделки невозможно. Оборонные предприятия, в свою очередь, жаловались на огромные и все возрастающие сверхнормативные запасы, возникшие при внезапной остановке производства. По данным Промстройбанка, таких непрокредитованных запасов на предприятиях ВПК скопилось на 3,5 миллиарда рублей. Переход же этих заводов на мирную продукцию шел крайне медленно. Перепрофилирование требовало денег, и немалых. Рыжков заявил, что на эти цели требуется 9 миллиардов рублей.

Все настоятельнее звучали голоса, требующие издания двух документов — Закона о конверсии, регламентирующего взаимоотношения государства и конверсируемого предприятия, и государственной программы конверсии с конкретными показателями, сроками и направлениями работ, цифрами капиталовложений. В декабре прошлого года такая программа была утверждена. И сразу же на нее обрушился залп критики.

Три четверти капиталовложений, предназначенных для конверсии, а выделено на пятилетку сорок миллиардов, должно уйти не на перепрофилирование военного производства, а на развитие гражданского, без всяких на то оснований включенного в ВПК. Выпустите все эти заводы, изготовляющие магнитофоны, телевизоры, холодильники и стиральные машины, из железных объятий оборонного комплекса, требовали критики. Дайте им возможность выйти на свободный рынок вместе с некоторыми военными предприятиями. Дело государства — создать стимулы для конверсии: организовать специальный фонд, предоставить налоговые льготы, позаботиться о трудоустройстве людей. А по каким направлениям пойдет конверсия — должен решать рынок. Но рынок требует иных хозяйственных отношений, иной деловой этики — четкости, трезвости, правды.

Строго говоря, никакой структурной перестройки экономики, к которой должна приводить конверсия, не происходит. Конверсия — это прежде всего перепрофилирование военных предприятий на соответствующую их техническому уровню наукоемкую гражданскую продукцию. У нас же чаще всего идет параллельный с несколько сокращенным военным производством выпуск товаров народного потребления или диверсификация.

Дело тут, конечно, не в терминах. Краски, стиральные порошки и медицинские приборы обществу нужны, но стоимость этих полезных предметов была бы куда меньше на обычных гражданских заводах, приспособленных для их выпуска и не обремененных огромными накладными расходами на выпуск военной техники.

Типичным примером такой лжеконверсии служит судьба целой отрасли легкого и пищевого машиностроения, заводы которого после расформирования министерства включили в военно-промышленный комплекс. Сделано это было под флагом ускоренного развития производства оборудования, от которого в немалой степени зависело решение продовольственной проблемы.

Но оказалось, что технические различия между гражданским и оборонным производством столь велики, что применять новейшую технологию на предприятиях бывшего Минлегпищемаша просто невозможно. Да и сами заводы настолько одряхлели, что легче их закрыть и строить на этом месте новые. Так, собственно, и надо было бы делать, возрождая важную гражданскую отрасль. Однако это требовало бы серьезных капиталовложений, ресурсов, немалых организационных усилий, на которые уже неспособен неповоротливый бюрократический механизм управления советской экономикой. Проще, казалось, поступить по тому же испытанному методу, по которому некогда пытались возрождать отсталые колхозы — административным решением присоединить их к сильным хозяйствам, в результате чего и они ухудшали свою работу.

В данном же случае целая гражданская отрасль канула под покровом секретности в недрах военно-промышленного комплекса, а ее продукция, выпускаемая на не приспособленных для этих целей оборонных заводах резко вздорожала, обременив дополнительными затратами и так разоренный агропромышленный комплекс страны.

Это ощущение подмены понятий, мнимости, можно даже сказать, фантомности экономики усиливается, когда пытаешься представить себе, каковы же финансовые истоки конверсии — размеры наших военных расходов. Разброс показателей столь велик, что исчезает всякое представление о реальности — от 65 миллиардов в официальных документах до 350—480, называемых самыми смелыми аналитиками.

Откуда такой разброс? Методы учета оборонных расходов связаны с механизмом ценообразования. На Западе он рыночный — конкурирующие фирмы борются за военные заказы, устанавливая цену в соответствии с рыночной конъюнктурой. В Советском Союзе — директивный. В результате возникает странный парадокс: когда печально известный концерн АНТ попытался продать за рубеж авиационный двигатель МИГ-23, выяснилось, что в Советском Союзе он стоит 400 тысяч рублей, а за границей за него давали два миллиона долларов.

Однако наша военная техника дешева для армии, но не для общества, сполна оплачивающего все издержки. Иными словами, разница между американской и советской ценой авиационного двигателя раскладывается на плечи всех советских людей — и рабочих военных заводов, получающих за свой труд гроши, и всего остального населения с его ужасающе низким уровнем жизни.

Такая мнимая дешевизна имеет вполне реальные результаты. Идучи по цехам чапаевского объединения «Полимер» в обеденный час, я обратил внимание на непривычно большое количество людей, закусывающих прямо в цехе.

— У вас что, нет столовой? — спросил я у Панова.

— Есть, и неплохая.

— Так почему ж не ходят обедать?

— Дорого. Цены поднялись, обеды дороже стали.

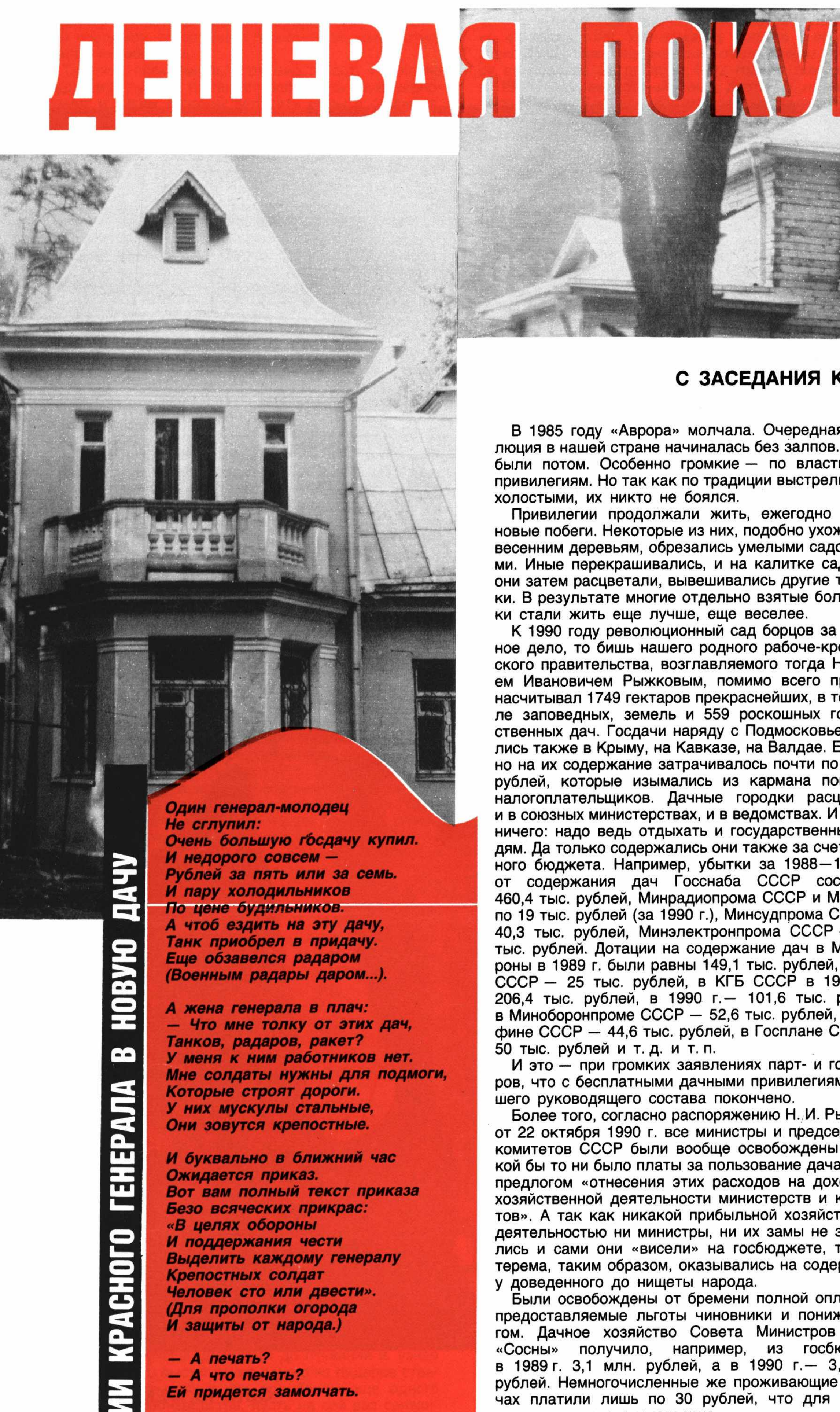
Раза два директора останавливали рабочие, чтото жарко втолковывая ему. Это, как оказалось, кипели страсти вокруг распределения участков под огороды.

Что ж, так было всегда в трудные для России годы — в революции, войны, послевоенные времена — бутерброд на обед и воскресенье, отданное возделыванию картофеля, спасающего российского человека от голода.

Благословение. Москва, Кремль, 10 июля 1991 года **Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА**

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

РАССКАЗ О ВСЕЛЕНИИ КРАСНОГО ГЕНЕРАЛА В НОВУЮ ДАЧУ

Один генерал-молодец
Не сглупил:
Очень большую госдачу купил.
И недорого совсем —
Рублей за пять или за семь.
И пару холодильников
По цене будильников.
А чтоб ездить на эту дачу,
Танк приобрел в придачу.
Еще обзавелся радаром
(Военным радары даром...).

А жена генерала в плач:
— Что мне толку от этих дач,
Танков, радаров, ракет?
У меня к ним работников нет.
Мне солдаты нужны для подмоги,
Которые строят дороги.
У них мускулы стальные,
Они зовутся крепостные.

И буквально в ближний час
Ожидается приказ.
Вот вам полный текст приказа
Безо всяческих прикрас:
«В целях обороны
И поддержания чести
Выделить каждому генералу
Крепостных солдат
Человек сто или двести».
(Для прополки огорода
И защиты от народа.)

— А печать?
— А что печать?
Ей придется замолчать.

НАРОД:
Эх, яблочко,
Цвета спелого,
Этот красный генерал
Хуже белого.

Э. УСПЕНСКИЙ

С ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРИВИЛЕГИЯМ

В 1985 году «Аврора» молчала. Очередная революция в нашей стране начиналась без залпов. Залпы были потом. Особенно громкие — по власти и ее привилегиям. Но так как по традиции выстрелы были холостыми, их никто не боялся.

Привилегии продолжали жить, ежегодно пуская новые побеги. Некоторые из них, подобно ухоженным весенним деревьям, обрезались умелыми садовниками. Иные перекрашивались, и на калитке сада, где они затем расцветали, вывешивались другие таблички. В результате многие отдельно взятые большевики стали жить еще лучше, еще веселее.

К 1990 году революционный сад борцов за народное дело, то бишь нашего родного рабоче-крестьянского правительства, возглавляемого тогда Николаем Ивановичем Рыжковым, помимо всего прочего, насчитывал 1749 гектаров прекраснейших, в том числе заповедных, земель и 559 роскошных государственных дач. Госдачи наряду с Подмосковьем имелись также в Крыму, на Кавказе, на Валдае. Ежегодно на их содержание затрачивалось почти по 5 млн. рублей, которые изымались из кармана покорных налогоплательщиков. Дачные городки расцветали и в союзных министерствах, и в ведомствах. И все бы ничего: надо ведь отдыхать и государственным людям. Да только содержались они также за счет союзного бюджета. Например, убытки за 1988—1990 гг. от содержания дач Госснаба СССР составили 460,4 тыс. рублей, Минрадиопрома СССР и МВЭС — по 19 тыс. рублей (за 1990 г.), Минсудпрома СССР — 40,3 тыс. рублей, Минэлектронпрома СССР — 13,5 тыс. рублей. Дотации на содержание дач в Минобороны в 1989 г. были равны 149,1 тыс. рублей, в МВД СССР — 25 тыс. рублей, в КГБ СССР в 1989 г.— 206,4 тыс. рублей, в 1990 г.— 101,6 тыс. рублей, в Минoборонпроме СССР — 52,6 тыс. рублей, в Минфине СССР — 44,6 тыс. рублей, в Госплане СССР — 50 тыс. рублей и т. д. и т. п.

И это — при громких заявлениях парт- и геслидеров, что с бесплатными дачными привилегиями высшего руководящего состава покончено.

Более того, согласно распоряжению Н. И. Рыжкова от 22 октября 1990 г. все министры и председатели комитетов СССР были вообще освобождены от какой бы то ни было платы за пользование дачами под предлогом «отнесения этих расходов на доходы от хозяйственной деятельности министерств и комитетов». А так как никакой прибыльной хозяйственной деятельностью ни министры, ни их замы не занимались и сами они «висели» на госбюджете, то и их терема, таким образом, оказывались на содержании у доведенного до нищеты народа.

Были освобождены от бремени полной оплаты за предоставляемые льготы чиновники и пониже рангом. Дачное хозяйство Совета Министров СССР «Сосны» получило, например, из госбюджета в 1989 г. 3,1 млн. рублей, а в 1990 г.— 3,5 млн. рублей. Немногочисленные же проживающие на дачах платили лишь по 30 рублей, что для нашего времени просто смехотворно.

Однако надвигавшиеся в обществе катаклизмы толкали наших власть имущих к тому, чтобы позаботиться о себе более основательно. Отсутствие четко установленных законодательных норм (а кому же, кроме самой власти, их устанавливать?) и механизма передачи госимущества в кооперативную и личную (частную) собственность явилось благоприятной почвой, на которой к 1990 году проявилась сущность наших уважающих себя руководителей.

Когда в парламенте страны еще только зарождались мысли о приватизации, а к закону об этом еще и не подступались, умные головы из Совета Министров уже перешли к реализации задуманного. 29 марта 1989 г. распоряжением Председателя Совета Министров СССР впервые было принято решение распродать часть госдач руководящим работникам аппарата Совмина. Через кооператив «Назарьево». Все последующие действия, как отмечалось на состоявшемся недавно заседании Комиссии по привилегиям и льготам, осуществлялись с грубыми нарушениями. Был нарушен порядок регистрации кооператива, отвода ему земель. В частности, в Уставе этого кооператива предусматривалось, что его задачей являются строительство и эксплуатация объектов. Между тем ни о каком строительстве речи не шло — он изначально создавался как юридическое прикрытие неправедной продажи госимущества частным лицам. При этом продажная стоимость дачного поселка, определенная оценочной комиссией под руководством председателя профкома аппарата Совета Министров СССР М. Анфилова, оказалась меньше его балансовой стоимости на 2802,9 тыс. рублей.

Дачи и 86,4 га земли в одночасье были распроданы за бесценок. И 29 января сего года счастливчикам выдан государственный акт о закреплении за ними указанных земель. А на 1991 год тем не менее на содержание этого же дачного поселка Совмином СССР еще раз ассигнованы средства из бюджета в сумме 296,1 тыс. рублей. Кто же счастливчики? Нынешний управляющий делами Кабинета министров СССР Простяков И. И., его зам. Мастерков А. М., начальник ХОЗУ Кабинета министров Козелько В. К., его зам Елфимов Ю. А., председатель профкома аппарата Кабинета Анфилов М. А., бывший управляющий делами Совмина Смиртюков А. Н., зам. министра торговли Кондрашов П. Д., два представителя Одинцовского горисполкома и другие.

По совминовскому образцу приватизировали госимущество номенклатурные работники Госснаба СССР во главе с председателем этой могущественной организации П. Мостовым и его заместителями, которые по заниженным ценам скупили дачи у самих себя. Подобная же картина — в МВЭС СССР, в Минсудпроме СССР, Минрадиопроме СССР и ряде других министерств. Собственниками дач стали заместители министров, начальники управлений, профсоюзные лидеры и другие номенклатурные величины. Вот какая дачка досталась, например, одному из руководителей МВЭС А. Качанову. Общая площадь — 136,4 кв. м, жилая — 93,2, 5 жилых комнат, три веранды, балкон, подвал, ванная с газовой колонкой, телефон, гараж, сарай, 145 кв. м асфальтных покрытий. На аукционе обошлась бы она нашему вконец разоренному государству не менее чем в 100 тысяч. Качанов же приобрел ее за 15,3 тыс. рублей. О землях я вообще не говорю. Достаточно назвать лишь места, где расположены дачи: Валентиновка, Внуково, Баковка, Мурашки, Серебряный бор, Кратово, Быково, Раменское. И не о шести сотках идет разговор, а о десятках.

Отцом такой «ползучей приватизации» назван на заседании Комиссии бывший премьер Н. Рыжков. Если кто-то еще считает, что в капитализм нас ведут одни мафиози да демократы, тот глубоко ошибается. Первыми на деле тут были те, кто больше всего публично плакал по социалистическим завоеваниям.

Не будем еще раз пересказывать известную историю с дачей Николая Ивановича в пос. Ильинское. Напомним лишь, что далее по проторенной дорожке устремляются Бирюкова А. П., Воронин Л. А., Саваков В. Л., Шкабардня М. С., Стерлигов А. Н., Белоусов И. С., словно боясь, как бы к светлому будущему они не пришли позже других.

А сам механизм этого процесса «прост, как правда». 14 июля 1990 г. тогда еще управляющий делами Совмина Шкабардня М. С. разрешает продать дачу начальнику ХОЗУ Совмина Стерлигову А. Н. Стерлигов, в свою очередь, в августе 1990 г. разрешает продать дачу Шкабардне. И так далее. Последний дважды оформлял эту куплю-продажу и в ходе настоящей проверки все же расторг договор, последовав примеру своего шефа.

А вот т. Воронин дачу все-таки приобрел. Стоимостью 46 490 рублей. За 22 812 рублей. Но больше всех преуспели Бирюкова А. П., Стерлигов А. Н., Саваков В. П. Александра Павловна, например, дачу в пос. Николина гора, построенную в разгар перестройки, приобрела за 18 с небольшим тысяч рублей при ее фактической стоимости 75,3 тыс. рублей. А всего эти трое «выгадали» за счет государства более 100 тыс. рублей. При этом к тому же еще не учтена стоимость теплотрасс, коммуникаций и т. д. А поскольку в проданных особняках нет электросчетчиков, разумеется, хозяева не оплачивают и пользование электричеством.

При заключении договоров о продаже льготными почему-то оказались даже ставки госпошлины, которые определены представителям Совмина в размере 5 процентов вместо 10, как берут с простых смертных. Ни один из этих покупателей не представил декларацию об источниках дохода, что в соответствии с совминовским же постановлением обязательно при заключении сделок подобного рода. Но не для себя же самих наши правители устанавливают правила...

Любого из этих нарушений простому гражданину хватило бы, наверное, для неприятностей под самую завязку. А вот соратникам Николая Ивановича уготована иная судьба. Кто на дипломатическом поприще, кто на генеральской стезе. А кто почивает на пенсии, время от времени напоминая с экранов телевизоров и в прессе о своей приверженности великим коммунистическим идеалам.

А чего стоит распродажа дефицитнейшего и почти нового имущества! И опять все те же лица: Стерлигов, Саваков, Воронин. А с ними наши известные полководцы — маршалы и генералы. Из акта ревизии КРУ Минфина СССР: «С объекта № 4 (дача Маршала Советского Союза Соколова С. Л.) реализованы два холодильника «ЗИЛ» за 218 рублей, холодильник «Минск» за 290 рублей... Всего на 5592 рубля. Деньги внесены в кассу по квитанциям через Домкова С. Ф. С объекта № 8 (дача генерала армии Лизичева А. Д.) проданы спальный гарнитур «Марсель», набор мебели «Омега», набор гостиной мебели «Балатон», набор столовой мебели, мягкие кресла «Марсель», кресла и журнальный стол из набора «Каролина», три ковра, два серванта, два дивана, два холодильника «Минск», холодильник «ЗИЛ», телевизоры «Рекорд» и «Рубин», ложки из мельхиора и другое имущество, всего на 20,5 тыс. рублей. Деньги внесены в кассу т. Лизичевым через т. Лянцевича К. П.».

И далее маршалы Куликов В. В., Огарков Н. В., Ахромеев С. Ф., Скоморохов Н. М., Куркоткин С. К., генералы Третьяк И. М., Лушев П. Г., Сорокин М. И., Яшин Ю. П., Архипов В. М. А всего с дач этих военачальников реализовано имущества на 98 209 рублей, в том числе самим им — на 71 086 рублей.

Не буду описывать остальных «подвигов» наших первопроходцев приватизации. Они достаточно подробно описаны в прессе. Да и розданный участникам заседания Комиссии по привилегиям и льготам материал, составляющий целый том, с молниеносной быстротой разошелся по Москве, и мне его не раз приходилось видеть в ксерокопиях, передающихся из рук в руки, подобно последнему бестселлеру.

Но на некоторых моментах остановиться все же хотелось бы.

Несмотря на всю бесцеремонность, с какой действовали наши «герои», нашлось немало должностных лиц, не только оправдывающих их действия, но и пытающихся подвести задним числом под творимые бесстыдные деяния «законную базу». Особенно отличились в этом заместитель управляющего делами Кабинета министров СССР, он же член кооператива «Назарьево», А. Мастерков со своим юристом и военные товарищи. И в который раз подумалось: насколько же у нас удобный закон — какое очевидное непотребство ни совершат власти предержащие, все законно. Не потому ли, что наше право согласно вечно живому марксистско-ленинскому учению есть воля господствующего класса, возведенная в закон? В нашем случае — воля партийно-государственной номенклатуры.

Комиссия по привилегиям и льготам Верховного Совета СССР признала, «что на уровне высших эшелонов власти за многие годы сложилась система незаконных экономических привилегий, регулируемая до сих пор подзаконными актами (в том числе секретными) и способствующая моральному разложению и коррупции должностных лиц. Эта система, основанная на безответственном распоряжении бесхозной собственностью и грубо попирающая принципы социальной справедливости, вошла в болезненное противоречие с курсом на демократические реформы, подрывает авторитет власти».

Но когда речь заходит о действительно «высших эшелонах власти», результаты титанических усилий этой комиссии до сих пор неизменно равнялись нулю.

В. СЕРГЕЕВ,
член Союза юристов СССР

■

Сегодня я боюсь Жириновского. Нет, конечно, не этого человека с гладким, невыразительным лицом и хлестаковскими обещаниями. Но я боюсь тех, кто безответственно и бездумно идет за ним, для кого снижение цен на водку и объявление русских главными на всем протяжении от Камчатки до Калининграда становится программой. А раз так, я боюсь этой стихии, значит, я должна принимать с готовностью все, что делают сегодня Ельцин, Собчак. Да, конечно, я сегодня голосовала за этих лидеров и от души желаю им удачи. Но никто ведь не застрахован от ошибки. Вот почему возникла необходимость создания независимой демократической партии со своими органами печати, со своим парламентским представительством, чтобы наши руководители могли услышать доброжелательную, конструктивную критику.

И не надо бояться лить воду на мельницу коммунистов, жириновских, макашовых, крючковых. Они все равно будут злорадствовать из-за каждого просчета, радоваться трудностям новой власти. Но не в них дело. Если мы не научимся не просто выбирать тех, которых поддерживает «Демократическая Россия», но и жить по законам демократического государства, то, когда придет время избирать Президента СССР, у нас опять будет выбор между Горбачевым и Жириновским и мы все дружными рядами пойдем голосовать за нашего Генерального секретаря, сказав с грустью: «Нет альтернативы».

Да неправда же, есть. За исторически ничтожный период полусвободы наша страна уже выдвинула такое количество ярких политических деятелей, что это нельзя не оценить.

Жизнь дает нам хоть скромный, но все же шанс стать свободными людьми. Очень будет горько и стыдно, если мы им не воспользуемся.

Е. ФРОЛОВА,
театровед
Ленинград

■

Внимание читателей «Огонька», несомненно, привлекла публикация Ю. Гаврилова «Трагедия ухода от Родины» (№ 25), рисующая страшную картину еврейских погромов в царской России, форменного геноцида еврейского народа на Украине и в Белоруссии в годы гражданской войны. Но кто возвысил свой голос против постыдной травли евреев? Кто покончил с еврейскими погромами в стране и ликвидировал позорную дискриминацию евреев? К сожалению, публикация об этом умалчивает. Считаю, что Ю. Гаврилову надо было прямо сказать: это сделали Ленин, большевики, Советская власть.

Что касается реакции «наших антисемитов» на публикацию, то пусть автор не обольщается. В отличие от В. В. Розанова они не опомнятся и не покаются в том, что, сея вражду к евреям, подготавливают почву для новых погромов и способствуют массовой еврейской эмиграции. Боюсь, что ссылка автора на «еврейские корни» (по матери) В. И. Ленина, независимо от того, насколько она достоверна, еще больше раззадорит отечественных юдофобов и даст им лишний повод к нагнетанию антисемитских настроений.

Б. МЕЕРОВСКИЙ,
ветеран войны и труда
Москва

Генерал Макашов не приемлет никакой иной армии, кроме той, которой научился командовать. Общество бессильно против него. Так же, как бессильно оно против бесчинств ОМОНа на литовских границах.

В. БЫКОВ

Концепция государственного социализма потерпела полный крах. Опыт показал, что, откуда бы ни пришел чиновник управлять государственной собственностью, будь он хоть пролетарий в пятом колене, все равно будет защищать интересы бюрократии, подтверждая Маркса, что государственная собственность — это собственность бюрократии.

Б. ЕВСЕЕВ
Москва

Исключите из нашего обихода слово «социализм» — и тогда потеряет смысл само существование коммунистической партии и порожденной и пополняемой ею вездесущей номенклатуры. А кому же хочется — из привилегированной номенклатуры да на голодный трудовой фронт?

Л. НИКОЛЬСКИЙ
Тверь

Трудно моему поколению. Мне 64 года, я прошел через все: строительство коммунизма, истинную веру в «честь и совесть нашей эпохи», верную службу в рядах интернационалистов (был в Корее). Не одно десятилетие служу людям как врач. Все, может быть, и ничего, если бы не пришлось пережить самого главного — крушения идеалов, которые исповедовал с детства.

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ
Ташкент

По новым российским законам никакой ответственности и наказаний за спекуляцию не будет. Госторговля у нас еще занимает ведущее место, и такие вот «льготы» для дельцов теневого бизнеса лягут на плечи простого населения.

В. ЯКОВЛЕВА
Москва

■

Во многих изданиях периодической прессы неоднократно поднимался вопрос о строительстве взорванного в 30-х годах «героями классовых сражений» храма Христа Спасителя. Вместе с этим многократно освещалась проблема сооружения мемориала Победы на Поклонной горе, в землю которой уже закопано огромное количество народных денег. В первом случае вопрос застопорился на том, где найти место для строительства собора, а во втором — архитекторы никак не могут найти оптимальный вариант ансамбля этого мемориала.

В связи с этим мне представляется, что наиболее логичным и нравственно обоснованным мог бы стать объединенный духовно и исторически вариант, если на Поклонной горе воздвигнуть мемориал, в котором центральным памятником был бы храм Христа Спасителя, а вокруг него в «звездном» порядке расходились бы аллеи, оформленные памятниками, скульптурами, барельефами, диорамами, отображающими наши славу и подвиг, героизм и трагедию, а в общем всю историю нашего народа и государства.

Причем на Аллее Победы или воинской славы должны стоять памятники и скульптуры, барельефы, раскрывающие нашу историю от Александра Невского, Дмитрия Донского до Г. Жукова, К. Рокоссовского и других героев освободительных битв и сражений. Должна быть и Аллея Павших, и, наконец, Аллеи скорби в память об умерших от голода в Поволжье в 21-м году, на Украине и в России в 33-м году, в Ленинграде за годы блокады. Очень важно, чтобы там была и Аллея мучеников в память жертв сталинских репрессий, на которой, кроме предметов изобразительного искусства, могут лежать камни с надписями колымских, магаданских и других лагерей и стоять сторожевая вышка с фрагментом забора из колючей проволоки.

Что касается материальных средств, то думается, что моральные цели только выиграют от того, если такой мемориал будет построен исключительно на добровольные пожертвования.

В. ТИПАКОВ
Львов

■

Пишут вам военные переводчики десантной части. Мы не коммунисты и не комсомольцы.

Сейчас в нашей стране очень модно говорить о милосердии, но, к сожалению, все заканчивается, как правило, словами. Мы же решили действовать.

Как известно, в конце года многие работающие граждане СССР, в том числе и военнослужащие, получают денежное вознаграждение, так называемую 13-ю зарплату. На совещании офицеров мы сообщили о своем решении перечислить эти деньги во Всесоюзный детский фонд имени В. И. Ленина, подали рапорта командованию и призвали всех коммунистов части поддержать этот добрый почин. Но, увы, к нашему изумлению, этого не случилось. Командование части, партийное руководство мало того что не поддержало нас, но и вообще лишили нас денежного вознаграждения, чтобы другим неповадно было. Деньги автоматически остаются в части. Комментарии, как говорится, излишни.

В. ДАВЫДЮК,
П. СОЛОМЕНЦЕВ,
А. ГРЕБЕНКИН

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Набоков в воспоминаниях меланхолически удивляется не тому, что разбуженные, возбужденные революционной мечтой крестьянские массы начали процесс восстановления социальной справедливости с погрома в его родовом имении, а тому, что в первый же день сперли все столовое серебро. С тех пор мы уже привыкли, что, кроме Великой Всемирной Цели, у творцов революционных сдвигов бывают и цели поконкретнее. Это стало традицией. При восстании одни провозглашают лозунги, а другие воруют чайные ложки. Иногда это те же самые люди, иногда — соединенные в едином процессе.

Ответчики и советчики — и те, кто реализует всемирные планы, и те, кто воплощает собственные амбиции, и те, кто просто болтает,— давно уже части единого целого.

Не помню, кто определил профессию критика как род занятий человека, умеющего рассказать, как бы он нарисовал картину или написал стихи, если бы сам умел это делать. Сегодня множество людей, ничего не смыслящих в экономике, рассуждают о том, как эту экономику развивать и преобразовывать. На голову бедного Явлинского и других реформаторов самые громкие обвинения рушатся со стороны тех, кто уже потрудился, разваливая наше хозяйство, и хотел бы довершить разгром. Лозунг «Чем хуже — тем лучше» кажется спасительным для деятелей, умеющих выживать в административном хаосе. Вооруженные блюстители порядка поплескивают керосином то в тот, то в другой межнациональный костер. «Чем хуже — тем лучше». Нас замучивают советами один другого страшнее. Лозунг «Вся власть советам!» своеобразно возрождается: от советов не продохнешь.

Войдя в тот период своего развития, где все получили возможность высказаться, мы удивляемся тому, сколькие хотят не спасения, а погибели. Иногда вообще кажется, что злорадство преобладает над сочувствием. Не испытывая никаких симпатий к тем, кто довел народ до ручки, я не испытываю и симпатий к тем, кто хочет, чтобы народ поскорее протянул ноги. Считайте, что это из чистого эгоизма, ибо я намерен выжить именно в этой стране и вместе с ее народом. А вы?

Как говорится, вольному воля, но я не понимаю даже разведенных супругов, накликающих друг на друга погибель. Не понимаю бывших коллег, проклинающих друг друга, чуть они сменили место работы. Ненависть, громоздившаяся в нашей государственной философии немало лет подряд, взрывается сегодня в отношениях между людьми, и, пока мы не заживем по-человечески, трудно рассчитывать, что мы будем по-человечески себя вести.

Ненависть уходит на экспорт. В американской эмигрантской прессе сегодня нередки статьи, требующие не помогать нашей стране ни в какой форме и ни под каким видом. Обида на овировских чиновников трансформируется в желании извести людей, к эмигрантским мытарствам непричастных. Господи, да если мы перемрем с голоду или от другой какой беды, перед кем же вы будете дуться, суровые господа? Все это очень похоже на патриотические призывы к искоренению «преступной нации», время от времени раздающиеся в Москве. Очень обидно, когда естественное желание наказать одних трансформируется в стремление извести совсем других людей. Пожалуй, важнее всего сегодня возрождать утраченную доброту. Сможем ли?

Сколько еще надо нам пройти до возвращения в человечество?

Смогла же русская нью-йоркская и калифорнийская пресса организовать сбор средств для оплаты лечения Окуджавы, еще немало добрых дел. Это так важно — ощущать общую беду, а не спешить произнести сакраментальное: «Чем хуже — тем лучше». Можно бы поучиться у серьезной американской прессы. Статьи в ней по большей части направлены желанием понять, что и кому принесет выгоду во взаимодействии наших стран, стремлением развить отношения, которые помогут войти в завтрашний мир, тот самый, где воцарится создаваемый ныне новый мировой порядок, отметающий ненависть как форму отношений между народами.

Мы боремся за выживание. Мы переделываем общество и страну. Очень важно выжить, не разрушая при этом остатки человеческих душ, изувеченных людоедской идеологией. Очень важно наказать виновных, накормить голодных, сделать все, что возможно, дабы мы зажили когда-нибудь по-человечески. Очень важно...

Виталий КОРОТИЧ

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

«Моя старая няня рассказывала мне: «Вы родились в пути», — так начинает свои «Воспоминания» Алексей Явленский, один из самобытнейших русских художников. И всю свою жизнь Явленский «был в пути» — объездив едва ли не все крупнейшие города мира и никогда не прекращая творческого поиска, эксперимента. А вот его дорога к любителям искусства — соотечественникам оказалась трудной и затяжной. До сих пор его имя почти неизвестно в нашей стране.

Причин тому много. Большую часть жизни художник провел за границей, побывав последний раз в России незадолго до начала первой мировой войны, чтобы навестить мать. Основная часть его произведений находится в зарубежных собраниях. Но главное, пожалуй,— тот глубоко духовный, христианский пафос его произведений, который плохо вписывался в пресловутую официальную «соцреалистическую» доктрину.

Любопытно, что и годы перестроечного либерализма мало что изменили. Даже в наших солидных искусствоведческих изданиях можно найти лишь мимолетные и отрывочные упоминания о художнике. В то же время на Западе творчество Явленского завоевало самое широкое признание. Там его единодушно считают одним из крупнейших мастеров XX века.

Алексей Георгиевич Явленский родился в 1864 году близ Торжка (в Тверской губернии). Его отец был командиром гусарского полка. Семья Явленских принадлежала к древнему дворянскому роду, один из предков художника — граф Федор Васильевич Ростопчин — в 1812 году руководил обороной Москвы от Наполеона.

Родители стремились подготовить Алешу к военной карьере. Тринадцати лет одаренный мальчик был принят сразу в четвертый класс Московского кадетского корпуса. Но в 16 лет с Явленским произошло событие, полностью повернувшее его судьбу. В 1880 году его привели на художественную выставку в Москве. «Для меня все это было очень утомительно,— вспоминал впоследствии художник.— Когда же я попал в секцию искусства, там были только картины, и я увидел картины впервые в жизни — моя душа была так глубоко потрясена, что я обратился из Савла в Павла». С этого времени обычные уроки рисования приобрели для него совершенно иной смысл. Каждое воскресенье он проводил в Третьяковской галерее. Однако, когда Явленскому исполнилось 18 лет, на него обрушился тяжелейший удар — смерть отца. И вместо того, чтобы серьезно учиться живописи, он должен был продолжать военную карьеру, чтобы кормить семью. Лишь в 1889 году, когда Явленский был переведен в Петербург, он смог посещать Петербургскую Академию Художеств, где среди его учителей были И. Е. Репин и А. И. Куинджи. В 1896 году, выйдя в отставку в чине капитана, Явленский вместе с группой видных русских художников (М. Веревкина, И. Грабарь, Д. Кардовский) отправился в Мюнхен, где поступил в известную на всю Европу художественную школу, возглавлявшуюся словенским живописцем Антоном Ажбе. С этого времени Явленский непосредственно сопричастен западноевропейской художественной культуре.

Русский мастер много почерпнул от работ Сезанна, Гогена и Ван Гога. Символисты Серюзье, Феркаде и Ходлер, основоположник фовизма Матисс, «отец абстрактной живописи» Кандинский, экспрессионисты Нольде и Шмидт-Роттлуфф, конструктивист Фейнингер — вот далеко не полный перечень имен тех художников, с которыми Явленский поддерживал тесные личные и творческие связи. Он испытал влияние разных направлений, но ни одно из них не сделал своим собственным. Творческим идеалом Явленского, теми духовными источниками, из которых он черпал вдохновение, были византийская и особенно древнерусская иконопись.

Наследие восточнохристианского искусства соединялось с модернистскими веяниями неэклектично, не как проходной формальный эксперимент, а совершенно естественно, ибо Явленский был человеком, открытым современной художественной мысли и одновременно глубоко верующим православным христианином. И в этом — уникальность его места в контексте искусства XX века.

Явленский работал в разных жанрах: писал пейзажи, натюрморты, этюды обнаженной натуры... Но главной темой его творчества, мотивом, который он постоянно разрабатывал и варьировал, было человеческое лицо. Со временем оно в картинах Явленского претерпевает существенную трансформацию: от ранних натуралистических и импрессионистических портретов ко все большему обобщению, до почти абстрактной метафоры.

В картинах начала 1910-х годов — яркие, полыхающие, доходящие до предела чувственной интенсивности краски, мощные, как бы прорезывающие плоскость полотна контуры, пронзительные цветовые контрасты.

С 1918 года стиль становится более строгим, уравновешенным. Лицо геометризируется и превращается в символ — знак. Явленский стремится выразить, как он сам говорил, «Божественное в своей душе». Он часто называет свои картины этих лет «лицами святых» и даже «лицами Спасителя».

В конце двадцатых годов Явленский заболел тяжелым недугом — подагрой, которая в начале 30-х также поразила руки. Надо было искать новую технику для своей живописи. Несмотря на тяжелейшие физические страдания, он не откладывает кисть, но, держа ее двумя руками, пишет «медитации» — картины очень малого формата. В короткие моменты облегчения он работает над цветочными натюрмортами большего размера. Но главным с 1934 года стали «медитации», которые многие специалисты считают вершиной творчества художника.

«Медитации» Явленского — это глубоко личные размышления о Боге, о человеке и его душе. Цветовое решение вновь обретает контрастность, но теперь это уже не выражение «половодья чувств», а символическое воплощение духовного борения. И хотя изображение приобретает почти абстрактный характер, все же необычайная насыщенность красок, экспрессивная лаконичность образа вновь заставляют вспомнить древнерусское искусство.

До конца жизни Явленский сердцем оставался с Россией, но вернуться в российскую действительность того времени никак не мог. Разгул «научно-атеистической» истерии, зловещий диктат мертвых догм сталинского соцреализма, не говоря уж о дворянском происхождении Явленского,— все это могло бы уготовить ему только одно место — ГУЛАГ, и, кто знает, быть может, он был бы уничтожен не только физически, но даже имя его не дошло бы до потомков.

В Германии все сложилось куда благополучней. Конечно, пришедшие к власти нацисты объявили его искусство, как и искусство других художников-новаторов, «выродившимся», работы Явленского конфисковали из немецких музеев и запретили выставляться. Но все же дали спокойно умереть в немецком городе Висбадене, где он постоянно жил с 1922 года. Явленского отпевали в местном православном храме и похоронили на русском кладбище.

Однако если в Германии сразу после падения «третьего рейха» искусство Явленского было полностью реабилитировано, то на его родине оно попрежнему неизвестно. Мы считаем своим долгом рассказать о нем в год, когда отмечается 50-летие со дня смерти великого русского художника.

Алексей ЯВЛЕНСКИЙ

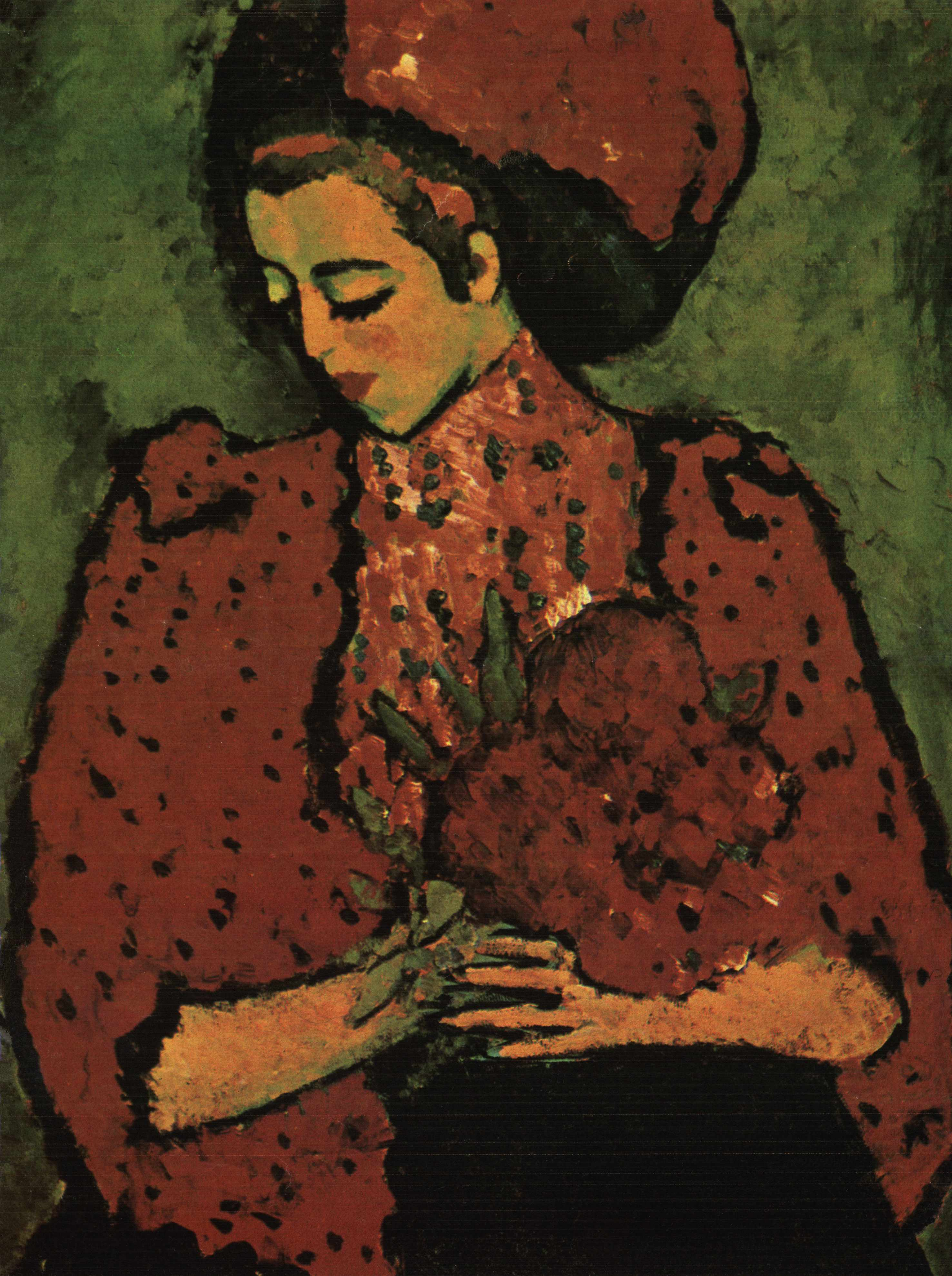
(1864—1941)

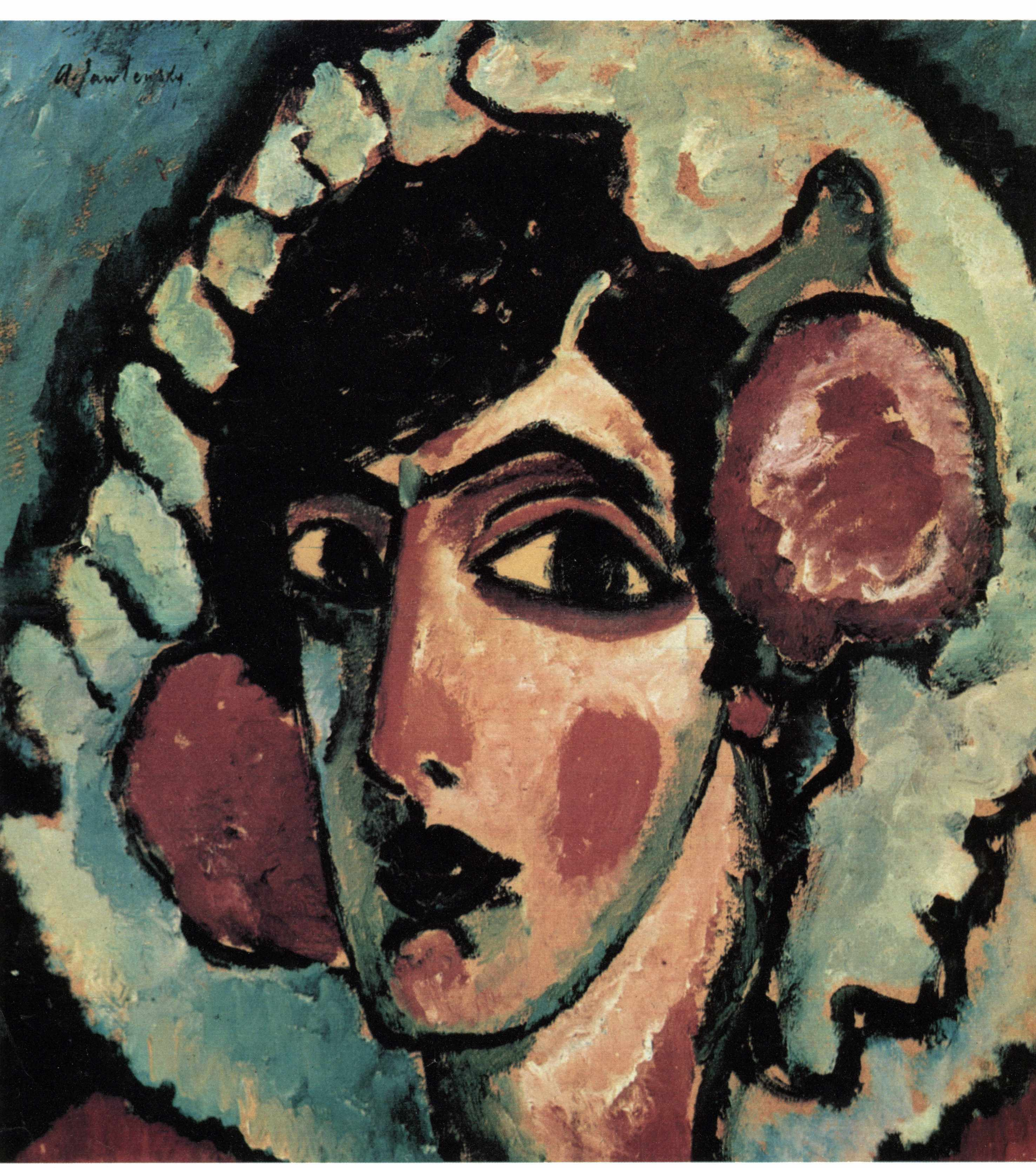
Имя этого замечательного русского художника почти неизвестно на родине. А западные искусствоведы единодушно ставят его в один ряд с крупнейшими мастерами XX века.

ЛЮБОВЬ. 1925.

ПИОНЫ. 1909.

ЗАХОД СОЛНЦА. 1916.

ИСПАНКА. 1913.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Ученый-социолог Виктория Чаликова останется в памяти своих читателей и слушателей как замечательный публицист.

Я бы назвал ее публицистическую деятельность эталоном профессиональной этики журналиста.

Одной из главных в выступлениях Виктории Чаликовой была тема беженцев. О явных причинах и скрытых пружинах современного геноцида она писала с весокостью серьезного ученого, о судьбе жертв погромов — со страстностью подлинного российского интеллигента-правозащитника.

«Люди с содранной кожей» — так называлась одна из ее статей. Человеком с содранной кожей была и сама Чаликова с ее удивительным даром воспринимать чужую боль как собственную. Именно эта способность определила нравственный выбор публициста — всегда быть на стороне слабых, униженных, беззащитных, от их лица и за них, живых и мертвых, высказывать обиду, отчаяние, горечь, теребить «чужими» бедами застывшее в равнодушии и страхе больное наше общество.

Занимаясь беженцами, Чаликова пристально и пристрастно вглядывалась в преступников. Для нее существовала трагедия народа, причастного к истреблению другой нации. И потому ни слова ненависти, ни призыва к мести не сорвалось с ее пера. Размышляя о природе погрома и погромщика, она стремилась... нет, не оправдать, конечно, но понять и объяснить мотивы ущербной палаческой психологии.

По мнению ученого, это оставляло шанс уберечься от повторения прежних ошибок и преступлений.

Современники Сумгаита, Оша, Андижана, Баку, мы до сих пор выказали себя дурными слушателями важных предостережений.

Стремлением понять и быть верно понятой отмечены и обращения Виктории Чаликовой к власти. Подписант коллективных писем протеста и личных воззваний, она в отличие от иных коллег-«демократов» строго соблюдала в подобных случаях презумпцию невиновности политического оппонента. Трескотня об «аппаратных заговорах» против народа вызывала у нее горькую усмешку. Ей виделось ясно: ситуация в стране такова, люди озлоблены настолько, что и без всяких заговоров готовы на все. Поиски «заговорщиков» приводят лишь к новым потокам крови, и новые жертвы пополняют ряды грозных поисковых групп...

В ноябре 1990-го Виктория Чаликова решила обратиться с письмом к М. Горбачеву.

В отличие от многих она не считала его прямым виновником наших бед и несчастий. Напротив, отдавая должное, благодарила за то доброе и необходимое, что он успел сделать.

В отличие от многих она уже тогда призывала Президента уйти в отставку. Уйти не ради политических выгод, но по нравственным соображениям, что, по ее мнению, могло бы привести к демократическому возрождению страны, а Горбачеву давало возможность остаться в благодарной памяти потомков великим реформатором.

Наивно? Не знаю.

В январе 1991-го произошли трагические события в Литве, и письмо отправлено не было.

«Зачем же публиковать его сегодня? — спросит осторожный читатель.— Разве нынче, в эпоху подписания Союзного договора и резких стычек Президента с реакционерами-«союзниками», удобное время для подобных призывов? Или вы и впрямь полагаете, что Горбачеву следует уйти, расчистив место для петрушенко, коганов, лукьяновых и жириновских?»

Нет, конечно. Вопрос об отставке лидера великой страны слишком сложен, чтобы его можно было решить в рамках одного письма, опубликованного на страницах популярного еженедельника. Добавлю к этому, что и общий благожелательный тон послания заставил меня задуматься и несколько иначе оценить личность и судьбу Президента, как и нынешний его шаг в сторону от вчерашних догм. А самое главное: не о Горбачеве и не для Горбачева написано, в сущности, это Письмо. Темы, которых касается автор, по-прежнему серьезны и актуальны. В этом смысле «Огонек» выбирает для публикации удобное время.

Такие времена, такие судьбы: неотправленное Открытое письмо становится духовным завещанием ученого и публициста своим соотечественникам, президентам и гражданам обреченной на будущее нашей несуществующей державы.

...Когда Виктория Чаликова, уже смертельно больная, выступала в Германии, слушатели обратили внимание на странные паузы в ее быстрой, чуть сбивчивой речи. Потом она призналась друзьям, что в эти секунды пыталась справиться с внезапными, почти невыносимыми приступами боли. Человек с содранной кожей, она умела молча переносить собственные страдания, и лишь чужая боль была ей нестерпима.

Илья МИЛЬШТЕЙН

Виктория ЧАЛИКОВА

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИХАИЛУ ГОРБАЧЕВУ

Не буду лукавить: это письмо предназначается не только Вам, но и всем, кто захочет его прочитать,— на то оно и открытое. Не исключено, что Вы как раз его и не прочтете, не сыскав времени для рядового человека — не депутата, не министра и не знатного иностранца. Но, может быть, и Вам интересно, что думает человек вполне рядовой и житейский, однако много лет профессионально работающий в социальных науках, а в последние годы глубоко вовлеченный в общественное движение. Думаю, что мысли и чувства, здесь выраженные, мало кто разделяет в столичном общественном авангарде, но они должны быть близки миллионам провинциальных интеллигентов, многим людям физического труда — то есть тем, от кого мало что зависит в делах власти, но кто все-таки составляет ткань еще работающей и страдающей страны.

Заранее прошу прощения за неточное цитирование Ваших и других текстов: тяжелая болезнь оторвала меня от дома, от Родины — газет, журналов и книг русских нет под рукой. Надеюсь на честность своей памяти.

Михаил Сергеевич! В минувшем году на бурном Съезде, избравшем столь драматично Вас Президентом, Вы в сердцах ответили на упреки в жажде личной власти: «Иногда мне приходит в голову дикая мысль: бросить все и уйти, но это было бы недостойное малодушие». Такой оборот речи — всегда повод для насмешек, и многие смеялись, но мне было не смешно. Каждый знающий историю человек верит Пушкину: тяжела шапка Мономаха. И каждый христианин научен: сбрасывать тяжесть — грех. Понимаю, что Вы воспитаны не на Пушкине и не на Христе, но Вы россиянин, а стало быть (пусть косвенно) — и на них, и не можете вовсе не понять хода моей мысли. Да, в тот час уходить было нельзя: страна, которой Вы поклялись честно служить, еще думала, что она существует,— ей надо только срочно перестроить характер национальных и региональных связей, то есть как можно скорее заключить союзный договор. Эта магическая формула казалась молодым народным фронтам республик панацеей от всех бед, и все упрекали Вас, что Вы, по своему обыкновению, «тянете резину». Нет, не все. Такие выдающиеся отечественные реформаторы, как Александр Яковлев и Станислав Шаталин, подчеркивали, что экономическая реформа возможна только в централизованном государстве: ведь у нас сложилась монопольная экономика, и стоит выйти из-под управления одному республиканскому заводу — единственному производителю какой-то детали, и вся страна остается без стиральных машин и без телевизоров. Логически они (и Вы, и мы, так думавшие) были правы, психологически — нет. Шаталин вскоре это понял: сильнее человеческой психологии нет ничего в мире (кроме пушек и бомб, разумеется), и логика тут должна отступить.

Пришел час и Вам понять это. Дело в том, что «народы», населяющие нашу страну, больше не хотят жить вместе. Люди — хотят (достаточно вспомнить, как азербайджанские семьи, рискуя жизнью, спасали армян во время погромов), но «народы» — нет. Я беру это слово в кавычки, потому что понимаю, как условна народность, национальность: сколько русских до мозга костей с нерусской кровью, и наоборот. Но эта условность сегодня людям дороже жизни. Потому что верно сказано в Завете: не хлебом единым жив человек. Когда Вы заговорили об общечеловеческих ценностях, протянули руку Америке и отреклись от Сталина, Вы положили начало разрушению идейного хлеба, который, давясь и чертыхаясь, но все же ели массы людей,— хлеба коммунистической идеологии. (Конечно, часть общества бросила этот зловонный прокисший сухарь раньше благодаря Сахарову и Солженицыну, а вовсе не Вам, и я отношусь к этой части.) Но, открыв массам сначала Сахарова, а потом и Солженицына, Вы отняли этот наркотик, это курево, этот алкоголь идеологии у десятков миллионов людей. И тем самым Вы заложили начало системе, в которой Вам нет больше места как лидеру.

В первые годы Вашей деятельности мы гадали: кто Вы — либерал-социалист или Сталин в белых перчатках. Ответ дало время: Вы — либерал. Если бы Вы были Сталиным или Гитлером, толпы бы целовали Ваши портреты, обожали бы Вас. А Вас все ругают, даже малые дети знают про Ваши слабости и ошибки. Тут напрашивается аналогия с де Голлем. Ведь вся прогрессивная научная общественность Франции подозревала его в «наполеонизме», но когда оказалось, что он создал систему, которая его же вытолкнула, многие нашли в себе мужество признать несправедливость своих подозрений. Я сознательно не вхожу в мотивы Ваших идейных деяний; не только потому, что среди моих знакомых сроду не бывало даже секретарей райкома — не то что генеральных, и я просто не знаю и не хочу знать мотивы, ибо это дело сокровенное, темное, и судить о нем безнравственно. Но есть дела: ребята, которые больше не умирают в Афганистане, рухнувшая Берлинская стена, уничтоженные ракеты, но самое главное — вернувшиеся к нам, заговорившие с нами отцы и деды, погибшие в ленинско-сталинском терроре. Хрущев обругал Сталина, вернул свободу несчастным узникам, но он же и рот им заткнул: ведь, кроме «Одного дня Ивана Денисовича» (и то позже запрещенного), почти ничего в легальной печати не появилось. Именно в этом было главное несчастье нашей родины на протяжении веков: мы рвали пуповину, на которой держится жизнь — расска-

зы отцов детям. История Англии и Франции в средние века превосходит нашу кровавыми событиями, но все это записывалось и печаталось, а в России ведь до 1905 года не было ни одной книги о декабристах. Сегодня люди, занятые поиском молока для ребенка, а то и бегущие куда глаза глядят от погрома, не ценят величайшего события нашего времени — гласности, раздражаются, не хотят больше слушать о прошлом. Но именно гласность очеловечит нас, ибо мычащий и лающий есть зверь, а не человек. И Вам следует благодарить Бога (или Судьбу, если Вы не верите в Бога), что Он на Ваши плечи положил этот груз — Память и Слово, что Вы — человек из простой семьи, проживший жизнь в растлевающей душу атмосфере тоталитарной элиты, сподобились тернового венца гласности. Все шапки Мономаха, вместе взятые, не стоят его, поверьте.

Гласность привела к тому, что идеология и ее носитель — Коммунистическая партия стали ненавистны людям. Но и Вы, и мы, демократы, ошиблись, думая, что их место сразу займут демократические индивидуальные ценности. По отдельности каждый человек остается человеком при любом строе (как ученый, я в этом глубоко убеждена и не верю в существование «тоталитарных человеков» и «гомо советикусов»). Но люди живут группами — народами, нациями, государствами, а группа, потеряв тоталитарную идеологию, хватается за национальную. Видимо, это так же неизбежно, как ползание ребенка в период между люлькой и хождением: редкое дитя сразу ходит. Вы все твердите об экстремистах, которые стравливают народы, а Ваши оппоненты слева, справедливо упрекая Вас в поверхностности, поступают не умнее, твердя, что это КГБ стравливает народы. Я не сужу сегодня ни Вас, ни их, хотя вчера еще это меня возмущало. Я думаю, что это дурное дело — поиск козла отпущения — изнанка доброй надежды на единство. Но эта надежда иллюзорна. Сколько раз умные, честные посредники пытались помирить армян и азербайджанцев, доказывая им, что у них один общий враг — тоталитарная идеология, и они немедленно соглашались, но каждый добавлял: «Только пусть они при поддержке своего Горбачева, женатого на татарке (а по мнению другой стороны — на армянке), отдадут нам (не отнимут у нас) наш Карабах!»

Когда глубоко интеллигентный человек уверял меня, что армянское землетрясение организовано по Вашему заданию, когда гениально одаренный ученый, мужественно противостоявший брежневщине, доказывает, что Ваши симпатии, взаимные с Америкой,— результат жидомасонского заговора, когда Вас начинают проклинать люди, которых я знаю как подлинно добрых и великодушных,— мне ясно: Вам надо уйти. Уйти не потому, что Вы совершили те или эти ошибки (в свое время я подписывала и даже составляла письма с критикой этих ошибок — Сумгаита, Тбилиси, отказа от деполитизации армии и т. д.), а потому, что государства, которому Вы поклялись служить, больше нет, и, служа тому, чего нет, Вы ставите себя в смешное и опасное положение.

Политологи с умным видом твердят, что надо было год назад подписать пресловутый союзный договор: ну, подписали бы, да разве бумажка погасит национальные страсти? «Парад суверенитетов» нельзя остановить, как нельзя остановить землетрясение, и Россия, которая меньше всего чувствительна к этой страсти, вынуждена была тоже заявить о своем суверенитете; иначе бы ее упрекнули одновременно и в отсутствии национального достоинства, и в имперских амбициях. Конечно, по праву инициатора гласности, Вы заслуживаете звания президента одной из республик, на которые распадается бывший СССР. Оно так и было бы, если бы Вы и Ваш политический соперник, Ельцин, были разной национальности. Но рок Ваш не в том, что Ельцин — Ваш злодей или рвется к высшей власти (он достаточно умен, чтобы не хотеть этой власти в такое опасное время, он явно хочет разделить с Вами власть, сохранить Союз, тоже, как и Вы, цепляясь за этот фантом). Дело в двух простых вещах: что все нетоталитарные системы управляются механизмом политического соперничества и что в данном случае вы оба — русские, и абсурдно невозможно Вам быть президентом Таджикистана или Белоруссии. Опять же охотники погреть руки на костре чужой сгорающей судьбы говорят, что Вы своим неправильным поведением сами создали себе соперника. Да, расправа с непокорным членом Политбюро была гнусной, и моя «политическая» жизнь, собственно, началась с выхода на митинг в защиту Ельцина, но появился он не из-за распрей с Лигачевым или конфликта с Вами, а потому, что демократией называется строй, при котором на одно место равно и законно претендует больше, чем один человек. Не был бы Ельцин — был бы другой, и тот, другой, даже лишенный выдающихся лидерских качеств и энергии Ельцина, все равно победил бы Вас на территории России,— не потому, что Вы хуже других, а потому, что людям в массе ненавистно место, которое Вы занимаете,— место главы государства, которое они искренне считают «империей зла». У Ельцина были срывы и ошибки почище Ваших, но его спасало место: лидер демократической оппозиции, глава одной из республик, угнетенных тоталитарным чудовищем — Советским Союзом. И хотя Ельцин внешне держится амбициознее Вас, внутренне он осторожнее и скромнее; он понимает, что суверенитет сам по себе никого не накормит даже в России, а ведь будут еще десятки миллионов русских беженцев из республик. Поэтому он не хочет распада Союза.

Еще менее хотят этого распада здесь, на Западе. Когда в мире мегатонны смертельного оружия и масса охотников пустить его в дело, вся надежда — на равновесие двух держав. Со свойственной нам самоуверенностью мы готовы объявить идиотами и Рейгана, и Буша, и Миттерана, и Тэтчер, и Папу Римского за их «горбачевизм». Но они в своей логике совершенно правы: Ваш приход в Кремль — действительно подарок для всех в мире, кроме ястребов, желающих войны. Буш откровенно сказал: наша политика рассчитана на великую державу, а если она распадется, естественно, изменится и политика. Эти слова, конечно, не могут не стимулировать многих Ваших честных сторонников справа и слева бороться за сохранение единства. Справа уже говорят: любой ценой, даже ценой небольшого насилия.

Рассмотрим спокойно эту позицию. Вспомним. Начав «красный террор», Ленин тоже говорил: лучше террор, чем гражданская война. И говорил искренно: он не надеялся, что толпы братишек и чапаевцев выиграют войну у одной из самых больших армий мира. Но террор стал гражданской войной, которая кончилась только тогда, когда Сталин, уничтожив и загнав в лагеря десятки миллионов, заставил остальных примириться с тем минимумом стабильности и благополучия, которое его государство гарантировало остальным. Мое поколение было радо каше на воде и парусиновым туфлям — нынешнее с этим не смирится: оно уже знает, как можно жить. Масштабы сталинского террора сейчас недостаточны, тут нужен полпотовский геноцид — уничтожить полстраны. Кто хочет этого из предполагаемых диктаторов? Может быть, кто-то и хочет, но если Запад проглотил сталинский террор, то Кампучию на одной шестой части земного шара он не потерпит. Я понимаю Запад логически: ему нужен демократический СССР, а не Гагаузия, воюющая с Молдавией, и толпы эмигрантов на западных улицах в результате. Но психологически здесь — просчет: русские в Бессарабии не могут смириться с румынским языком и с румынским знаменем, потому что, видите ли, так нужно для мирового равновесия, и то же с осетинами, абхазами.

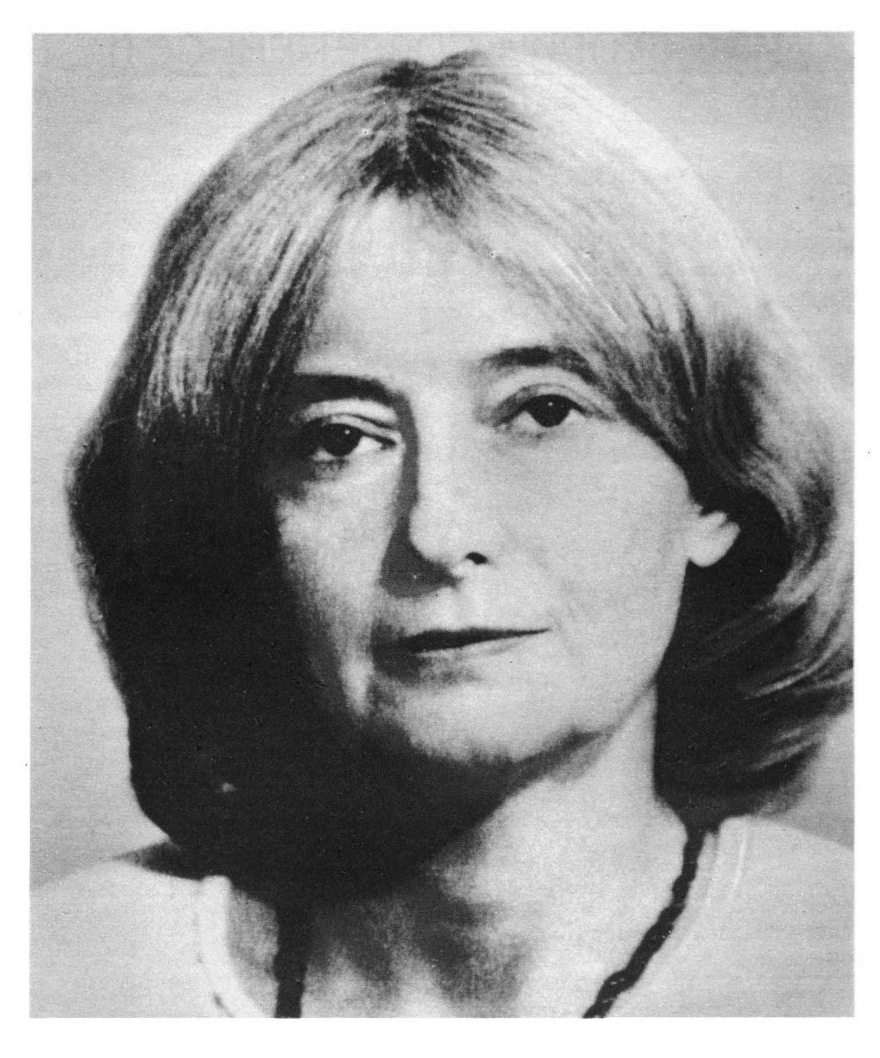
Уж если Солженицына — гордость страны и притом украинца по национальности — обвинили в ненависти и презрении к Украине только за то, что он посоветовал (всего лишь посоветовал!) славянам держаться вместе — о какой логике может идти речь?

Не примите в обиду, Михаил Сергеевич, но там, где бессильно гениальное перо писателя, неужто Ваши речи что-то изменят?

Понимаю я и чувства всех, кто не хочет распада нашего Союза. Если человек привык считать своей Родиной и Кавказ, и Волгу, и Сибирь — он вовсе не шовинист. Эту одну шестую воспевали Есенин и Пастернак. Но история не считается с нашими чувствами, как она не посчиталась с чувствами гордых римлян и мудрых иудеев. Этой страны, столь многими и воспетой, и клятой, больше нет. Правильнее сказать: нет больше этого государства. А страна — куда же она денется? Северные реки, южные моря, Чехов, Ладо Гудиашвили — куда они денутся?

Если народы не смогут жить поодиночке, они сойдутся — неизвестно, сколько, когда и в какой форме. Это от нас не зависит, это не зависит от Вас. В своих заграничных выступлениях Вы часто цитируете русских классиков. Один из них — Лев Толстой — полагал, что величие Кутузова заключалось в интуиции, которая подсказывала ему, когда можно включить в стихию истории личную волю, а когда — нельзя. Пусть Толстой в художественной гиперболе что-то преувеличил, мысль-то верная. Человек не бессилен в истории и не всесилен. Он — на средней линии. Ваши сторонники называли Вас «центристом». По-моему, это лестная характеристика. Но старого Центра больше нет. В результате паника. Генералы грозятся. Демократы в открытом письме к Вам требуют, чтобы Вы перестали сидеть на двух стульях. Я лично знаю и люблю почти всех авторов письма в «Московских новостях», но они недодумывают, недоговаривают, а в такой ситуации это опасно, а по отношению к Вам — и жестоко. Из письма следует, что у Вас есть шансы, а Вы их отвергаете. Что-то надо было сделать: осудить геноцид в Сумгаите, швырнуть партбилет, обругать Ленина.

Осудить Сумгаит надо было по простой человеческой совести, но Вы положили на весы два народа, и маленький оказался в проигрыше. Увы! Так поступали и демократические лидеры — Черчилль, Рузвельт, Иден, жертвуя Абиссинией, Польшей и Литвой тем, кто был в силе. Из века в век основой политики был девиз: сила всегда права. В одном из выступлений в США Вы сказали, что Сахаров, бросивший вызов этому принципу, сначала всем казался безумцем, а теперь мир признал его правоту. Но даже Сахаров был зряч не от рождения, и его гений искал пути. Он был энтузиастом союзного договора, отмены шестой статьи, но сегодня с его беспощадным, хотя и идеальным в высоком смысле слова взглядом на мир понял бы: все это не заменит чего-то глубокого, органичного, чего слепо, и яростно, и жалко ищут люди. Посмотрите, что творится: Вы хоть и осудили Литву и блокировали поставки нефти, но войск не посылали, а некоммунистический президент Молдавии не остановился перед расправой с непокорными русскими, да роковым образом погибли молдаване. И когда русские бросились к Вам за помощью, Вы не могли позволить себе поддержать их, потому что их автономия подает дурной пример остальным. И я убеждена, что Ваша позиция в Карабахском вопросе продиктована не семейной ненавистью к армянам, а страхом политика перед «принципом домино»: одну вынь — все рассыплется. Страх — дурной советчик, а в последние два года Вы живете в тройном страхе: справа Вас запугивают злодеями-демократами, слева — генералами, а сами Вы заворожены и парализованы страхом, что распадется то, за что Вы отвечаете.

Но Вы не можете соединить то, что уже распалось. И если есть кто-то, кто верит, что он может, не завидуйте ему: он обречен.

Но куда уйти Горбачеву? — говорят некоторые. В партию Полозкова? Или Травкина? На ферму в Калифорнии? На дачу?

Вы уйдете в место более дефицитное, чем кремлевские дачи. В историю. Вы сделали шаг туда, заявив, что общечеловеческие ценности — выше классовых: вещь, очевидная любому полуграмотному жителю цивилизованного мира. Но то, что эту вещь сказал лидер государства, которое заявило, что наше дело — нечто более прекрасное и справедливое, чем цивилизация,— коммунизм, сделало эти слова историческими. Теперь Вам приходится сделать следующий шаг: показать, что общечеловеческие ценности выше государственных. Почему — Вам, лидеру отсталой страны, а не Бушу или Миттерану, которые свои государства пока еще все-таки европейскому дому не жертвуют? Таков закон неравномерности развития истории и культуры. Вклад России в духовную культуру всегда был обратно пропорционален ее вкладу в социальную и политическую культуру. При авторитарных и тоталитарных режимах, под чужеземным игом и в оккупации, в нищей деревне и в лагерях она умела говорить новое слово в культуре. Ваш уход, признание Вами невозможности советской федерации и союзного договора будет означать, что Вы понимаете: нам надо отказаться от роли великой военно-политической и социально-многонациональной державы. В этом — наше спасение.

Последней каплей, после которой излилось это послание, стало заявление Шеварднадзе. Не могу и не хочу входить в мотивы его поступка. Но смысл его постепенно открывается. Уходит руководитель внешней политики, которая получила самую высокую оценку и в стране, и за рубежом, человек с высоким рейтингом, популярный в России (нет, не в Грузии, ибо «нет пророка в своем отечестве»). Какой в этом смысл? Не из-за того же, что невежи и безумцы как-то его обозвали (когда он был руководителем Грузии, его проклинали, охотились, стреляли не раз — не уходил). А смысл в том, что государства, внешней политикой которого он так удачно, так блестяще руководил (вместе с Вами и Александром Яковлевым, разумеется), государства этого больше нет. Его уход, очевидно, что-то необходимое дает лично ему. Стране он не дает ничего, потому что ведь очевидно, что во внешней политике, как и во внутренней, ведущая роль была Ваша. Роль эта сыграна. Она была так тяжка и игралась на фоне таких человеческих драм и трагедий, такой разрухи и беды, что награда мирового жюри выглядела даже как-то неуместно.

Вы не должны, Михаил Сергеевич, ожесточаться на холодную реакцию депутатов на Ваше нобелевское лауреатство. То, что сделано при Вас и Вашими руками — разрушение тоталитарного государства,— вещь великая, но не праздничная, суровая, с долгими последствиями, как создание печальной беспощадной книги. И подобно Мастерам, создающим такие книги, Вы не заслужили ни наказаний, ни наград, Вы заслужили покой. И пусть Бог даст Вам его.

А кто успокоит страну? Теперь уже никто. Ни Бог, ни царь, ни герой. Только она сама: группами, частями, поодиночке, вместе — как спасаются после кораблекрушения, кто на чем. И мир поможет: не как великой державе, а просто как людям в беде.

Народам надо разойтись хотя бы для того, чтобы понять, насколько они экономически независимы и состоятельны. А то каждый народный фронт искренно убеждает себя и окружающий его мир, что его нация кормит остальные. «Да вы на своей сухой земле с голода умрете»,— говорит обиженным на Молдову гагаузам новый лидер молдаван — и как не доказать, что он не прав. Республики обижены на Россию, что она из них жилы тянет, а русские мечтают, когда наконец перестанем кормить нацменов — хватит. Конечно, в изобильной семье кусков не считают, но в голодной — бывает именно так. Вы вот говорите: чем в чужом кармане считать да митинговать, лучше б работали все вместе, тем более что теперь свободно: хочешь — землю покупай, хочешь — ферму заводи. И не только говорите — делаете, иначе бы и разговаривать с Вами не стоило бы. Что-то не слышали мы от настоящих новых хозяев, потенциальных, скажем, капиталистов, спасителей наших, чтоб именно правительство им мешало. Спросили гения предпринимательства Святослава Федорова: «Но ведь помог кто-то, рука наверху была, ведь в те времена за предпринимательство и сажали?» Он ответил честно — все по телевидению слышали: «Мы боролись отчаянно, но, конечно, был человек — Рыжков Николай Иванович». И другой гений предпринимательства, Вахтанг Кабаидзе, признавался, что помогал ему в тяжкие времена Михаил Сергеевич Горбачев. Сказал и знаменитый «архангельский мужик»: «Ох, не стоял бы коекто между мною и Горбачевым, я б таких дел наворочал». И украинский талантливый фермер (не вспомню сейчас и имени — он «Юности» интервью давал) заявил: «Только б не помер Горбачев, а я лично свою семью уже вперед обеспечил. Теперь есть смысл вкалывать. А вракам про кулаков я сроду не верил». Вот такие, талантливые и независимые, которые не верили, что кулаки — враги народа, когда другие верили, они и сегодня не верят, что Вы — враг народа, как верят другие. Но таких мало.

...Смолоду я решила работать не в столице, в глухой провинции и сейчас езжу и знаю, что до сих пор живут там «чеховские люди»: врачи, учителя, рабочие, крестьяне. Сильные в труде, глубоко интеллигентные, они держат на себе культуру, но робки в политике, брезгливы к ней, никогда не играли и не играют никакой политической роли. Эти люди Вам сострадают и рады помочь, но их голоса не для площадей. Политические повороты свершаются волею тех, кто мало что знача в культуре, значат все в общественном мнении. И если даже человек культуры попадает в политику, он ничего не может сделать. Уж как, кажется, велик авторитет Дмитрия Сергеевича Лихачева, а стоило ему поддержать президентское правление, и совмещение постов, и единство Союза — и все: в глазах политического авангарда он уже в лучшем случае наивный дурак, а в худшем — так рука не поворачивается написать.

К сожалению, факты так же мало действуют на направление политических ветров, как политические события на направление ветров природных. Ведь только при Вас прекратился открытый официальный антисемитизм и сколько моих знакомых евреев, даже не мечтавших о достойном их способностей и энергии месте в обществе, стали руководителями на производстве и в науке, депутатами всех уровней, и народ охотно за них голосовал. Скольские, не пытавшиеся уехать за границу, опасаясь расправы, уехали спокойно. Но бесчинствует «Память», травит, гонит людей из страны, тех, кто уезжать не хочет, погибает страшной смертью великий русский еврей Александр Мень, и спросите среднего политического активиста-еврея: «Кто стоит за «Памятью»?» «Да они стоят,— скажет,— Горбачев и все эти». Затравленные люди должны быть очень сильны душой, чтоб не потерять ориентиров. А сильные душой, повторяю, в борьбе за власть и влияние слабы.

Говорила я и с ребятами из «Памяти» — несчастные люди, алкоголики в третьем поколении, неустроенные, больные. «А кто виноват? Все евреи со своим Горбачевым. Жена-то его — племянница Громыки, а настоящая фамилия Громыки — Кац. Даже в энциклопедии написано, не читали?» И ведь не перелистаешь с каждым таким несчастным все энциклопедии.

Вы спросите, почему я должен считаться со всяким бредом. Да Вы ж какникак «марксист», Михаил Сергеевич, и должны знать: когда бред овладевает массами, он становится материальной силой. Пусть нет никакого лешего в лесу, но если человека, который искренне верит в лешего, оставить ночью в лесу, он может взаправду умереть, и близким его не легче от того, что он умер из-за темного смешного предрассудка. А мы близки к погибели. Голод, и холод, и разруха, и тотальное насилие надвигаются на страну. Тревогой о соотечественниках, конечно же, больше всего и продиктовано это письмо. Наверное, правда, что разного рода мафии прячут продукты, манипулируют ценами и поведением людей, но главная причина срыва механизма, по моему убеждению, в той борьбе за независимость, которую ведет каждая республика, область, район, в самоутверждении всего и вся. И обостряет эту борьбу убеждение, что Вы в интересах личной власти не даете этой независимости, давите ее. Ушли бы Вы — и всего бы навалом. Но вот пришел в Россию Ельцин — любимец населения нашего — и уже его крайние «левые» попрекают не хуже, чем Вас крайние правые, только другим — тем, что вот и он, как Горбачев, не хочет на самом деле развалить Союз и старается по крайней мере не дать России разбиться на Якутское государство, Татарское государство, Чечено-Ингушское и т. д. И он, и правда, не хочет, только тоньше, артистичнее Вас это делает: Ельцин — другая натура — за год общения с интеллектуалами он полностью забыл тот раздражающий, сухой канцелярский язык, на котором всю жизнь говорил с разных трибун, у него даже манеры и внешность изменились, и у меня нет сомнений, что он изменился и внутренне. Ваша необучаемость, неизменность, застылость Вашего облика и речей — признак натуры незаурядной: это ведь только невежественные школьные учителя бойко объясняют все «странности», которые наговорили Пушкин, Достоевский и Толстой (а уж чего они не говорили: и что Литва — русская земля, и что спасение — в рисовых котлетах), их отсталостью, предрассудками и какими-то непонятными «противоречиями». Им невдомек, что всякий начинающий, делающий что-то первым, неизбежно говорит языком некоторого абсурда в беспомощности объять разом реальность. И напрасно Белинский проклинал Гоголя за проповедь кнута — Гоголь ужасы крепостного права не меньше его понимал и не меньше сделал для их прекращения, но он понимал и относительность всяких прав — и крепостных, и некрепостных перед чем-то, что он творчески осваивал. Думаю, что Вы в политике идете тем же путем и идете первым (Ельцину, который идет вторым, зорко ловя Ваши ошибки и учась на них, легче). Говоря «первым», я ни о Сахарове, ни о Солженицыне не забываю, но они шли не в политике, а в культуре (и поэтому значили для меня, например, все, а Вы — до избрания генсеком — ничего: я даже не знала, кажется, что Вы член ЦК).

Поэтому я и мои единомышленники (которых немало, но которые погоды не делают) не придают никакого значения Вашим словам о «социалистической перспективе» и тому подобном. И мы не видим никакого противоречия в том, что Вы сначала были против президентства, потом — за, сначала против союзного договора, потом — за. Мы видим, что Вы готовы на все, лишь бы спасти страну и себя: как всякий честолюбивый человек — а других в политике не бывает — Вы себя от страны не отделяете, говорите все время от имени народа, не забываете, что Вы из народа.

Да, Вы из народа, но сейчас Вы стоите между народом и тем зеркалом, в которое он, народ, должен посмотреть, вглядеться в себя и понять наконец, кто он, как выглядит, почему, прозываясь великим, живет чуть ли не всех в мире хуже. Он должен сам решить, стоит ли такой ценой быть великим, хочет ли он и может ли он действительно жить в огромном, до зубов вооруженном государстве или надо как-то по-другому. Голландия ведь тоже была когда-то великой державой, сейчас — кроха, но хороша, как в сказке.

Вы, Михаил Сергеевич, меньше всех виноваты в том, что историческая судьба вечно толкала Россию спасать Европу — то от монголов, то от французов, то от немцев, и после каждого спасения расширяться за счет других — не от какой-то природной русской жадности и агрессивности, а потому что так спокон веку, до открытого Ганди, Кингом и Сахаровым «нового мышления» было принято: спас — получай кусок. Россия то ли поправилась от этих «кусков», то ли отекла, но она не может этого разглядеть хорошенько, потому что то место, на котором стояли прежние ее руководители-завоеватели, занимает все еще какой-то человек. Он первый — ничего не взял — напротив, отдал, но тех-то прежних, что завоевали, нет, а чтобы освободиться, надо кого-то сбросить. Это в великом фильме «Покаяние» — увертюре нашей гласности — можно сбросить символ-труп и освободиться. Да и в фильме не тем искупается прошлое: там невинный ребенок гибнет.

Я не верю, что межнациональные кровавые схватки по заданию Кремля устраивают местные коммунисты-аппаратчики. Кремлю ведь каждая распря — в укор и ослабляет его. Да, беженцы (с которыми я два года проработала и которых мне всех бесконечно жалко: и русских, и турок-месхетинцев, и армян, и азербайджанцев) рассказывают, что партийные начальники, милиция и КГБ раздували огонь. Но они же рассказывают, что то же делали писатели и студенты, муллы и священники — что же, их вешать, как раньше врачей вешали за эпидемии холеры или чумы? Милиционеры и чекисты издевались и грабили в силу того, что они тоже люди какой-то национальности и тоже ослеплены национальной ненавистью. Это относится и к коммунистам. Я понимаю, почему абсолютно беспартийный и абсолютно бескорыстный Лихачев поддержал совмещение постов, так же как понимаю, почему беспартийный, бескорыстный и в сердце моем навсегда бессмертный Сахаров его отвергал. Оба не хотят раскола, разлома людей, только Лихачев считает, что разные лидеры партии и правительства могут стать символами раскола общества на коммунистов и некоммунистов, а Сахаров считал, что как раз единичность лидера может стимулировать раскол. В определенной мере оба правы, потому что понимают и умеют глубоко и тонко выразить то, что Вы говорите языком плаката: народ и партия едины. И плакат бывает прав: разве не в одной очереди стоят ныне наши рядовые соотечественники — партийный и без партбилета? А вот что касается нерядовых, так ведь той старушке из Баку, которую сразу пятеро молодцев насиловали, не легче от того, что они и до этого шли с антикоммунистическими лозунгами. Полсотни лет, бывало, шли с коммунистическими и так же грабили и насиловали.

Сегодня даже младших школьников учат начаткам программирования. Все систематичное запрограммировано — это принцип бытия. Ваши реформы во внешней политике, в гласности — я не говорю о «перестройке», поскольку никто не знает, какой объект надо перестраивать,— глубоки, искренни, систематичны, и именно поэтому в них изначально запрограммированы погромы и разруха, и Гдлян с Ивановым, и Ель-

Окончание на стр. 16.

ДЕМОКРАТИИ В АРМИИ НЕТ,

Член координационного совета общественного движения «Военнослужащие за демократию» генерал-майор запаса Владимир ДУДНИК беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Владимиром ПАРИЙСКИМ.

КОМУ ВОЕННАЯ КОСТОЧКА СТАНОВИТСЯ КОСТЬЮ В ГОРЛЕ?

— Открыв первый номер «Церковного вестника», признаться, Владимир Михайлович, с большим удивлением я увидел там вашу, политработника, статью «Армия и религия». Это свидетельствует о перемене официальной точки зрения?

— Какая там перемена... Просто редакция газеты в поисках автора на эту тему обратилась в ГлавПУР, там рекомендовали меня, а потом оттуда же понеслись негодующие крики: «Да он попов зовет в армию!»

— А почему бы, кстати, и нет?

— В этом действительно ничего страшного. И уж, вне сомнения, лучше, чем та бездуховность и сплошная беспредельщина, метастазами разъедающие личный состав.

— Текст статьи вы разве с политуправлением не согласовывали? Или вас таким способом «подставляли»?

— Возможно, поскольку согласование любого выступления в моем представлении противоречит как свободе творчества, так и принципам науки. Впрочем, по нынешним меркам, то, что написано тогда, довольно наивно, сегодня я многое бы добавил. Может быть, и добавлю...

— Эта публикация и послужила причиной вашей демобилизации?

— Не причиной, а одним из поводов. Я уволен в запас в 57-летнем возрасте по соображениям нецелесообразности продлевать выслуженный срок. А фактически это следствие моей позиции, ставшей несовместимой с тем, что насаждает ныне в Вооруженных Силах высший командный состав.

— В чем именно эта несовместимость?

— Главным образом в том, что свободомыслие и тем более инакомыслие в армии неприемлемы. Подчиняться надо только гласу свыше, все остальное — недопустимая крамола. А я своих взглядов и суждений не скрывал и не адаптировал, открыто выступая с ними и перед учениками на кафедре, и на конференциях самого представительного состава, и в научных статьях, и в публицистических.

Есть расхождения и по проблеме военной реформы. Вместе с другими офицерами, которых можно назвать пионерами армейской перестройки (по крайней мере в теории ее), я пропагандировал и отстаивал идеи коренных перемен, еще когда само слово «реформа» произносить запрещалось. У нас в штабах и частях любят поиграть в демократизацию, но при этом подлинной демократии не переносят на дух, что и вызвало негативное ко мне отношение руководства.

— За время службы у вас было много конфликтов?

— Я всегда оставался сторонником поиска компромиссных решений в конфликтных ситуациях. Но в последнее время на меня начались форменные гонения, особенно со стороны политорганов, продолжающих выполнять не столько роль воспитателей, сколько функции неких безгрешных идеологических стражей. Разносы устраивают и сейчас после каждого моего выступления в печати, по радио или телевидению. Даже жена стала беспокоиться: дескать, лишат тебя пенсиона. Но останавливаться я не намерен.

РУКОЙ — «ЗА», АВТОРУЧКОЙ — «ПРОТИВ»?

— Начиная с первого Съезда народных депутатов СССР в парламенте не смолкают требования провести военную реформу. И тем не менее в армии ничего не меняется. Почему?

— Нынешнее время — это время парадоксов, кривых зеркал и труднообъяснимых явлений, а потому столь неопределенно и отношение к реорганизации Вооруженных Сил.

Если говорить об официальной точке зрения, то вот передо мной книга маршала Д. Т. Язова, изданная в прошлом году под многообещающим названием «Военная реформа». Это, по существу, единственное, что в нашей литературе есть по данному вопросу на сегодняшний день. Но, увы, из восьми композиционных кусков книги только первый и последний написаны специально для нее, а остальное — перепечатка ранее опубликованных статей, произнесенных речей и переделанных интервью министра обороны. Знаменательно и то, что в книге не упомянуто ни одной фамилии известных военных ученых и не рассмотрено ни одной их концепции, как будто они не существуют. Это замалчивание, а по сути, абсолютное неприятие иных точек зрения, остается и поныне отношением высшего командования к любым радикальным преобразованиям. Поэтому реформа как бы размагничивается где-то между маршальскими кабинетами и залами для депутатских заседаний.

— Насколько я знаю, отношение «верхов» к армейским нововведениям 1874 и 1888 годов было иным...

— Приведу еще один пример. Когда готовилась следующая реформа (со-

Фото Н. ЧЕСНОКОВА

Даже люди, далекие от армейских будней, могут составить себе представление о противоречивых процессах в Вооруженных Силах по выступлениям в парламенте народных депутатов СССР в воинской форме. Это и «наши» — полковники Алкснис и Петрушенко, и «не наши» — Мартиросян и майор... Впрочем, В. Лопатин (на фото он справа) уже не майор, от армии его отлучили...

— Можно ли предположить, что на судьбу военной реформы в какой-то степени повлияли последствия недавней войны за освобождение Кувейта?

— Проблема анализа этой войны волнует сейчас всех, но если на Западе идет открытое обсуждение ее уроков, то у нас и тут все наоборот. Мы имеем только несколько весьма тенденциозных публикаций, авторы которых стремятся преуменьшить военные достижения стран-союзниц и так или иначе оправдать наши системы вооружений, им противостоявшие, и наши способы ведения боевых действий, перенятые иракскими войсками. Одновременно же предпринимаются попытки провести совершенно бездоказательную, но в духе проверенных комбинаций идеологему, что американцы-де показали — их агрессивные устремления на аравийском направлении не уменьшились и в любой момент они могут переориентировать сферу своих интересов несколько севернее, в сторону границ СССР. А перед лицом столь возможной и даже реальной, как считают апологеты подобных рассуждений, опасности недопустим развал Вооруженных Сил, который под видом реформирования готовят демократы и либералы.

— Но армия-то не разваливается, а разлагается изнутри, сама по себе. Не так уж давно я проходил срочную службу, однако такого разгула дедовщины не видел, хотя она и начиналась при мне.

— Не хотел бы соглашаться, но вот сегодня стою на проспекте Калинина, двое солдат обходят меня, генерала, с двух сторон, и ни один не отдает чести. Разве в цивилизованной армии такое возможно?! Нет, это не мелочь, это свидетельство того, что армия «дичает» и, значит, утрачивает жизнеспособность.

— В то же время считается, что роспуск Организации Варшавского Договора вынудит усиливать мощь государства...

— Если рассуждать традиционно, то да: отпадение от нас сателлитов потребует наращивания военных мускулов для возмещения утраченного могущества. Однако, продолжая тосковать по количественной массе мышц, но не заботясь об их накачанности, мы так и будем оставаться в ратных аутсайдерах.

В моем представлении Вооруженные Силы должны быть не очень многочисленны, весьма мобильны и высокопрофессиональны. В наше время уже невозможны неожиданные ситуации — из космоса просматривается все и достаточно хорошо с помощью приборов электронной разведки. Когда нас пугают якобы грозящей непредвиденностью событий, это значит, что в штабах, включая Генеральный, сидят бездарные вояки, не способные ничего спрогнозировать, имея всю полноту информации. Или, наоборот, плохо относящиеся к своим обязанностям, потому что в их распоряжении современнейшие технические средства, а они через форточку выискивают предполагаемого противника в полевой бинокль.

— Вы упомянули об оснащении армии. Действительно, без этого и мобильность, и профессионализм мало что дадут, но японцы, например, считают, что в такой-то технике мы отстали на четверть века, в такой-то — на полстолетия, а в электронике — навсегда.

— Возьмем наш самый современный танк Т-80 — так вот, уже он на уровне той электроники, что в нем есть, сегодняшним солдатом не осваивается. Старшему комсоставу такая правда режет слух, но лейтенанты ее подтвердят: при опеке нескольких офицеров экипажи лишь натаскиваются на выполнение определенных упражнений, а самостоятельно (не говорю уж — творчески) они действовать не могут — уровень знаний не тот. И, между прочим, одним из результатов реформы должен быть приход в армию солдата как минимум со средним специальным образованием, а то и с высшим.

Я не сторонник настолько дремучего пессимизма, что мы от кого-то или в чем-то отстали навсегда. Да, в рамках нашей нынешней военно-технической политики упущенного не наверстать. Но ведь нерешаемых проблем не бывает — надо лишь определить правильную стратегию при выборе решения. Кстати, пример той же Японии это и подтверждает. Главный наш тормоз не технологический, а психологический, потому что, когда мы психологически примем необходимость широких перемен, как уже принимаем ее разумом, тогда все и образуется, в том числе и по спорному вопросу, кто от кого отстал.

— Вы говорили, что армейская система сама себя реформировать не сможет. С какой же стороны рассчитывать на помощь?

— Вспомним один урок из недавней истории. После Вьетнама американцы пришли к выводу, что их войска не очень-то эффективны, и причины этого поручили выяснить независимым экспертам. Были проведены специальные исследования, показавшие, что наименее готовым к преобразованиям является генералитет, уже не способный адаптироваться к новым организационным условиям службы. И президент Никсон, а вслед за ним и его преемник в короткий срок отправили на покой почти две трети из тогдашних 1800 генералов, чем открыли поле для реформирования. Конечно, этим я не хочу сказать, что у нас сплошь плохи старшие офицеры, но они люди другого образа мышления, не способного органично принять что-то новое. Тем не менее у нас в отставку отправляют именно тех, кто имеет конструктивные идеи, а не сабельных ветеранов. Если положение не изменится, никаких перемен не будет, кто бы помощь ни предлагал.

Фото М. РАСТЕГАЕВА

рванная первой мировой войной), все отечественные издания вели широкое обсуждение и ее общей доктрины, и таких частностей, как и во что будет обут солдат и даже как именовать воинские звания. По всем вопросам свободно и на равных высказывался каждый желающий, будь то подпрапорщик или генерал от инфантерии... Так до чего же мы дошли, если сейчас немедленно изгоняется из армии любой офицер, чьи взгляды хоть в чем-то отклоняются от рекомендованных Генштабом!

— Но ведь сообщено, что в скором времени состоятся парламентские слушания по проблемам реформы.

— Слушания-то назначены, однако вы, вероятно, не знаете, что слушаться будет не концепция, выработанная Комитетом Верховного Совета страны по делам обороны и безопасности с участием независимых экспертов, а та, что разработана в недрах Министерства обороны и которую считать концепцией можно лишь с очень большой долей условности. Мы вообще не знаем, кто конкретно ее готовил, хотя известно, что ни один из прогрессивно мыслящих ученых не приглашался даже в качестве консультанта. Не рассматривались как рабочие документы и альтернативные варианты, а некоторые из них весьма интересны. Так что, скорее всего, мы опять вынуждены будем проголосовать за закон, предложенный консервативным аппаратом. Но ведь давно известно, что любая окостеневшая система сама себя изменить не способна.

И СКИПЕТР, И МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ?

— Вы, конечно, помните, Владимир Михайлович, как при обсуждении кандидатуры на пост Президента СССР генерал Макашов пожелал, чтобы претендент сначала хотя бы пару месяцев посвятил военной подготовке. А вслед за тем целая плеяда полководцев стала добиваться высших должностей в России. Вполне допускаю, что, следуя логике о приоритете армейской выучки, тот же Макашов или другие генералы станут соперниками Горбачева на всенародных выборах главы государства. Это что, новая тенденция или вариации на тему: маршал Сталин, маршал Брежнев, маршал ...?

— В рамках существующей политической системы это закономерный процесс, поскольку армия имеет равные со всеми права и некоторые военнослужащие их пытаются реализовать. Хотя, на мой взгляд, военным следует заниматься своим делом, а судьбы Отечества

пусть решают люди, не отягощенные погонами и милитаризованным мышлением. Если же на будущих выборах появятся возможные претенденты от генералитета, то за этим будет крыться попытка часть голосов военнослужащих, армейских коммунистов отобрать у более популярных и авторитетных фигур и тем блокировать их избрание.

— Учитывается опыт, что у Ельцина при его баллотировке в народные депутаты СССР в соперниках не было ратоборцев?

— И да, и нет. Ведь Ельцин избран от Московского национально-территориального округа, где гарнизон весьма многочислен и мог существенно повлиять на результаты. Тем не менее, несмотря на массированную кампанию дискредитации Бориса Николаевича, большинство военнослужащих голосовали в соответствии со своей приверженностью демократическим принципам за их активного сторонника, что и подтверждает итоговая цифра — почти 90-процентная победа. И уж кто учел те уроки, так это Ельцин, предложивший пост вице-президента республики полковнику Руцкому. Не сомневаюсь, что и на предстоящих выборах Президента страны армейские избиратели отдадут предпочтение не навязываемому кандидату даже из их среды, а достойному.

— Так что же, в период, предшествовавший 12 июня, шла большая военно-политическая игра?

— Скорее политико-военная. Посмотрите на два ее фланга — генерал-полковников Макашова и Громова.

Кто следил за выступлениями Альберта Михайловича в течение последних двух лет, давно понял, что никаких данных для того, чтобы стать государственным деятелем, у него нет.

Что же касается Громова, о котором я, как и большинство офицеров, очень высокого мнения, то меня удивило еще первое его перемещение на должность замминистра внутренних дел. Не сомневаюсь, что и в ранге вице-президента Борис Всеволодович справился бы со своими обязанностями, хотя это не лучшее использование его потенциала и профессиональных способностей. Но и в том, и в другом случае я усматриваю попытки увести Громова от активной военной деятельности.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ?

— Недавно, Владимир Михайлович, вы вошли в состав координационного совета нового общественного движения «Военнослужащие за демократию». На что рассчитывает эта неформальная организация?

— Еще в начале марта заинтересованные депутаты Советов всех уровней, представители «Демократической России», кадровые военные и запасники провели конференцию по обсуждению проблем Вооруженных Сил, на которой пришли к выводу, что военная реформа отложена в долгий ящик, а шаги, предпринимаемые под видом реформы, ее только компрометируют. С целью консолидации сил сторонников армейской перестройки и было создано это движение, открытое для всех, кто имеет какое-то отношение к воинской службе. Информационная связь у нас уже налажена почти со всеми крупными гарнизонами, а в здании Верховного Совета РСФСР установлен телефон, при котором постоянно находится наш дежурный. Особыми успехами пока похвастаться не можем, но один реальный итог наших усилий есть — я имею в виду реакцию военнослужащих на «Воззвание координационного совета» о поддержке на выборах Ельцина — Руцкого.

— Какие отношения у вас с другими подобными организациями — «Щитом», Комитетом солдатских матерей?

— Многие офицеры входят одновременно и в наше движение, и в «Щит», и в этом нет ничего предосудительного. Мы, правда, уважая гражданское мужество активистов «Щита», не разделяем присущего им некоторого экстремизма и отказа от поиска приемлемых компромиссов. Тем не менее совместно с представителями «Щита» и Комитета солдатских матерей мы участвуем в семинарах и конференциях по общим для всех вопросам, а некоторые наши предложения они взяли на себя для проработки и доведения до правовых и законодательных органов.

— Очевидцы говорят, что на встрече с солдатскими матерями Горбачев с трудом удерживал слезы. Однако время идет, а ни одно из принятых тогда решений так и не выполнено.

— На это у всех нас единая точка зрения: пока военная реформа не осуществится, ничто из рекомендаций и даже решений Президента реализовано в армии быть не может, потому что любые нормативные акты без контролирующего механизма останутся на бумаге. А такого механизма нет.

— Но ведь Главная военная прокуратура по статусу независима.

— Мало ли что по статусу... У нас вот до сих пор считается, что Советская Армия — самая демократичная и справедливая в мире. И это после жестоких побоищ, учиненных ею чуть ли не во всех республиканских столицах. Какая может быть независимость у юрисдикции, полностью подотчетной командованию, и когда без его санкции ни один прокурор не может ни очередное звание получить, ни продвинуться по службе, ни улучшить жилищные условия. Да и других укоротов много.

— Почему же тогда Генеральный прокурор, получающий жалованье не в ведомстве Язова, смывает кровь с военных за убийства в Новочеркасске, Тбилиси, Вильнюсе?

— Мне страшно... Армия, обнажающая меч против своего народа, в какой бы форме это ни выражалось, не может быть оправдана никогда и никем. В этом очевидно желание все еще сильной и безответственной административной власти своим пренебрежением к власти законодательной и общественному мнению показать, кто главней. Но если обозреть весь тысячелетний опыт нашего государства, то мы не найдем примера, когда бы применение воинской силы по отношению к мирному населению осталось исторически безнаказанным.

— А вам не кажется, что есть какая-то трагическая закономерность: чем радикальнее начинает проявлять себя в столице Президент, тем больше жертв на окраинах. Не есть ли это попытки «утопить» реформы в крови, причем армии выдается отпущение грехов и за прошлое, и на будущее?

— Как офицер и как гражданин, я убедился, что не только эффективного, а никакого вообще парламентского контроля над Вооруженными Силами и госбезопасностью создать не удалось, и там продолжают делать все, что хотят. Дошло до того, что стал широко обсуждаться вопрос о готовящемся военном перевороте. И положение действительно может обостриться, потому что подневольные дивизии в государстве, еще далеком от демократии, легко в определенный момент сориентировать так, как это сочтут нужным лица или структуры, обладающие неограниченными возможностями.

Сейчас складывается впечатление, что на пороге весны перестройка стала набирать новое дыхание, однако я не уверен, что это необратимо, ибо еще достаточно могучи те силы, которые в состоянии помимо законов поворачивать события в нужном им направлении, и они продолжают угрожающие маневры вокруг Президента.

Усилиями движений «Военнослужащие за демократию», «Коммунисты за демократию» и других, им подобных, многого не сделаешь. Но наша задача — повлиять на то, чтобы за демократию встало все общество. Вот тогда заживем спокойно и мирно.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Фильм Тофика Шахвердиева «Умереть от любви» производит впечатление очень сильное — и странное. Первое ощущение — в нашей кинодокументалистике что-то заканчивается. А может, и вообще в документалистике, включая периодическую печать. Или еще шире: в нашем взгляде на мир.

Что-то явно происходит, возможно, уже произошло. Потому что лента Шахвердиева похожа на восклицательный знак в конце последней строки.

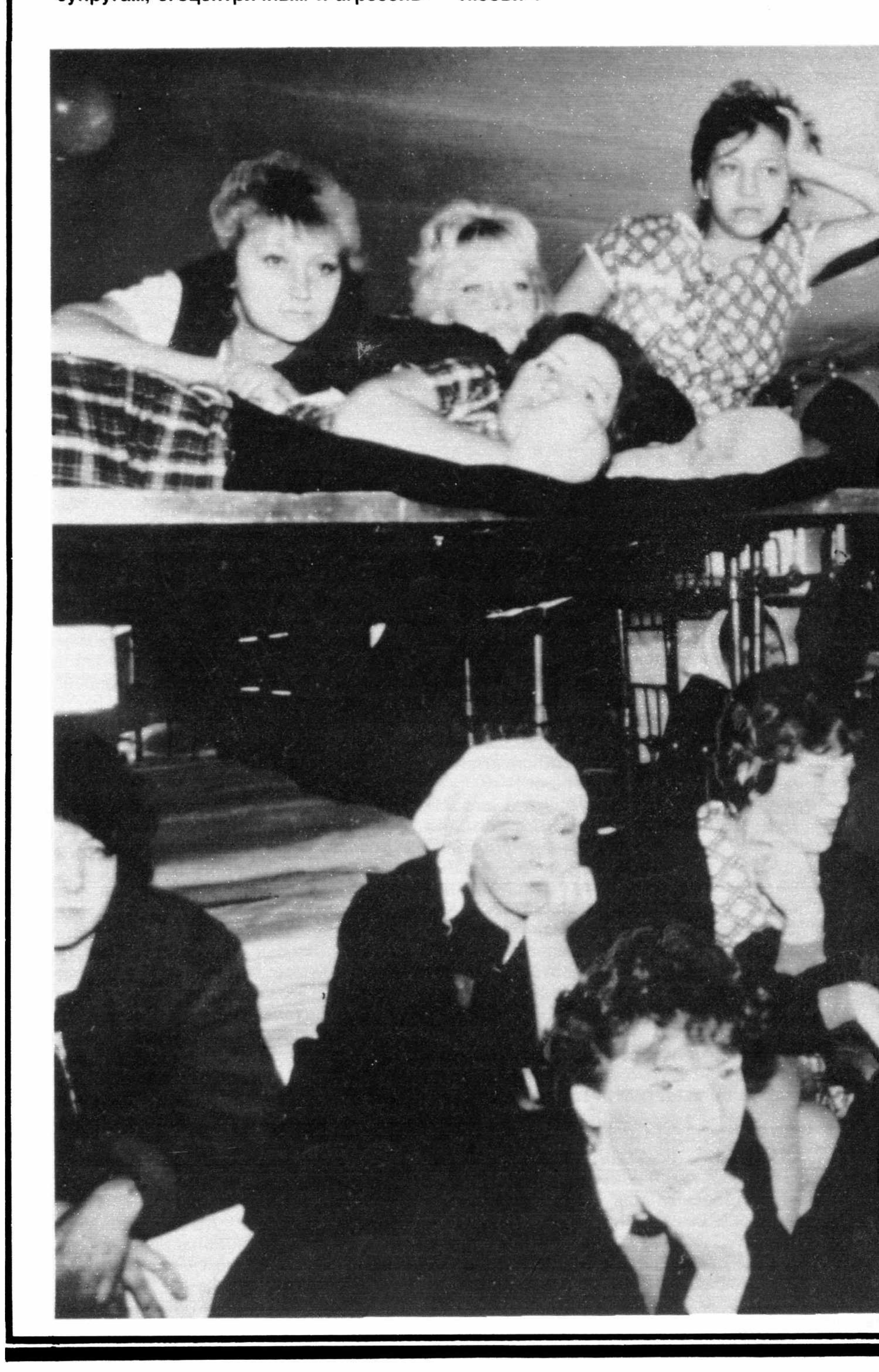
В картине несколько сюжетов. Основной и самый разработанный — рассказ о семье. Муж, жена, малыши. Скромная квартирка, неглупые, интеллигентные люди, атмосфера спокойной любви, взаимоподдержки и того понимания, которое так трудно дается современным супругам, эгоцентричным и агрессивным. Профессии? Жена — проститутка, муж — начинающий литератор и сутенер.

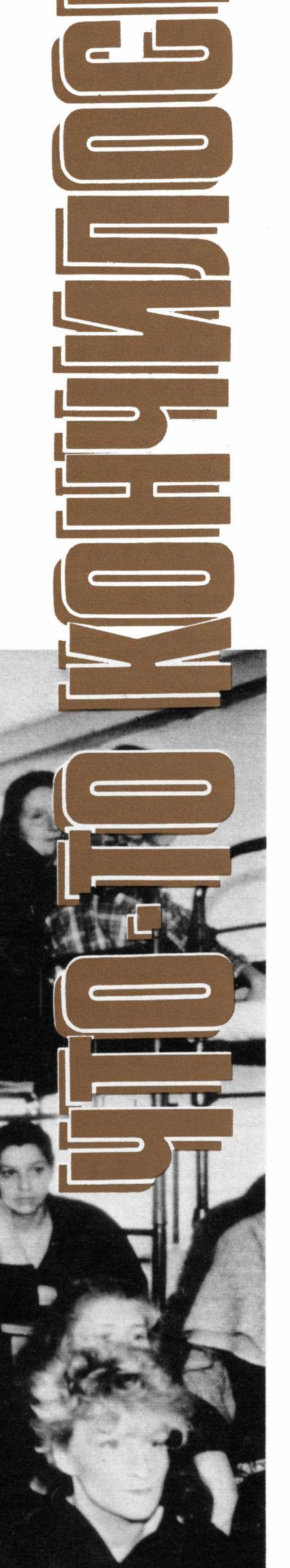
Ну что ж, для нынешнего кино запретов нет, подобными историями нас не удивишь, нынче шокирует скорей фильм без проститутки. Но работа Шахвердиева все равно выбивается из всех рядов, он делает то, что сделать невозможно. Его персонажи играют сами себя, верней, не играют, а просто живут перед камерой. Ибо «Умереть от любви» — лента документальная. И проститутку здесь изображает проститутка, а сутенера — сутенер, и в жизни они действительно ладная и дружная семья.

Как они решились на этот фильм, как сумели до такой степени внутренне раскрепоститься, я не знаю. Вернее, знаю, что так не бывает. Но в данном случае так есть.

Когда-то давно я попытался определить, чем талант в искусстве отличается от гениальности. Придумал примерно такое. Если, зная принцип, можно сделать нечто подобное — это талант. Если нельзя — гениальность.

Слово слишком обязывающее и потому страшноватое. Но, похоже, кинодокументалист Тофик Шахвердиев действительно работает на грани гениальности. Если бы меня когда-нибудь спросили, какой из виденных мною неигровых фильмов ближе всего к совершенству, я бы, пожалуй, назвал именно «Умереть от любви».

К впечатлению от картины не грех добавить впечатление от режиссера. Все мы страдальцы: раньше мешала цензура, теперь давит рынок. А Шахвердиеву не мешает никто, потому что он — свободный человек. Есть талант, есть узкий круг единомышленников, есть камера (не та, что с решетками, а та, что с объективом) — и оказывается, что для высококлассной работы не нужно больше ничего. Тофик Шахвердиев сделал свою совершенную ленту на студии «ТШ», а «ТШ» расшифровывается как Тофик Шахвердиев. Словом, идея авторского кино, доведенная до идеальной чистоты.

Теперь, видимо, надо объяснить, а вернее самому понять, почему же эта удивительная картина вызвала у меня мысли не о дальнейшем подъеме, а о конце кинодокументалистики.

Я уже сказал, что работа Шахвердиева близка к пределу возможного, автор выжал из кинодокумента больше, чем способен дать документ. Такой уровень самораскрытия реального человека, мягко говоря, своеобразной профессии до этой картины я считал вообще невозможным. Если скрытая камера улавливала три-четыре искренних реплики или естественных взгляда, мы уже замирали от степени достоверности. А тут реальные проститутки рассказывают о сложностях и радостях профессии, словно они хирурги, парашютистки или воспитательницы детского садика.

Но — кто из вас слышал это название «Умереть от любви»? Кто тем более смотрел фильм? И я бы его, наверное, не увидел, если бы на дне рождения у приятеля случайно не познакомился с автором.

В начальный период гласности журналист Леонид Загальский и режиссер Андрей Никишин сделали фильм «Зона риска», где разговор прежде всего шел тоже о проститутках. У «Зоны риска» были явные недостатки, вопрос о совершенстве работы не возникал, но сколько разговоров велось вокруг картины, как рвались ее увидеть, сколько разных людей боролись за будущее фильма, за право выхода на открытый экран!

«Зона риска» была штурмом предмостных укреплений темы. «Умереть от любви» — полная победа. Но почему же фильм-эксперимент стал ярким общественным событием, а фильм-свершение нет?

Думаю, дело здесь не в кино. Просто сама эпоха гласности незаметно пересекла некую границу, за которой уже иная страна, и властвуют в ней иные порядки. Что и сказалось на кино, на литературе, на печати, а также на политике и нашей жизни вообще.

Скажем, резко упали тиражи газет и журналов. Возросла цена подписки? Да, и это сказалось. Но, например, телепередачи не вздорожали, разве с прежней жадностью глотаем мы бесчисленные заседания сессий наших бесчисленных советов? Кто из нас просто регулярно смотрит «ящик» и слушает радио? И — что смотрит, что слушает? Широкая аудитория вновь нетерпеливо ждет встречи с обаятельным Владиславом Листьевым, но уже не во «Взгляде», а в «Поле чудес». Может, телефункционер, сумевший среди бела дня под носом у милиции спереть у народа Останкинскую телевышку, не полностью лукавил, уверяя, что сегодня народу нужна именно развлекуха?

Что-то кончилось, явно что-то кончилось.

Это «что-то» можно сформулировать приблизительно так: информационный период гласности исчерпал себя. Публика насытилась. Наелась фактами до отвала. Новые не добавляют практически ничего.

Наши документалисты вовсе не стали работать хуже, скорей наоборот: осмелели, стилистически расковались, добрались до исторических кладовых, еще недавно наглухо забитых. И не их вина, что винт эпохи тем временем сделал поворот.

Пять лет назад нашу взбудораженную общественность сильно тянуло узнать, воруют секретари обкомов или нет. Выяснилось: воруют. Еще волновало, была ли коллективизация преступлением. Выяснилось: была. Наконец, жгучий, всепоглощающий, прямо-таки всенародный интерес вызывала кардинальная загадка эпохи, есть в стране победившего социализма проституция или Бог миловал. Выяснилось: есть, и еще какая.

Информационный взрыв осветил самые глухие углы действительности, не обнаружив там ничего привлекательного. Правда, которую мы так настойчиво требовали, стала всеобщим достоянием: все знают всё.

А дальше случилось то, что не могло не случиться: цена факта пошла вниз. Впереди замаячила инфляция.

Когда нам в очередной раз рассказывают, сколько натяпал очередной партократ, это, разумеется, остается информацией, но уже не становится сенсацией. И с прочими полутайнами происходит то же самое: деталь, может, и нова, а суть дела давно известна.

Пока еще читают, слушают и смотрят, хотя уже с пятого на десятое. Завтра досадливо отвернутся. Идея, что вчера мы жили паскудно, сегодня еще хреновей, а завтра, того гляди, вовсе откинем копыта, потеряла манящую прелесть новизны.

Как известно, жанры в искусстве не умирают, просто время от времени они поворачиваются к нам новой гранью. Видимо, сейчас и происходит такой поворот, только неизбежность его нам еще предстоит осознать.

Самое ясное понимание кошмара нашей вчерашней и сегодняшней жизни, увы, отнюдь не гарантирует завтрашнего улучшения. Чтобы кривая пошла вверх, нужна серьезная работа — прежде всего работа мысли. Ну, а если вернуться к искусству, необходима не просто документалистика, но талантливая, глубокая, умная публицистика. В том числе и кинопублицистика. Только конструктивное мышление поможет вывести страну из кризиса.

Когда я впервые смотрел «Умереть от любви», несколько раз ловил себя на том, что внимание рассеивается. Идут замечательные кадры, а я их «листаю». Почему?

Дело было не в слабости материала, а в силе. Каждый эпизод требовал осмысления. Но Шахвердиев выстроил фильм, как чистый документалист. Вот и пришлось мне, зрителю, по ходу дела самому становиться публицистом, то есть пытаться осмыслить хотя бы основное. Скажем, проституция — это грязный порок или грязная, но общественно полезная работа? И если порок, то почему он неискореним? А если работа, то почему презирается? И что станется с проституцией дальше — исчезнет или, наоборот, обретет респектабельность и место в обществе рядом с другими нестандартными ремеслами? Дальше вставали новые и новые вопросы, наслаивались друг на друга, а сквозь них, в отдалении, просвечивал главный: как нам жить дальше?

Вероятно, именно эта проблема — как жить дальше? — определит завтрашний день нашей документалистики. Конструктивность мышления станет условием успеха. Удержат и даже поднимут тиражи те издания, которые смогут не только поставить вопрос, но и дать ответ. Правда, в западной документалистике постоянно прибыльна торговля новостями. Но скопировав чужие методы, мы, увы, не скопируем удачу. Сытый читатель или зритель интересуется, что на свете новенького. Голодный же напряженно всматривается в завтрашний день хотя бы для того, чтобы вычислить, когда наконец в ближайшем продмаге прорежется съедобная колбаса. А этот вопрос не решить без десятка сопутствующих, таких, как форма правления страной, экономическая система, виды собственности и т. д.

Да разве озабочены мы только колбасой?

Жестокие репортажи из Карабаха не предотвратили трагедию народа Южной Осетии. Кровопролитие в Вильнюсе возмутило всех, кроме ленинградского телерепортера, но разве это помешало кровопролитию в Риге? Фиксация факта обязательна, но это лишь первая ступенька лестницы. А дальше — анализ, прогноз, трудная работа ума. Трудная и для художника, и для читателя, и для зрителя.

Итак, информационный бум кончается. Ярчайшие достижения документалистов, добытые талантом и пóтом, уходят в подшивки, в фильмотеки, в запасники. Естественно, выбрасывать нельзя ничего, но время от времени приходится расчищать рабочий стол от завалов.

Ну, а в живом потоке искусства хоть что-то останется?

Что-то определенно останется. Например, удивительный фильм Тофика Шахвердиева «Умереть от любви».

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Начало на стр. 9.

цин, и Гамсахурдия, и ошеломившая мир самоотставка Шеварднадзе, и повисший на волоске судьбы Ваш уход, и конец союзного единства, может быть, временный. Если бы это сразу мне понять, зачем бы тратить столько сил и здоровья на те же «гдляновские» дискуссии. Но если бы люди все сразу понимали, они бы из люльки не вылезли, говорить и ходить не начали — зачем: все равно ведь довольно скоро замолчишь и остановишься навеки. Поэтому я не упрекаю Вас, что Вы не сказали или не сделали чего-то раньше или даже не сделаете позже. Это уж дело Вашей судьбы.

Но кажется мне: пока у «народов» есть центр ответственности, они не отрезвеют. Вообще и всегда — я за Центр. Но сейчас так все извратилось, что и ему необходимо раздробиться, размыться.

И если раньше мы говорили: «Но тогда будет хаос и абсурд».— теперь слово «будет» потеряло смысл: уже хаос и уже абсурд — немецкие дети собирают нам сухари и печенье, а у нас все это гниет. Раньше мы говорили: «Но на его место придут генералы, пошлют танки, а пока он есть, хоть и ненавидят, но слушаются: они ж партийные, должность уважают, звание». Да, вчера это было правдой, но сегодня уже нет: гласность наконец и их раскрепостила, уже и им плевать, что Вы — Генеральный секретарь и что исправно клянетесь Лениным, они, правда, звереют, когда памятники Ленину крушат какие-то чужие, но надо будет им для дела — и Лениным пожертвуют. Если там есть кому прийти — придет и сквозь Вас. И я вовсе не уверена, что придет для сладострастного упоения личной властью — такие маньяки, как Сталин, в истории редки, обычно мотивы бывают смешанными, и человек в погонах может любить одну шестую и хотеть ее спасти. Может, такому люди и скажут: спасибо. Сталину мы в детстве каждый день от души «Спасибо!» говорили, да ведь было за что: он наших отцов в лагеря бросал или почем зря немецкие танки ими кормил. А современные дети не умеют Вас благодарить. Да и за что?

Надо, конечно, весьма относительно употреблять это здесь часто поминаемое понятие нелюбви. Не любят не Вас, не Рыжкова — место это проклятое. Слова эти — Генеральный секретарь, глава советского правительства. Мы, поддерживавшие президентское правление, надеялись, что более приличное, цивилизованное слово — Президент — что-то стабилизирует. Но «Известия», печатая мою, например, статью «В ожидании Президента» (а не «Зачем нам нужен Президент?» — это уж они переиначили, не успев меня спросить), выбросили ключевую для статьи мысль: что если Съезд выберет Вас как бы вопреки мнению демократической оппозиции, такая победа для Вас хуже поражения: Вы будете в глазах населения узурпатором, притом слабым (поскольку нас 70 лет учили, что сила измеряется масштабами репрессий), а какой же авторитет у слабого узурпатора?

В то время как «Известия» набирали мою подрезанную статью, один из самых выдающихся наших молодых депутатов почти теми же словами уговаривал эту самую межрегиональную группу: «Все равно Горбачев хоть небольшим перевесом голосов, а пройдет. Но если он пройдет не с нашей подачи, он станет в глазах народа ставленником аппарата, и в результате страна полностью развалится. Да и вообще мы голову теряем, мы уже, как Ленин, не знаем, кто наш враг — царь или социал-демократы. Нина Андреева против Горбачева, и мы туда же?» Но не смог он повторить эти слова на Съезде — не дали те, кто не взял ни умом, ни образованием, ни внешностью — зато горласт. И получилось именно то, чего мы боялись: только несколько демократов Вас поддержали — Лихачев, Травкин, кажется, и Собчак,— а вообще в основном положительно характеризовали друг за дружкой секретари ЦК республик да кое-кто из группы «Союз». Такую власть, конечно, уже нельзя было брать без референдума (я об этом писала, и тоже сократили «Известия»), но Вы взяли.

А главное — Вы не пришли на межрегионалку ни разу, хотя звали Вас — либеральное крыло звало — не раз, и проникновенными письмами: приходите, Михаил Сергеевич, мы не экстремисты, не враги, дело общее. Но Вы не смогли прийти в группу, один из членов которой говорит, что Вы уголовный преступник. Не могли встать выше этих нескольких. Конечно, надо было прийти, договориться с теми, кого и народ считает совестью нации (правда, Андрея Дмитриевича уже не было, но Вы и при нем не ходили и его не слушали: слово давали не в очередь пять раз — он это всегда помнил,— но никогда не слушали).

Да, прийти надо было, несмотря на оскорбления Вас, Вашей жены (что нормальному мужчине должно быть непереносимо), но, если бы Вы могли это сделать, Вы не были бы Горбачевым — тем человеком, который в один прекрасный день взял да и сказал людям, что то, чему учили их, их отцов, дедов и даже прадедов — классовые ценности, ракетное величие,— все это чушь. Это был действительно прекрасный день, какой-то весенний, а сейчас отвратительная грязь и сырость. Увы, таков закон природы, хорошие дни приводят за собой плохие, и хорошее не только быстро забывается, но уж кажется вроде и причиной плохого либо чем-то нереальным, приснившимся.

Один разговор в поезде вдруг открыл мне образно всю глубину народной трагедии. Говорили двое молодых рабочих, симпатичные, толковые ребята.

— Вить, а ты знал, что мы здесь — на 18-м месте в мире, тут — на 32-м, там — чуть не первые с края?

— Честно, не знал. То есть я видел, конечно, что бардак кругом, что, допустим, в Америке все не так и у чехов даже: видел в кино, люди рассказывали, да и по радио, по би-би-сям другой раз поймаешь. Но вот чтоб так — на 32-м, что все вообще зря, и война не та совсем, как мы думали, не знал.

Я, работая всю жизнь с закрытой, в основном иностранной, литературой, привыкла и к цифрам, и к фактам, и к концепциям, и меня вдруг до мозга костей проняло: что должны были испытывать люди, на которых лавиной обрушилась правда. Речи Власова и Евтушенко, Рыбаков и Приставкин — для начала, потом — Гроссман, Солженицын. Говорили они, не Вы. Вы, собственно, сказали несколько суховатых формулировок. Но без этих формулировок они бы говорили это на кухне, писали в стол, в сам- и тамиздат. Витя и его спутник их бы не слышали. Поит людей вода из-под крана, не рука, что кран поворачивает. Но не повернешь — не потечет вода, утоляющая, жданная.

Наших ран ничем, кроме правды, не залечить. Правда эта сказана при Вас, с Вашего разрешения. Правда эта ужасна, непереносима, последствия ее тяжелы и непредсказуемы. Люди не простят Вам, что при Вас узнали эту правду, пока Вы стоите на том месте, которое они привыкли считать рубкой корабля, хотя капитан уже не может управлять — слишком бушуют волны вокруг.

Ноябрь 1990 г.

Публикация Галины ЧАЛИКОВОЙ

СТОРОНА ЧУЖАЯ, СТОРОНА РОДНАЯ

Александр ТЕРЕХОВ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонушка.
Сторона да ты, вот, все чужая, вот да ты чужая.
Да никто ж то про нее, да про эту сторонушку,
Ой да никто ж не знает, вот и да не знает.

Россия похожа на провинциала, приехавшего в столицу. Пугают соблазны. Окраины кипят — отделяясь, определяясь, хмелея от перевода «Родины» на национальный язык. Гуляют радостные карнавалы с пороховой гарью, безбожники разбегаются по религиям, русским отовсюду машут: пора домой! А над отчими полями мертво витают склеившиеся крестом социализм да капитализм, и по-прежнему хочется разнимать материнской матерой рукой соседские драки, сплотить и придавить всех крылами. Только не возвращаться к собственной пустоте.

А в этой пустоте вдруг закричали: «Казаки!»

Ох, этот крик тревожит душу еще с нашего Рождества Христова — с первых маевок: вот под флагом народ, а вот машут нагайками, хищно скалясь, усатые мордовороты — казаки, казаки, тикайте, товарищи, сюда — огородами!

И все с очень неуверенной усмешкой, обмирая сердцем, косятся на русские рубежи, где зашевелились потомки казачества, коего было одиннадцать миллионов, перед тем как пошла косить коса,— донские, кубанские, терские, астраханские, уральские, оренбургские, сибирские, семиреченские, забайкальские, енисейские, уссурийские и амурские.

По сценам запрыгали кубанки и лампасы.

Возрождается воспитательная мера — наказание плетьми. Порют малолетних и прочих правонарушителей.

На улицы отправились казачьи патрули.

Призывники целуют шашки и прячут в котомки кисеты с родной землей, на зависть комсомолу, который «работаем, как дети — пьем, как взрослые».

Вернулись казачьи звания, и казачий круг «хорош-пригож» выбирает себе атаманов: хуторского, станичного, юртового, окружного, областного.

Только в Волгоградской области миллион сказал: «Я казак!» Уже спорят: кого считать? Не черепа ли мерить? Умеренные хоперцы пишут так: «Членом организации может стать любой гражданин, родом интересов, увлечений и конкретной деятельностью связанный с хоперским казачеством и его историей». А вообще есть ребята и «сквознячки» — косятся на пятый пункт. На сходах кричат взволнованные иногородние. Волгоградский атаман А. Бирюков принимает делегацию за делегацией: армян, азербайджанцев, евреев — и твердит:

— Не бойтесь, дорогие товарищи! Казак жил до революции так, как каждый должен жить после перестройки. Родился пацан, ему — раз! — землю. И никогда не голодали, лаптей не носили, выбирали свободно и тайно атаманов, кидали шапки, отсюда и есть — шапками закидать. Никто атамана сверху снять не мог. Никакого у нас нету военного уклона. Одумайтесь! Кому охота сейчас на коня? А что части казачьи желательно возродить, так это чтобы наши дети не вешались из-за какого-то гнилья. Все, от полковника до рядового, должны быть из одних мест. Ты мне морду набил. Придешь в станицу — мой старший брат тебе наквасит. Сели родители в самолет и — проведать, как в царские времена. Тогда, правда, царь проезд оплачивал. А сейчас разлетелись в сто концов и — привет Шишкину. И организация мы не казаков, а «за возрождение казачества», улавливаете разницу, да? А казак сейчас — это «человек, борющийся за общероссийские и общегосударственные интересы, за сохранение и процветание нашей страны». И планы наши: походы по местам славы, исконное землепользование, памятники, музеи, историческая правда, ремесла, коммерция, язык, охрана природы...

В конце разъяснения армянка сказала: «Все равно я вам не верю». Ну, почему?! «В свое время я приходила также в Народный фронт Азербайджана. Там говорили то же самое. А теперь я здесь».

Россия начинает последней — все грехи, кровавые ошибки, подозрения предшественников на ней, всем страшно.

И, конечно, будет очень по-разному. Кроме старинных рецептов: «Крупную щуку очистить, посолить, покрыть ее тонкими пластинами свиного сала, обвязав его нитками. Жарить на вертеле, поливая при этом стекающим соком». Кроме забытых словечек: «Анчутка, анчибил, анчихрист — брань, как бы «черт». Байдюже — безразлично, «а ему и байдюже». «Кильдим — место проведения гулянок с пьянством и развратом». Кроме газет, «Казачий вестник», спецвыпуск новониколаевской газеты «За коммунизм». Кроме плясок и шашек и кручения усов, будет завтрашний день, дойдет до дела, до попыток подняться на ноги.

Осенью прошлого года в Ростове-на-Дону Большой круг, блиставший кобурами, шашками и погонами, выбрал войсковым атаманом донских казаков сына Шолохова — Михаила Михайловича, кандидата философских наук, полковника милиции. Атаман будет находиться в Ростове, и обиженные этим делом новочеркассцы, патриоты исторической столицы, повалили на выход, покинуть круг. Народ утихомиривали молитвой. Перегораживали двери караулом. Атамана с балкона с большой любовью называли: «Коммуняка!» И кто-то горько жалел: «Эх, казаки, видно, мало вас резали большевики!» Караул перестал слушать команды и вынес знамя. На двери встали казаки с погонами четвертого Донского казачьего полка. Опять внесли знамя. Урюпинцы охраняли атамана — еле уговорились.

Уже и пролилась кровь: пять казаков убито и 53 ранено в первых конфликтах. После того как на Пасху зарезали атамана Сунженского отдела Терского войска, зашумели круги протеста с довольно тревожными решениями: «В поселок делегировать донцов для проведения митинга протеста на месте убийства».

Народ очень поднялся, запричитали заезжие из Москвы вожди: вперед, всех перепорем, наведем порядок в Чечено-Ингушетии! Еле местные атаманы уняли: куда? Куда вы зовете? Ну, поедем туда, ну, сожжем два аула, если нас, не приведи Господь, не перестреляют, ну, а завтра что?

Россия больше не пуста: плохо это или хорошо — появились казаки. И всем сразу очень хочется запрячь, облапать, соблазнить, определить их просто и привычно. Правые любовно оглаживают казачество с военно-патриотического боку — ах, как прекрасен Кремль, когда в него въезжаешь на белом коне! Буржуи манят свободой — вы только отдайте нам свои голоса! Парализованная компартия одна лишь бессильно вращает глазами, местами дряхло пытаясь задавить, местами скромно просясь в казаки.

От судьбы и чистоты казачьего шляха станет понятно: последняя ли это судорога русского народа, обреченного уйти, или это начало, и мы с такой надеждой смотрим вслед казакам, первым русским людям, выделившимся из пресного советского народа и просто сказавшим: что мы — не такие, как все! И будем жить сами по-своему! Счастливо вам тут — и отправились в родные пределы, о которых еще Александр Пушкин написал с известной завистью: «Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; в *куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего правления».

Казаки, московские, рязанские, украинские, небогато всплывали в русских летописях, подносили на Куликовом поле князю Дмитрию икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской, а в середине 16-го века вдруг ввалились в историю в атласных кафтанах, темно-гвоздичных зипунах с золотыми турецкими пуговками, шелковыми кушаками и булатными ножами, в сафьяновых сапогах — Иван Грозный признал их грамотой, и Ермак понес волю государеву на Иртыш, потом, когда горячка первого знакомства прошла и казаки наворочали за пару веков кучу славных дел, стали возникать неловкости относительно их корешков: откуда? Карамзин деликатно намекал, что «происхождение их не весьма благородно».

Историки вдарились работать. Кто помельче — вывел казаков прямиком от амазонок. Кто покруче — соединил их со скифами-сарматами, саками, аланами, и в итоге вышло, что казаки на 30 кораблях ходили на защиту Трои. Основали Рим. Наводили страх на персов, мидян, греков, арабов. Проникли в Индию. Наплодили там сословие, из которого вышел Будда. Дали Израилю письменность и земледелие, и институт пророков, и даже Соломона. Добрались до Западной Африки. А под именем норманнов — до Италии, Испании. Входили в Темзу. И Лондон значит «Широкий Дон». Неоднократно нападали на Египет при фараонах. Владели дельтой Нила. Принимали участие в строительстве Иерусалима. А фараон Рамзес III имел жену нашенских кровей. И даже грозный Аттила, владелец полмира, упившийся до смерти на собственной свадьбе, тоже был казак! Ура-а! Здорова! Жалко только, что брехня.

А скорее всего были русские люди, которым хотелось воли. «Отбегаем мы из того государства Московскаго, из работы вечныя». «Кормит нас, молодцев, небесный царь...» И они строили Русь, кормили ее, славили, ставили под сомнение, они были несчастной, несбыточной любовью России — Волей.

И Годунов начал уже эту волю придушивать, закруглил вольную торговлю, двигал крепости на юг, и благодарные донцы первыми признали Лжедмитрия как «долгожданное утешение», «воскресшего как Лазарь из мертвых» — стоило тому пообещать полные вольные годы. Потом сами двигали из своих рядов «царевича Петра», терзали боярскую Русь, превзойдя в жестокости татар и поляков. Царские войска в ответ тоже истребляли от «человека до скота». Самозванец воли не дал и закончил свое царствование на прилавке с двадцатью колотыми ранами, маскарадной «харей» на распоротом брюхе и дудкой, воткнутой в рот. Казаки, образумясь, гнали поляков и выбирали царя Михаила.

Они жили весело — венчались на майдане, и от живых жен, и по четвер-

тому разу, царь слал им четверти сухарей, пуды пороха, ведра водки, сукна, рубли, а они атаковали Казань и Астрахань, брали Азов, терзали турок и крымчан, Ливонию и Польшу, стонал даже султан Сулейман Великолепный. Из казацких спин резали ремни, но они не прельщались на «бусурманские прелести». Дипломаты плакались царю, тот делал круглыми глаза: «Те разбойники... живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут»,— и писал, кусая губы, казакам: «Мы удивляемся, каким образом вы все это делаете без нашего указу». А те опять загорались «итти на Куру-реку, на море громить турских людей», крушили Синоп, Трапезунд, царь кряктел: «вы сделали это не гораздо», «не наводите на себя нашего царского гнева». Отчаявшиеся турки засыпали один рукав Дона, второй перетянули цепями, казаки быстро выкопали третий, и царь уже притворно сетовал крымскому хану: «Хоть бы вы их и всех побили, нам стоять за них не за что».

А казаки двигали границы, за сто лет до Беринга открыли пролив, прятали беглых и старообрядцев, на все царевы укоризны отвечая, что «таковых на Дону не разыскано».

Родился в Зимовейской станице Степан Разин. «Пойдемте со мной на сине море зипуны добывать», повоевали с царем, а потом Степан Разин крестился перед четвертованием на Василия Блаженного и говорил «прости» православному народу и добавил брату «Молчи, собака», когда тот что-то вскрикнул не по делу. Внутренности Разина бросили собакам.

Пришлось казакам присягать Федору Алексеевичу, а затем и первый указ приспел выдавать беглых с Дона, и народ стали вслед переписывать. Казаки верно воевали с Петром, а станица Зимовейская, по слухам, родила Кондратия Афанасьевича Булавина, и тот опять начал искать воли, а когда его зажали зажиточные, пустил пулю в висок, только и сказав: «Погибла наша воля». Труп отправили в Азов и без головы повесили за ноги у протоки. Игнатий Некрасов, сподвижник Булавина, увел сколько мог народу в Турцию, подальше от царевых неправд, и есть такая грустная песня, как он пишет царю «скорый липорт» о зверствах царевых воевод, и царь, узнав правду, мчится следом и машет пуховой шляпой: вернитесь,— а они все дальше и поют ему: прощай, прощай нас...

Петр разрешил казакам сеять хлеб и разводить сады, что раньше каралось смертью, перевел их под власть сената и начал атамана назначать сам, на Дон пошли селиться иногородние крестьяне, а казаки все служили верой и правдой. «Казаки — глаза и уши армии»,— А. В. Суворов.

Станица Зимовейская, отдохнув, родила Пугачева. Тот обещал народу — «будете яко звери в поле жить», кидал в толпу медные деньги, о нем императрица переписывалась с Вольтером. Восстание Пугачева задавили, так как «отсутствовал передовой революционный класс — пролетариат». Пугачева четвертовали, он тоже крестился, клал земные поклоны, народу говорил: «Отпусти мне, в чем я согрубил перед тобой». Палач по милости императрицы первым делом отрубил голову. Войска вешали восставших за ребра, плыли плоты с виселицами, но и пугачевцы были хороши: с коменданта Татищевской крепости содрали с живого кожу, жену изрубили на куски, дочь изнасиловали на глазах младшего брата, а потом закололи обоих, да всякого в те времена хватало.

Курень Пугачева сожгли. Пепел развеяли, место огородили. Станицу перенесли от греха подальше на другой берег и назвали Потемкинской в честь Григория, который и стал ведать донскими казаками.

Павел, вдохновляемый Наполеоном, задумал бросить казаков на Индию, но не успел: ушел из жизни.

Гремели на поле брани лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Атаманский полк наследника цесаревича. 86 казачьих полков защищало Россию в 1812 году — европейцам надолго запали в душу казаки, поившие лошадей в их реках.

Воевали казаки славно и жили богато, свободно, больше воли им позволялось за способность быстро выставить сотни тысяч сабель, синих мундиров, алых выпушек, знаменитых кавалеристов — общий вес со снаряжением 6 пудов 34 фунта 61 золотник.

Но тут станица Зимовейская, уже Потемкинская, поднатужилась опять и дала России Василия Денисовича Генералова, единственного сына в зажиточной семье. Василий жениться даже не успел, как уже пристал к серьезной компании в Петербурге, готовящей невеселую участь царю,— его и повесили первым (замыкал Александр Ульянов), начались новые времена.

В революцию казаки очень поверили. Войсковой атаман, герой брусиловского прорыва генерал Каледин признал, что народ — против, сопротивляться смысла не имеет, за него только сто сорок семь казаков конвоя и группа офицеров. Он сложил с себя полномочия и застрелился.

Чуть позже хлынувшие с Украины красноармейские мародеры и ретивые ревкомовцы немного прояснили казакам представление о грядущих днях, но даже тогда генерал Краснов, проводивший мобилизацию под пулеметами, всех поголовно, с 18 до 60, смог собрать только шестьдесят тысяч вместо возможных полмиллиона. Казаки сидели по домам, еще верили и ждали. И дождались.

В январе 1919-го вышла «бамага» Свердлова, и поехало: массовым террором истребить поголовно, конфисковать хлеб, переселить, уравнять в правах с иногородними, разоружить под угрозой смерти. Станицы переименовывались в волости, хутора — в деревни, запрещались фуражки, лампасы, зарыдали залпами чудовищные расстрелы.

А в мае Ленин, любивший петь «Есть на Волге утес...», я думаю, очень искренне говорил на открытии временного памятника Степану Разину: «Нам нужна свобода действительная».

Глупо лезть в те деньки, смело шмыгая носом, отбивать башку Свердлову, пенять коммунистам — все вроде хотели как лучше, только как же у нас все не так выходит, в нашей стороне...

А Филипп Кузьмич Миронов, знаменитый командарм Второй конной армии, про которого у писателя Знаменского прекрасный роман «Красные дни», писал и посылал Ленину отчаянные письма, за чтение которых потом расстреливали без хлопот, а в ответ получил пулю от часового на прогулке по тюремному дворику.

Казаков скосили в три приема — война, расказачивание, коллективизация. Самый черный русский самодержец — Сталин мудро выбрал первым округом сплошной коллективизации Хоперский. Чтобы все просекли — уж если казачков согнули... Кроме того, Сталин решил не испытывать судьбу: при строительстве канала Волга — Дон станица Зимовейская-Потемкинская ушла на дно.

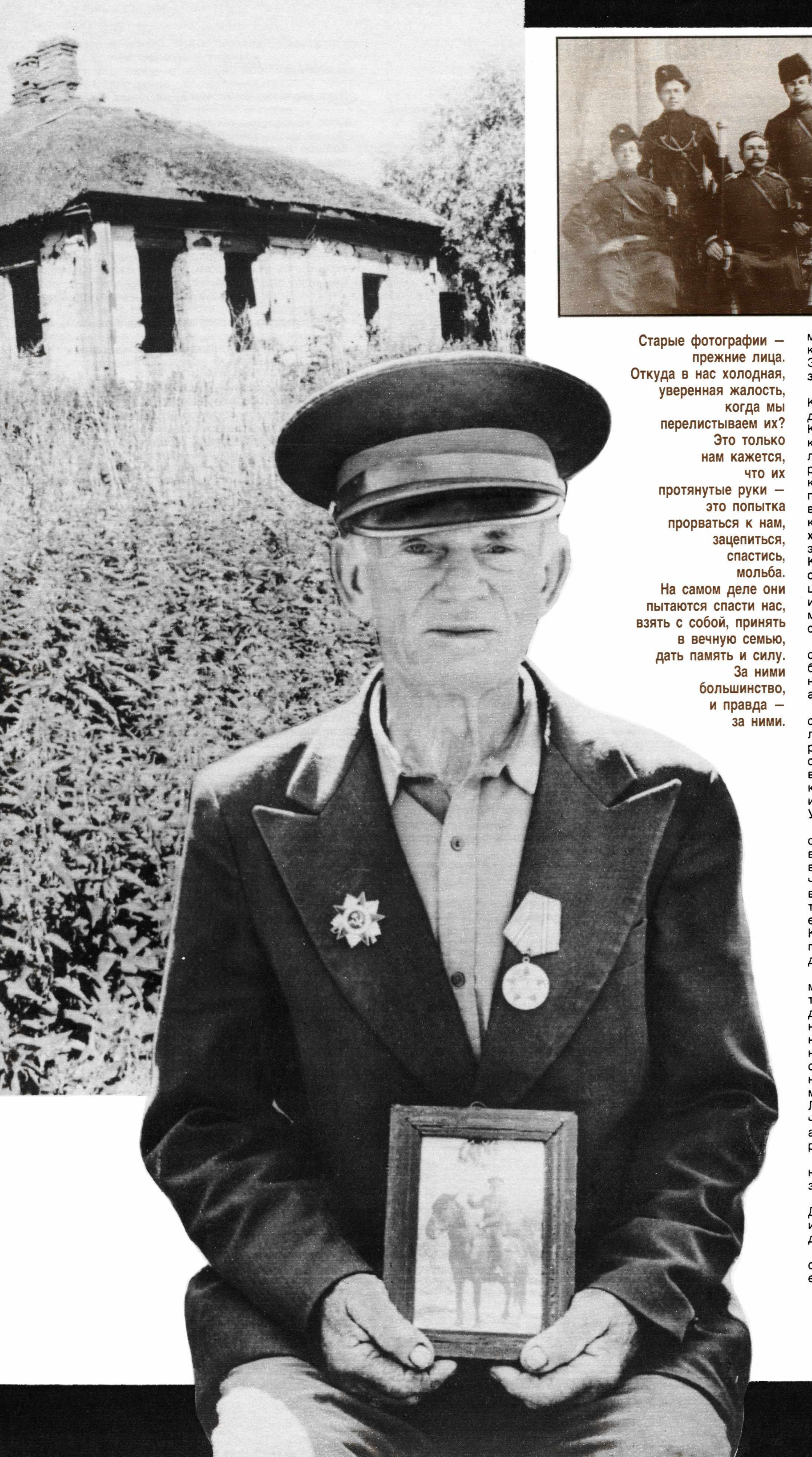
Так погибло русское казачество. Ничего, в общем, особенного, как и весь русский народ, чаша одна. И выходит, что никто вроде не виноват, будто сами виноваты — было что-то такое не так закручено в веках и за что-то нас судьба отметелила.

И совсем безвозвратно казачество может погибнуть сейчас. Когда настало время призраков. Когда нами играют тени, неспокойные души когда-то непогребенных людей.

Есть такие боли — фантомные. Отхватили у товарища ногу, и теперь на ее

Старые фотографии — прежние лица. Откуда в нас холодная, уверенная жалость, когда мы перелистываем их? Это только нам кажется, что их протянутые руки — это попытка прорваться к нам, зацепиться, спастись, мольба. На самом деле они пытаются спасти нас, взять с собой, принять в вечную семью, дать память и силу. За ними большинство, и правда — за ними.

месте под простыней — ничего. Гладкое место. А товарищу ночью не спится. Эта нога болит. До последнего, до мизинца. Хоть ее нету. Фантомные боли.

А сейчас время фантомных людей. Которых в реальности нет. Которые давно уже «проехали» все на свете. Которые куклы. Кажется: проберешься к трибуне, толкнешь — упадет же, кукла! Это время счетоводов, которые сорок лет стучали костяшками в заготконторах, а теперь, размазывая сопли по лицу, вопят, как они всю жизнь ненавидели эту страну. Время политиканов, которым некогда сунуть в рот корочку хлебца в бегах о народной доле, и об этом они написали уже целые книжки. Которые лезут в церкви поперед тихих старушек, отцепляя как репей от задницы партийный многодесятилетний стаж, и потеют со свечечкой перед фотокамерами, ведь такое сокровенное дело, с такими грехами и к Богу вернулся!

Время призраков. Всем почему-то очень захотелось в другую жизнь. Хотя бы в форму. Чтобы стать посторонним на собственных похоронах. И спросить: а кого, собственно, хоронят?

И казачество может сгинуть именно сейчас, в эту пору призраков. Ну, сделают красивый фольклорный маскарад. Ну, наденут депутаты портупеи, ну, снесут подчистую монументы Свердлову и Ленину. Ну, подерутся по пьяни казаки с базарными обитателями, и только. Прощай, последний вздох. Утонет кораблик.

Он и сейчас уязвим. Да, народ ждет от возрождения прежде всего честной власти — этим легко поманить. Да, в казачьи начальники полезут прежние чиновники и писарчуки партийных и советских контор, и опять начнется: охватить поголовно! Все — на выборы! Даешь суверенитет! Долой иногородних! Коммунистов к ответу! Да, в казачество полезут грязные руки, чтобы делать дела под шумок.

И мы видим все это, но мы будем молчать. У нас нет другой надежды, только эта. До человека никому нет дела. Он один на солнцепеке. Он вне народа, общества, племени. Убивают наших братьев — мы молчим. Людям не на чем объединиться. А нелюди имеют очень твердую почву под ногами, они на ней все тесней и властней. А что мы можем сказать семнадцатилетним? Люби Родину? Какую там Родину... Качай мускулы для армии? Для какой там армии... Трудись, будь честным, добрым... А зачем?

Мы не помним себя как народ — нам нечего сказать. Пусть говорят хоть казаки.

Как просто оказаться одним посреди Дикого поля, без роду, без племени и старательно веселиться, жалко оглядываясь по сторонам.

Толстой писал: «Казаки создали Россию». Быть может, они сделают это еще раз?

ПОЭТ В НАЧАЛЕ ИЮНЯ

О поэтах всегда ходят легенды. Про Иосифа Бродского говорят, что человек он загадочный и непредсказуемый. Что может часами не отвечать на вопросы или, наоборот, ошарашить незнакомого посетителя градом колкостей, что с женщинами и поклонниками он жесток и вообще не любит, когда его отвлекают. Поэтому идти в гости к поэту на маленькую улочку в западной части Гринвич-Виллиджа было немного боязно. К счастью, легенды имеют иногда свойство не подтверждаться, и нобелевский лауреат на этот раз не походил на язвительного громовержца, холодного обитателя заоблачных вершин, а удивительные глаза его были добры. Нашу довольно большую московско-американскую компанию он встретил дружелюбно, крепко пожал руки и усадил на диван и стулья в прохладной комнате, где находились бумаги, портрет Ахматовой, компьютер, много пепельниц и сигарет, снова бумаги и фотография очень красивой женщины по имени Мария. «Мы говорим по-русски, да?»

И мы говорили по-русски. О пейзаже Москвы и Питера, о формализме и «черном юморе», «таинственной русской душе» и классической ясности подлинного искусства. В небольшой комнате на Мортен-стрит, неподалеку от океана, по обе стороны которого люди собирались на митинги, спорили о выборах, инвестициях, подводных лодках и снова о выборах, мы разговаривали о стратегии автора в лирическом стихотворении. И, быть может, мы были нормальнее тех, кто кричал на митингах.

Хозяин наш при этом волновался, откидывался на спинку стула, грыз, забывшись, пробку от шампанского и без конца курил. Для Первого поэта Америки это было, пожалуй, чересчур демократично, для профессора и мирового лауреата — несолидно, для человека, перенесшего две серьезные операции на открытом сердце,— легкомысленно по меньшей мере...

Бродский, один из самых формализованных авторов современности, как о нем любят говорить, все равно не вписывается в формулы. Будучи изгнанником, не стал эмигрантом; приведя в свои стихи вопиющие прозаизмы и «разреженный воздух абстрактных понятий», не обеднил современной поэзии, прочитав лекцию в зале королевского дворца, не перестал быть люмпеном, ленинградским подростком, слагающим стихи-послания к Марии Стюарт. Те самые, которые заезжие студенты повторяли, шатаясь ночами по Обводному и Канавке, понимая, что шатание это «есть само по себе раздвижение жизни и школа дальнозоркости», и осознавая, что длинные странные строфы никогда не появятся на полках книжных киосков. Сегодня, через какие-то десять лет, наши киоски спешат усыновить всех блудных детей отечественной словесности, не разбирая имен и смыслов. И по телевизору бодрая учительница с воодушевлением сообщила, что «теперь Ахматова пришла в каждый дом».

Неужто доживем до того, что и Бродский «придет в каждый дом»? Надеюсь, что не придет...

Передавая новые стихи в «Огонек», Бродский попросил сделать несколько сносок. Что с удовольствием и выполняю. Вертумн — языческое божество, в римской мифологии бог перемен (будь то времена года, течение рек, настроения людей или созревание плодов). Был одним из мужей Помоны, олицетворяющей плодородие. Джанни Буттафава (1939—1990), чьей памяти посвящена поэма,— знаменитый критик театра и кино и переводчик, открывший итальянскому читателю романы Достоевского, произведения многих современных прозаиков и поэтов. Слова «караваджо» и «бернини» написаны с маленькой буквы намеренно — в связи с тем, что как-то на аукционе работа одного была оценена примерно в 100 миллионов лир, а другого — в 50.

Что еще сказать о поэте в начале июня, когда над городом его жизни — Нью-Йорком — висит несусветная жара, а над родным Ленинградом полощутся прозрачной занавеской белые ночи, через несколько дней после его 51-летия, вскоре после назначения на первую в жизни, наверное, официальную государственную службу. Наш соотечественник выбран почетным лауреатом и Первым поэтом Соединенных Штатов Америки. Бродский отнесся к новому назначению с интересом, хотя и не без юмора (рассказывали, решающим фактором стало отсутствие обязательства писать стихи к датам и юбилеям).

— Ну что, как вам наш поэт? — спросил американский литератор уже на улице.

— Это все-таки наш поэт,— ответила я. И тут же устыдилась собственной глупости. Потому что ни он, ни я, конечно, не были правы. И слава Богу!

Надежда Ажгихина.

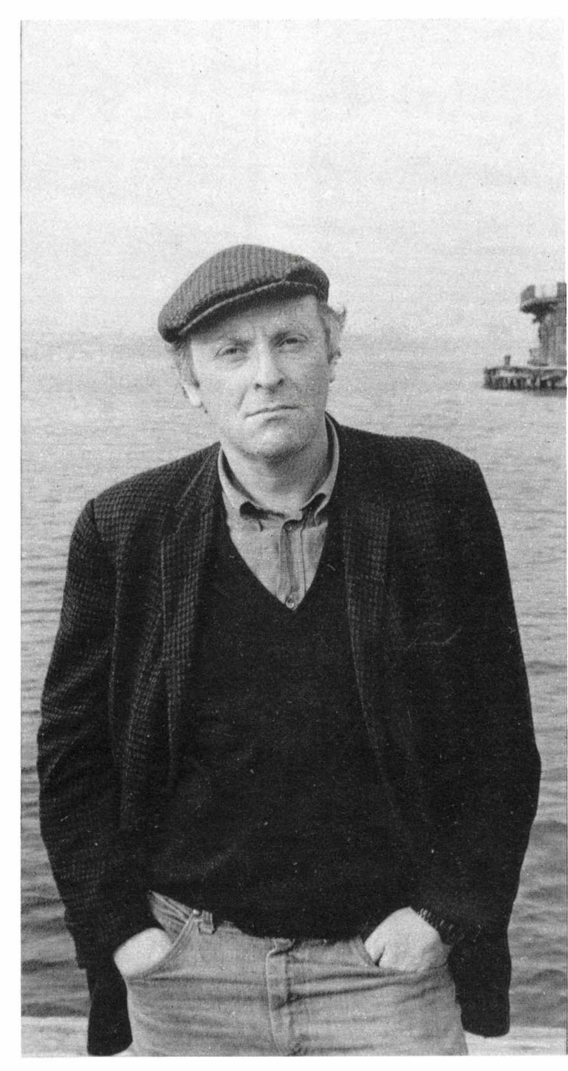

Фото Нэнси Крэмптон

Иосиф БРОДСКИЙ

I

Я встретил тебя впервые в чужих для тебя широтах.
Нога твоя там не ступала; но слава твоя достигла
мест, где плоды обычно делаются из глины.
По колено в снегу, ты возвышался, белый,
больше того — нагой, в компании одноногих,
тоже голых деревьев, в качестве специалиста
по низким температурам. «Римское божество» —
гласила выцветшая табличка,
и для меня ты был богом, поскольку ты знал о прошлом
больше, нежели я (будущее меня
в те годы мало интересовало).
С другой стороны, кудрявый и толстощекий,
ты казался ровесником. И хотя ты не понимал
ни слова на местном наречьи, мы как-то разговорились.
Болтал поначалу я; что-то насчет Помоны,
петляющих наших рек, капризной погоды, денег,
отсутствия овощей, чехарды с временами
года — насчет вещей, я думал, тебе доступных
если не по существу, то по общему тону
жалобы. Мало-помалу (жалоба — универсальный
праязык; вначале, наверно, было
«ой» или «ай») ты принялся отзываться:
щуриться, морщить лоб; нижняя часть лица
как бы оттаяла, и губы зашевелились.
«Вертумн»,— наконец ты выдавил. «Меня зовут Вертумном».

II

Это был зимний, серый, вернее — бесцветный день.
Конечности, плечи, торс, по мере того как мы
переходили от темы к теме,
медленно розовели и покрывались тканью:
шляпа, рубашка, брюки, пиджак, пальто
темно-зеленого цвета, туфли от Балансиаги.
Снаружи тоже теплело, и ты порой, замерев,
вслушивался с напряжением в шелест парка,
переворачивая изредка клейкий лист
в поисках точного слова, точного выраженья.
Во всяком случае, если не ошибаюсь,
к моменту, когда я, изрядно воодушевившись,
витийствовал об истории, войнах, неурожае,
скверном правительстве, уже отцвела сирень,
и ты сидел на скамейке, издали напоминая
обычного гражданина, измученного государством;
температура твоя была тридцать шесть и шесть.
«Пойдем»,— произнес ты, тронув меня за локоть.
«Пойдем; покажу тебе местность, где я родился и вырос».

III

Дорога туда, естественно, лежала сквозь облака,
напоминавшие цветом то гипс, то мрамор
настолько, что мне показалось, что ты имел в виду
именно это: размытые очертанья,
хаос, развалины мира. Но это бы означало
будущее — в то время, как ты уже
существовал. Чуть позже, в пустой кофейне
в добела раскаленном солнцем дремлющем городке,
где кто-то, выдумав арку, был не в силах остановиться,
я понял, что заблуждаюсь, услышав твою беседу

с местной старухой. Язык оказался смесью
вечнозеленого шелеста с лепетом вечносиних
волн — и настолько стремительным, что в течение разговора
ты несколько раз превратился у меня на глазах в нее.
«Кто она?» — я спросил после, когда мы вышли.
«Она?» — ты пожал плечами. «Никто. Для тебя — богиня».

IV

Сделалось чуть прохладней. Навстречу нам стали часто
попадаться прохожие. Некоторые кивали,
другие смотрели в сторону, и виден был только профиль.
Все они были, однако, темноволосы.
У каждого за спиной — безупречная перспектива,
не исключая детей. Что касается стариков,
у них она как бы скручивалась — как раковина у улитки.
Действительно, прошлого всюду было гораздо больше,
чем настоящего. Больше тысячелетий,
чем гладких автомобилей. Люди и изваянья,
по мере их приближенья и удаленья,
не увеличивались и не уменьшались,
давая понять, что они — постоянные величины.
Странно тебя было видеть в естественной обстановке.
Но менее странным был факт, что меня почти
все понимали. Дело, наверно, было
в идеальной акустике, связанной с архитектурой,
либо — в твоем вмешательстве; в склонности вообще
абсолютного слуха к нечленораздельным звукам.

V

«Не удивляйся: моя специальность — метаморфозы.
На кого я взгляну — становятся тотчас мною.
Тебе это на руку. Все-таки за границей».

VI

Четверть века спустя, я слышу, Вертумн, твой голос,
произносящий эти слова, и чувствую на себе
пристальный взгляд твоих серых, странных
для южанина глаз. На заднем плане — пальмы,
точно всклокоченные трамонтаной
китайские иероглифы, и кипарисы,
как египетские обелиски.
Полдень; дряхлая балюстрада;
и заляпанный солнцем Ломбардии смертный облик
божества! временный для божества,
но для меня — единственный. С залысинами, с усами
скорее а ла́ Мопассан, чем Ницше,
с сильно раздавшимся — для вящего камуфляжа —
торсом. С другой стороны, не мне
хвастать диаметром, прикидываться Сатурном,
кокетничать с телескопом. Ничто не проходит даром,
время — особенно. Наши кольца —
скорее кольца деревьев с их перспективой пня,
нежели сельского хоровода
или объятья. Коснуться тебя — коснуться
астрономической суммы клеток,
цена которой всегда — судьба,
но которой лишь нежность: пропорциональна.

VII

И я водворился в мире, в котором твой жест и слово
были непререкаемы. Мимикрия, подражанье
расценивались как лояльность. Я овладел искусством
сливаться с ландшафтом, как с мебелью или шторой
(что сказалось с годами на качестве гардероба).
С уст моих в разговоре стало порой срываться
личное местоимение множественного числа,
и в пальцах проснулась живость боярышника в ограде.
Также я бросил оглядываться. Заслышав сзади топот,
теперь я не вздрагиваю. Лопатками, как сквозняк,
я чувствую, что и за моей спиною
теперь тоже тянется улица, заросшая колоннадой,
что в дальнем ее конце тоже синеют волны
Адриатики. Сумма их, безусловно,
твой подарок, Вертумн. Если угодно — сдача,
мелочь, которой щедрая бесконечность
порой осыпает временное. Отчасти — из суеверья,
отчасти, наверно, поскольку оно одно —
временное — и способно на ощущенье счастья.

VIII

«В этом смысле таким, как я» —
ты ухмылялся — «от вашего брата польза».

IX

С годами мне стало казаться, что радость жизни
сделалась для тебя как бы второй натурой.
Я даже начал прикидывать, так ли уж безопасна
радость для божества? не вечностью ли божество
в итоге расплачивается за радость
жизни? Ты только отмахивался. Но никто,
никто, мой Вертумн, так не радовался прозрачной
струе, кирпичу базилики, иглам пиний,
цепкости почерка. Больше, чем мы! Гораздо
больше. Мне даже казалось, будто ты заразился
нашей всеядностью. Действительно: вид с балкона
на просторную площадь, дребезг колоколов,
обтекаемость рыбы, рваное колоратуро
видимой только в профиль птицы,
перерастающие в овацию аплодисменты лавра,
шелест банкнот — оценить могут только те,
кто помнит, что завтра, в лучшем случае — послезавтра
все это кончится. Возможно, как раз у них
бессмертные учатся радости, способности улыбаться.
(Ведь бессмертным чужды подобные опасенья.)
В этом смысле тебе от нашего брата польза.

X

Никто никогда не знал, как ты проводишь ночи.
Это не так уж странно, если учесть твое
происхождение. Как-то за полночь, в центре мира,
я встретил тебя в компании тусклых звезд,
и ты подмигнул мне. Скрытность? но космос вовсе
не скрытность. Наоборот: в космосе видно все
невооруженным глазом, и спят там без одеяла.
Накал нормальной звезды таков,
что, охлаждаясь, горазд породить алфавит,
растительность, форму времени; просто нас
с нашим прошлым, будущим, настоящим
и так далее. Мы — всего лишь
градусники, братья и сестры льда,
а не Бетельгейзе. Ты сделан был из тепла
и оттого — повсеместен. Трудно себе представить
тебя в какой-то отдельной, даже блестящей, точке.
Отсюда — твоя незримость. Боги не оставляют
пятен на простыне, не говоря — потомства,
довольствуясь рукотворным сходством
в каменной нише или в конце аллеи,
будучи счастливы в меньшинстве.

XI

Айсберг вплывает в тропики. Выдохнув дым, верблюд
рекламирует где-то на севере бетонную пирамиду.
Ты тоже, увы, навострился пренебрегать
своими прямыми обязанностями. Четыре времени года
все больше смахивают друг на друга,
смешиваясь точно в выцветшем портмоне
заядлого путешественника франки, лиры,
марки, кроны, фунты, рубли.
Газеты бормочут «эффект теплицы» и «общий рынок»,
но кости ломит что дома, что в койке за рубежом.
Глядишь, разрушается даже бежавшая минным полем
годами предшественница шалопая Кристо.
В итоге — птицы не улетают
вовремя в Африку, типы вроде меня
реже и реже возвращаются восвояси,
квартплата резко подскакивает. Мало того, что нужно
жить, ежемесячно надо еще и платить за это.
«Чем банальнее климат», как ты заметил,
«тем будущее быстрей становится настоящим».

XII

Жарким июльским утром температура тела
падает, чтоб достичь нуля.
Горизонтальная масса в морге
выглядит как сырье садовой
скульптуры. Начиная с разрыва сердца
и кончая окаменелостью. В этот раз
слова не подействуют: мой язык
для тебя уже больше не иностранный,
чтобы прислушиваться. И нельзя
вступить в то же облако дважды. Даже
если ты бог. Тем более, если нет.

XIII

Зимой глобус мысленно сплющивается. Широты
наползают, особенно в сумерках, друг на друга.
Альпы им не препятствуют. Пахнет оледененьем.
Пахнет, я бы добавил, неолитом и палеолитом.
В просторечии — будущим. Ибо оледененье
есть категория будущего, которое есть пора,
когда больше уже никого не любишь,
даже себя. Когда надеваешь вещи

РТУМН.

ПАМЯТИ ДЖАННИ БУТТАФАВЫ

на себя без расчета все это внезапно
скинуть
в чьей-нибудь комнате, и когда не можешь
выйти из дому в одной голубой рубашке,
не говоря — нагим. Я многому научился
у тебя, но не этому. В определенном
смысле,
в будущем нет никого; в определенном
смысле,
в будущем нам никто не дорог.
Конечно, там всюду маячат морены и
сталактиты,
точно с потекшим контуром лувры и
небоскребы.
Конечно, там кто-то движется: мамонты или
жуки-мутанты из алюминия, некоторые —
на лыжах.
Но ты был богом субтропиков с правом
надзора над
смешанным лесом и черноземной зоной —
над этой родиной прошлого. В будущем его
нет,
и там тебе делать нечего. То-то оно
наползает
зимой на отроги Альп, на милые Апеннины,
отхватывая то лужайку с ее цветком,
то просто
что-нибудь вечнозеленое: магнолию,
ветку лавра;
и не только зимой. Будущее всегда
настает, когда кто-нибудь умирает.
Особенно человек. Тем более — если бог.

XIV

Раскрашенная в цветá зари собака
лает в спину прохожего цвета ночи.

XV

В прошлом те, кого любишь, не умирают!
В прошлом они изменяют или прячутся
в перспективу.
В прошлом лацканы ýже; единственные
полуботинки
дымятся у батареи как развалины буги-вуги.
В прошлом стынущая скамейка
напоминает обилием перекладин
обезумевший знак равенства. В прошлом ветер
до сих пор будоражит смесь
латыни с глаголицей в голом парке:
жэ, че, ша, ща плюс икс, игрек, зет,
и ты звонко смеешься: «Как говорил
ваш вождь,
ничего не знаю лучше абракадабры».

XVI

Четверть века спустя, похожий
на позвоночник
трамвай высекает искру в вечернем небе,
как гражданский салют погасшему навсегда
окну. Один караваджо равняется двум
бернини,
оборачиваясь шерстяным кашне
или арией в Опере. Эти метаморфозы,
теперь оставшиеся без присмотра,
продолжаются по инерции. Другие предметы,
впрочем,
затвердевают в том качестве, в котором ты
их оставил,
отчего они больше не по карману
никому. Демонстрация преданности? Просто
склонность
к монументальности? Или это в двери
нагло ломится будущее, и непроданная душа
у нас на глазах приобретает статус
классики, красного дерева, яичка
от Фаберже?
Вероятней последнее. Что — тоже метаморфоза
и тоже твоя заслуга.
Мне не из чего сплести
венок, чтоб как-то украсить чело твое
на исходе
этого чрезвычайно сухого года.
В дурно обставленной, но большой квартире,
как собака, оставшаяся без пастуха,
я опускаюсь на четвереньки
и скребу когтями паркет, точно под
ним зарыто —
потому что оттуда идет тепло —
твое теперешнее существованье.
В дальнем конце коридора гремят посудой;
за дверью шуршат подолы и тянет стужей.
«Вертумн», я шепчу, прижимаясь к коричневой
половице
мокрой щекою. «Вертумн, вернись».

Декабрь 1990. Милан.

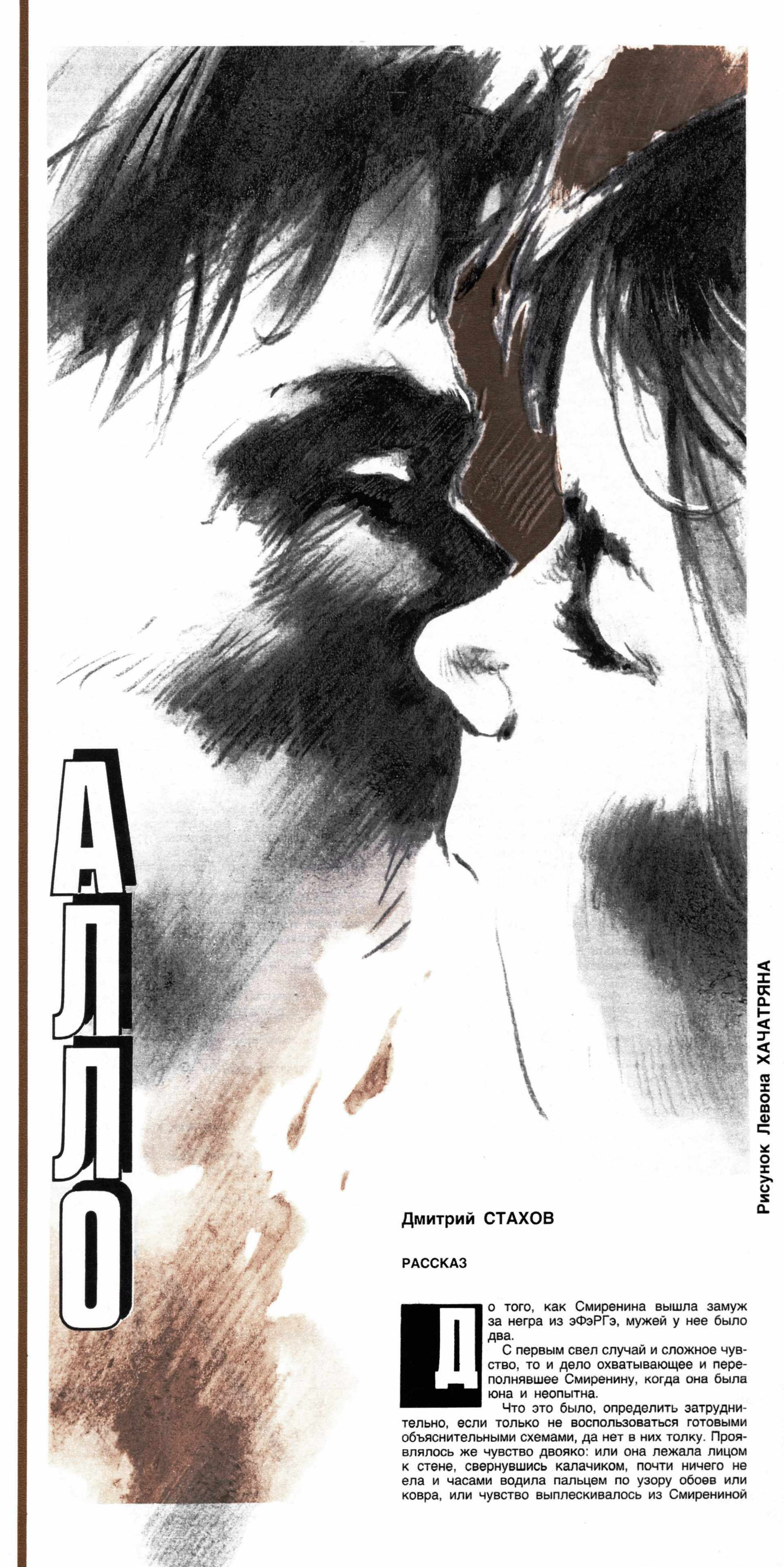

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

АЛЛО

Дмитрий СТАХОВ

РАССКАЗ

До того, как Смиренина вышла замуж за негра из эФэРГэ, мужей у нее было два.

С первым свел случай и сложное чувство, то и дело охватывающее и переполнявшее Смиренину, когда она была юна и неопытна.

Что это было, определить затруднительно, если только не воспользоваться готовыми объяснительными схемами, да нет в них толку. Проявлялось же чувство двояко: или она лежала лицом к стене, свернувшись калачиком, почти ничего не ела и часами водила пальцем по узору обоев или ковра, или чувство выплескивалось из Смирениной

в виде различных буйств и непредсказуемых, а после не находящих удобоваримой трактовки, поступков.

Очередной выплеск чувств произошел в тот вечер, когда собрались у Светки на день рождения.

Смиренина давно была сама не своя, а тут еще выпивка, тут еще привезенный специально для нее, мордатый парень — от Светки Смиренина узнала, что мордатый — прапор, начальник столовой,— который начал лапать ее прямо за столом.

Почти все было выпито, прапор на кухне договаривался с другими парнями — кто где ляжет, а Смиренина, схватив под мышку куртку, с кроссовками в руках, выбралась из Светкиной квартиры, поднялась на этаж вверх, вызвала оба лифта, один заблокировала тупорылым башмаком прапора, на другом — ухнула вниз.

Квартал был мертв. Она добралась кружным путем до проспекта и встала, голосуя, у осевшего черного сугроба.

По проспекту угрюмо неслись машины. Она бы так и отправилась пешком до теткиного дома, если бы одна из машин не вильнула, не мигнула, не остановилась: тот, кто сидел в ней, и стал впоследствии первым мужем Смирениной.

У него были нелады с женой. Быть может, все бы у них образовалось, да вот Смиренина, плюс отъезд ее тетки — по отцу — в командировку, плюс пятидневка теткиного сына, смиренинского братишки. А самое главное — она была с ним так нежна! Даже винный запах понравился ему, а то, что она не может устроиться на работу, не имея прописки, и не работая — не может прописаться, просто умилило.

Утром он с удивлением обнаружил, что не чувствует угрызений совести, а наоборот: преисполнен желания вновь встретить Смиренину, вновь быть с нею.

Вообще, на перипетиях ее первого замужества останавливаться смысла особого нет: замужество было слишком обыкновенным, банальным, в особенности по сравнению с двумя последующими. Однако следует отметить, что практически на всем его протяжении Смиренина пребывала в той точке неустойчивого равновесия, в которой была в момент встречи с тогда еще будущим мужем. Это придавало ей некую таинственность: непредсказуемо сваливаясь то в одну, то в другую сторону, она не давала угаснуть мужниной любви, свою, впрочем, по отношению к нему не оберегая.

Они развелись. Трудно сказать, что конкретно привело к разводу, свершившемуся, как и все в первом замужестве Смирениной, быстротечно.

Самое простое объяснение — быт. Сложнее — быт, отягощенный буйствами Смирениной. Еще сложнее — отягощенный и буйствами, и лежанием лицом к стене. А правда,— если она вообще существует,— заключается в том, что Смиренина отправилась к Светке на день рождения, где встретила все того же прапора и трахнулась с ним, не вернулась домой ночевать и не предупредила, что не вернется, сидевшего с ребенком мужа. Ей бы по приезде лечь к стене, да Смиренина не могла идти против своей натуры: еще не время было ложиться да каяться. А тут еще прапор позвонил — Светка, дрянь, дала телефон,— с похмелья ему хотелось еще, и Смиренина, чтобы не слушать мужнины упреки, отправилась к нему. Короче — развелись и дело с концом.

Смиренина с сыном обосновалась в большой комнате, бывший муж — в маленькой. Иногда они все втроем смотрели телевизор, иногда Смиренина стирала для бывшего мужа, кое-когда — готовила. Он же, крутясь, как белка в колесе, предчувствовал, что его настигает фатально молодеющий бич двадцатого века, и в самом деле — умер от инфаркта за рулем изрядно проржавевшей машины, на том же самом проспекте, где встретил Смиренину.

Второе замужество Смирениной было результатом осознанного действия. Он выходил из кабинета начальника — когда он входил, Смиренина курила на черной лестнице,— увидел ее и понял — она!

Он ехал за границу, работать, делать дело, надолго. И ему была нужна жена.

Период ухаживания из-за его поразительной — даже для видавших виды — краткости можно полностью опустить. Вместо этого лучше уравновесить инфернальное и мистическое прозаическим и рациональным: ему не нужна была жена со связями, он не хотел, по своеобразному кодексу порядочности, наносить связям такой жены урон или травму — ведь его дело за границей было специфического свойства и заключалось в том, что деньги от государства на рекламные буклеты он собирался вложить в оформленную на подставных лиц фирму, предъявив государству лишь сигналки. Женившись же на Смирениной, он даже стал пользоваться еще большим доверием: смычка с народом, простота, вызывая, правда, некоторое удивление, тем не менее поощрялись.

Смиренина до самого конца своего второго замужества пребывала в неведении относительно дела своего мужа, хотя что-то неясное посетило ее незадолго перед отъездом. Когда пришло время — этого он не учел,— Смирениной пришлось отправиться в Союз: деньги на роды здесь были, дело уже крутилось, но заплатить их из своего кармана — государство скуповато! — было равнозначно гибели дела. И Смиренина родила второго парня дома.

Второму мужу Смирениной ждать бы Смиренину с детьми в Торонто, а он — тюха! — приехал за ней и был повязан: один из его западных легальных компаньонов, любитель честной игры, поинтересовался, куда уходят средства.

Конфискацию и последовавшую вскоре в лагере смерть второго мужа Смиренина пережила спокойно. Она вернулась в ту же самую контору, к той же самой машинке, жила в той же самой квартире первого мужа. Светка появлялась часто, и зависть Светкина, совершая новые и новые метаморфозы, была теперь завистью к трудной судьбе Смирениной.

В один из дней Светка появилась с букетом ромашек и трехлитровой банкой томатного сока, пакетом картошки и хвостом зеленого лука. А еще у Светки был с собой западный журнал, с огромным риском украденный из библиотеки, на развороте которого был запечатлен эпизод процесса над вторым мужем Смирениной.

Светка отнесла букет, банку, пакет и хвост на кухню, журнал положила, предварительно развернув, перед Смирениной, потом жарила картошку, с шумом пила томатный сок, а в дверь вдруг позвонили. Утирая губы, Светка пошла открывать: на пороге стоял элегантнейший негр с тем же самым журналом, что лежал перед Смирениной, в руках.

— Вам кого? — грубо спросила Светка: она не любила негров.

Это был тот самый западный компаньон, заложивший мужа Смирениной.

Бедняга, он не подозревал, что его интерес, продиктованный желанием помочь, организовать дело так, чтобы деньги не уходили впустую, приведет к таким последствиям.

Гюнтера накормили картошкой, напоили соком. Потом он уехал, захватив с собой Светку. Смиренина, баюкая малыша, подошла к окну: кровельщики сдирали кровлю с крыши гаража, листы с треском ломались, малыш хныкал.

Гюнтер устроил малыша в ясли, где на пятерых детей приходилось по три нянечки, а сына Смирениной от первого брака — в школу, где все ученики были подданными каких угодно государств, кроме родины победившего Октября и ее ближайших союзников, а исключение составляли две девочки: дочка очень известного писателя и дочка валютной шлюхи. Начали появляться подарки, и не какие-нибудь тени или колготки!

— Ты с ним спишь? — шипела Светка на Смиренину.— Спишь с этим черным?

— Нет еще,— отвечала Смиренина, отвечала правду и удивлялась: «А почему, собственно, не сплю? Непонятно!». Да, это было непонятно. Хотя — здесь дело было в Гюнтере, а его поведение можно объяснить, и то — приблизительно, лишь выстроив перпендикуляр долженствования к оппозиции «мистическое—рациональное». По-видимому, Гюнтер чувствовал себя обязанным поступать так по отношению к Смирениной и ее детям: так же, в таких же ситуациях, поступали его далекие предки в далекой пустыне Калахари — Гюнтер был единственным — этим он гордился,— готтентотом на всю Западную Европу.

Гюнтер был просто хорошим и очень честным человеком, его потряс чудовищный приговор, потрясла смерть бывшего компаньона, которого он видел всего лишь пару раз и который произвел на него самое благоприятное впечатление.

У всего вроде бы есть свой финал. В случае со Смирениной Гюнтер избрал такой, который, заключая один этап, открывает новый: он сделал предложение.

Он сделал предложение в присутствии Светки в такой изысканной форме, что, хотя говорил с очень сильным акцентом, окончательно стало ясно: язык ему преподавали эмигранты первой войны.

Светка фыркнула. Смиренина ответила: «Да!..»

Была ранняя весна. Они зарегистрировались.

Гюнтер на следующий после регистрации день уехал к себе в эФэРГэ: готовить дом под Мюнхеном к приезду молодой жены и ее детей.

Дел у Смирениной оказалось на удивление много, она закрутилась. Как-то днем раздался звонок, Смиренина пошла открывать: это была Светка.

— Ты забыла, что ли? — обиженно спросила Светка вместо приветствия.

— Ты о том платье? — ответила Смиренина.— Нет, не забыла, я его оставлю тебе, мне оно велико...

— У меня сегодня день рождения! — сказала Светка и в квартиру ввалилась.

Смиренина и в самом деле забыла. У Светки с собой была бутылка шампанского. Они выпили шампанское, потом джина с тоником, закусили орешками.

— Я тебя в рестор приглашаю,— сказала Светка.

— В какой?

Светка назвала, Смиренина поморщилась.

— Я тебя приглашаю,— сказала Смиренина, и они отправились.

Был уже вечер, после дневной оттепели подморозило, джин, смешавшись с шампанским, весело плескался у них внутри.

В разгар их ужина — они пили водку,— к столику подошел детина и полез к Светке с поцелуями. Светка начала отбиваться, а потом сопротивление прекратила: это был тот самый, вот-вот, тот самый прапор, теперь, правда,— бывший.

Смиренину он не узнал, но, как выяснилось позже, лез к Светке, чтобы познакомить двоих своих новых друзей, находившихся в этом же ресторанном зале, именно со Смирениной: оба они, Алик и Рустам, на Смиренину запали.

Смиренина со Светкой, бывший прапор с Аликом и Рустамом объединились и продолжали ужин вместе. Бывший прапор чувствовал себя не в своей тарелке, пытался поговорить со Смирениной о жизни, смеясь, подносил ко рту кулак, всем надоел.

При выходе из ресторана, при посадке в такси, от бывшего прапора избавились, поехали к Светке — у нее в холодильнике стояло еще две бутылки шампанского, потом — на Горького, к «Интуристу» — у Алика и Рустама там были дела, на «пару минут».

Но путешествие сильно растянулось во времени.

Во-первых, дома Светке стало плохо, и Смирениной, поднявшейся вместе со Светкой, пришлось метаться между ванной, где Светку выворачивало наизнанку, кухней, где Светкина мать в возмущении швыряла об стену сковородку, и комнатой, где Светкина дочка сидела в кроватке и просила рассказать сказочку.

Во-вторых, у «Интуриста» Смирениной и Светке пришлось очень долго сидеть в машине.

Они отправились к Смирениной. Светка хотела быть с Рустамом, но Рустам, так же, как и Алик, хотел быть со Смирениной, а Смиренина по-прежнему хотела спать. Чтобы не разбивать компанию, Смиренина решила побороть сонливость, почистила зубы, выпила джина с тоником.

Светка завидовала ее успеху у Алика и Рустама и поэтому почти что силой завладела Аликом: у того был словно извиняющийся взгляд, когда он смотрел на Смиренину и Рустама из-за Светкиных грудей.

Смиренина и Рустам вышли в другую комнату, закрыли за собой дверь. Штор на окнах в другой комнате уже не было, как не было никакого освещения, кроме яркой люстры.

— Погаси,— сказал Рустам.

Смиренина погасила, обняла его, нащупала «молнию» на брюках, «молнию» расстегнула. Наклоняясь, она посмотрела на окно. «О, скоро утро, о!..» — подумала и почти сказала Смиренина.

Душил Смиренину Алик. Рустам — уже светало — вышел якобы в туалет, тут же появился Алик. Смиренина же подумала, что Алик пришел сменить Рустама, хотела было Алика прогнать, но Алик сразу схватил ее за горло.

Она задергалась, захрипела. Алик затолкал ее голову под подушку, продолжал душить там. Смиренина вцепилась в подушку зубами, потеряла сознание.

Непонятно, почему Алик за пять минут до этого с легкостью, будто имел дело с голубем, умертвивший Светку, Смиренину не додушил, а оставил ее валяться на скомканных, мокрых простынях, почему не проверил, жива Смиренина или нет. Возможно, довершить начатое ему помешал Рустам, вошедший в комнату с большой сумкой, куда — на происходящее на постели даже не посмотрев,— начал запихивать смиренинское барахло. Сумка, кстати, тоже была смиренинская.

Алик и Рустам запаковали две сумки, выпили на посошок, растворили окно в большой комнате и выбросили сумки в него. Из квартиры они вышли тихо, без вещей, только у Рустама в руках был пластиковый пакет с тошибовским двухкассетником.

Они успели дойти лишь до проспекта, где намеревались поймать такси: выброшенные из окна, а потом поднятые Аликом и Рустамом сумки привлекли внимание собиравшихся начать работу на крыше гаража кровельщиков. Один из них, подождав, пока Алик и Рустам сумки заберут, позвонил из дежурки жэка, и на место происшествия в считанные минуты выехало почти в полном составе районное отделение милиции.

Вот когда они, кровельщики, пригодились, а как злилась на них Смиренина по утрам...

Четыре дня Смиренина пролежала в больнице. Потом съездила под Саратов за детьми и после суда над Аликом и Рустамом уехала в эФэРГэ.

Светку, как водится, похоронили с плачем,— Смиренина плакала тоже.

Для того чтобы теперь узнать у Смирениной еще какие-либо, быть может, не учтенные в ходе следствия и суда обстоятельства, а также что-нибудь еще о ее жизни, надо заказывать международный разговор, ждать целых два часа — в лучшем случае,— пока соединят.

Алло! Смиренина! Алло!..

Наверное, с каждым случалось: приезжаешь в маленький город, в деревушку, взобравшуюся на высокий берег, в старинную усадьбу и понемногу становишься, хоть на мгновение, иным!
Так бывает в Шахматове и Ясной Поляне, Мелихове, Верколе, Берендеевке — в тех местах, где живет, присутствует незримо то, что древние называли «гениус лоци» — гений места.
В нашей новой рубрике мы хотим напомнить о таких местах, о покинутых и вновь обретших жизнь обителях.
И начать мы решили с Псковской земли — с мест, где родилась одна из первых книг в русской истории: летопись.

ТАКО В НАС НАПИСАНО В ЛЕТОПИСЦЕХ...

Владимир ПОТРЕСОВ

Переведя на русский язык практически всего Дюма, мы не удосужились пересказать современным языком большую часть наших летописей. А зря.

ГОРОД

Я люблю Псков. Люблю его тенистые зеленые улицы, неожиданно выглядывающие из-под крон деревьев такие домашние и трогательные белокаменные храмы с типично псковскими звонницами, простой, незатейливый, я бы сказал, геометричный, кремль. Люблю бродить по многокилометровым стенам сложной средневековой системы укреплений.

О Пскове написано много. Пожалуй, в шестидесятых мы, устыдившись того удручающего упадка, в котором оказалась наша история, с каким-то неистовством стали наверстывать упущенное. В реставрацию памятников древнего города были вложены большие деньги, новой жизнью зажил краеведческий музей, средневековые стены были снова приведены в боевую готовность. Не обошлось, разумеется, и без излишеств: башни кремля оказались увенчаны стягами, напоминающими Старого Тоомаса из сопредельной республики, а в стену кремля заколотили балку, к ней подвесили чеканные щиты и мечи, место которым в каком-нибудь ресторане «в русском вкусе».

Открытие в шестидесятые древней архитектуры имело, безусловно, большой нравственный смысл, однако сейчас этого мало: нужны те честные и вечные слова, которые мы растеряли за долгие годы «борьбы и свершений». И представляется, что искать эти слова следует не в суетных миллионных «вавилонах», а в тихих, наполненных историей губернских столицах, где не выветрился до конца дух нравственности, где есть возможность и время оглядеться по сторонам, поразмыслить и начать жить сначала.

ОЗЕРО

Так уж сложилось, что многие русские озера связаны с древними легендами. Вспомнить хотя бы историю богатого гостя Садко или града Китежа. Богато легендами и Чудское озеро, даже легендами, связанными с вполне реальными историческими событиями.

Любому школьнику известно, что в относительной близости от Пскова на льду Чудского озера в 1242 году произошло сражение, вошедшее в историю под названием Ледовое побоище. Необычайная популярность этой битвы по сравнению с иными победами Александра Невского и других средневековых военачальников определялась, по крайней мере для старшего поколения советских людей, фильмом Эйзенштейна «Александр Невский».

До поры до времени все было хорошо: мы гордились своей исторической победой, немцы переживали поражение, пока германский публицист Пауль фон Рорбах не опубликовал статью, в которой утверждал, что никакого Ледового побоища вовсе не было, а русский летописец просто-напросто раздул небольшой пограничный конфликт в огромное сражение. Основание: русские и сами не знают, где произошло побоище.

Тут уж зашевелились историки: то есть как это так — не знаем! А когда разобрались, выяснилось, что отечественная историография указывает по крайней мере десять точек, раскиданных по огромной поверхности Чудского озера, где, по мнению разных ученых, предполагалось место сражения.

Летописцы, казалось бы, точно определяли место битвы: «на озере Чюдьскомъ, на Узмени, у Воронья камени». Беда вся состояла в том, что на современной карте Чудского озера нет ни Узмени, ни Вороньего камня. Как подошли к этому разные специалисты? А очень просто. Скажем, Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» попросту уклонился от уточнения места сражения. «Александр,— писал он,— искал выгодного места и стал на Чудском озере». Позже историки повторяли летописное определение, но не только не делали попыток установить это место, но и затемняли вопрос собственными, нередко произвольными, домыслами.

О какой духовности можно говорить в стране, где безнравственно само отношение к собственной истории?

Я не берусь перечислить все те неточности, вольное обращение с фактами, которыми изобилует историография Ледового побоища. Например, в прошлом издании БСЭ в статье о легендарной битве на карте Чудского озера стараниями авторов появился населенный пункт «Узмень» — так легко и просто, покавалерийски решен был этот вопрос. А в популярном, как я уже писал, фильме «Александр Невский» буйство фантазии авторов вообще не знает границ: «псов-рыцарей» ведет в бой магистр Балк, благополучно почивший в бозе за три года до легендарного сражения. Не было, естественно, и никаких «псов». Просто очередной специалист из верноподданнических чувств либо по недомыслию перевел из Ливонской рифмованной хроники слово «Bund» — «союз» как «Hund» — «собака», «пес».

Сейчас, как грибы после теплого дождя, возникают всякие благотворительные фонды. Не знаю, может, это и хорошее дело, даже наверняка хорошее. Но беда вся в том, что одними финансами дела не решить. Так, видимо, подумали и люди, объединившиеся буквально через десять лет после самой разрушительной в истории человечества войны с целью отыскать легендарный Вороний камень и выяснить наконец: была битва или ее не было.

Не буду в подробностях описывать, как все произошло, однако общими усилиями был найден и Вороний камень и нанесены на карту границы Узмени, которая оказалась самым узким в XIII веке местом озера. Малоприметные, скупые, но точные сведения, донесенные до нас летописями, сведения, которые на первый взгляд казались малосущественными, позволили раскрыть еще одну историческую тайну.

Кто-то может возразить: а кому все это надо, какая разница, где случилась битва — сто верст южнее или севернее?

Здесь мне вспоминается рассказ Рея Брэдбери, где герой, отправившись на машине времени в прошлое, случайно убивает бабочку. А возвратившись, видит серьезные изменения в настоящем, связанные с этим, казалось бы, малозначительным событием.

Искажение истории безнравственно в своей сути, равно как и замалчивание исторически значимых событий. Еще в 1967 году Министерство культуры СССР объявило конкурс на проект монумента в честь победы на Чудском озере. Вскоре единодушно был одобрен вариант памятника, представленный скульптором И. Козловским и архитектором П. Бутенко. И что же? Почти четверть века тянется история с установкой памятника. Страшно подумать, что было бы, если б Александр Невский принимал решения с той скоростью, с которой стремятся увековечить его память благодарные потомки. И хоть не в моде у нас сейчас юбилеи, однако ж в апреле будущего года пройдет ровно три четверти тысячелетия с того момента, как юный новгородский князь разбил на льду Чудского озера непобедимое до того рыцарское войско...

ДЕРЕВНЯ

«В лето 6971*.

...Немци, не рядя, того, что псковская сила в городку, того же месяца 27, в неделю, в 1 час дни, за неделю до вербници, и пришедши да два исада болших выжгоша, Островцы да Подолешие, и христиан посекоша много, а инех в полон поведоша»,— бесстрастно сообщает 3-я Псковская летопись.

Эти два больших псковских поселения — одни из самых древних, упоминаемых в летописи. Островцы ныне довольно большое село, туда даже проложена недавно весьма неплохая дорога, от большака ходит автобус, нечасто, правда. С дорогой на Подолешье дело обстоит сложнее — пробраться в эту деревню можно лишь в зависимости от капризов природы.

Думаю, что, несмотря на всю атрибутику научно-технического прогресса, псковские деревни живут так же, как и в XV веке. Только тогда немцы православные храмы жгли. Кстати, один из немногих уцелевших в результате современной тотальной борьбы с религией храмов находится относительно неподалеку, в древнем селе Кобылье Городище — такой типично псковский храм в честь Михаила-архангела. Так вот, рассказывали мне, что местные старушки летают в храм на «кукурузнике», так как посуху приходится давать такого крюка, что только к вечеру и доберешься.

«И князя местера ризского послы и юрьевскыи послы на том перемирьи Великом Новегороде и крест целоваша, тако же и послы псковскыя; а в тую 5 лет на спорном месте ловити псковичем к своему берегу, а юревцом и пискупу юрьевскому к своему берегу...» Попросту, летопись рассказывает о том, что русские и немцы в 1461 году договорились: каждая сторона ловит рыбу у своего берега. Конечно же, договор этот нарушался, а поэтому и жгли друг у друга исады, громили храмы. Ну а куда деваться — привыкли жить рыбой, ведь та, глупая, не понимает, что должна водиться вдоль обоих берегов поровну.

Когда же пришла родная Советская власть, рыбу и вовсе ловить запретили, разве что на удочку. Для сохранения запасов.

Однако у немногих уже оставшихся здесь колхозников из рыболовецких бригад сохранилось то самое отношение к рыбе, как к хлебу насущному:

— Вот вы пишете,— говорили мне,— а напишите про то, как драгоценный снеток, который редко где еще водится, весь идет на корм скоту и птице... Нам-то что: деньги свои получаем, да жалко ведь — в городах людям жрать нечего, а потом и курица рыбой воняет, и ценнейшая рыба пропадает.

Конечно, запрещать проще. Но эффективно ли? Вспомним недавнюю борьбу с пьянством. Здесь, в старинных псковских исадах, пили раньше, пьют и, думаю, будут пить. Правда, неизвестно откуда, но выпить есть всегда.

Бабке Анисье далеко за восемьдесят.

— Александрыч, а ты мне маленькую привез?

— Привез, Анисья Григорьевна, привез, чистенький.

— А и хорошо — я люблю чистенький.

Она отверзла младенческий, с единым случайным зубом рот и опрокинула стопку. Я содрогнулся.

— Хорошо,— крякнула Анисья,— лечит он меня...

А потом она пошла и долго-долго до самого вечера возилась в огороде, ходила в магазин выяснить, не привезли ли хлеб, общалась с соседками.

...С утра мне уже сообщили, что вечером надо обязательно смотреть телевизор — будет «Поле чудес». В доме собрались односельчане. Ведущий соблазнял участников и многомиллионных зрителей вишневой «девяткой», которая здесь, в чудской деревне, развалится на первой же тысяче верст пробега.

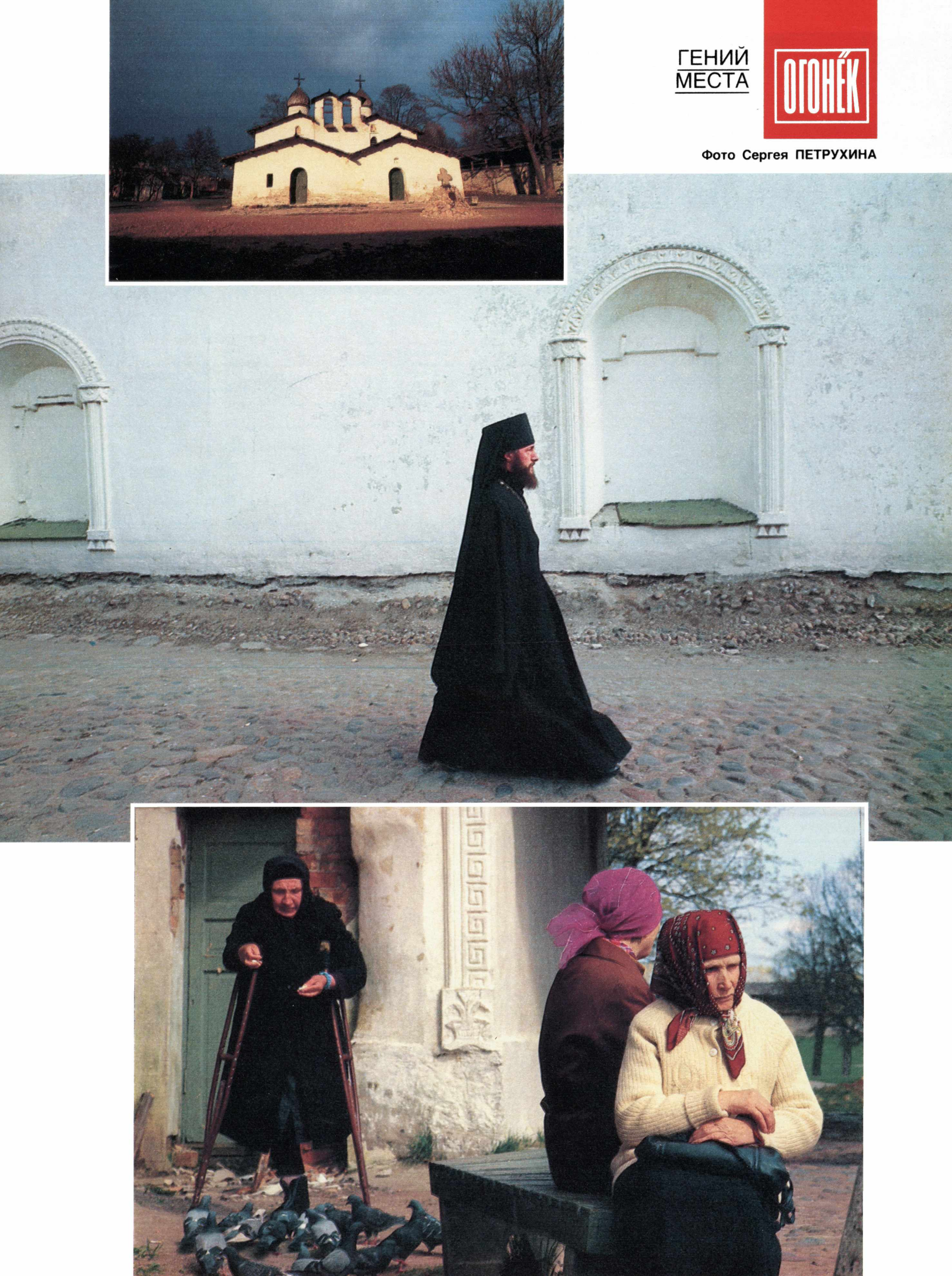
Зрители болели активно, переживали, радовались правильно угаданной букве. Ведущий замыслил интересную игру: загадывал слова, связанные с архитектурой. Здесь же не было ни пилястр, ни стилобатов, ни капителей, хотя и часто употреблялись термины, которые ведущий, верно, никогда и не слышал...

И вдруг я неожиданно понял: многие из этих слов встречал я в тех самых, древних текстах летописей, они еще сохранились здесь, не исчезли, перемоловшись с фразами первой программы ТВ.

Продолжить бы летопись...

* 1463 год.

ГЕНИЙ МЕСТА

ГЕНИЙ МЕСТА

ОГОНЁК

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ГРУППА РИСКА

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Рэкет... Слово, глубоким шрамом врезавшееся в нашу повседневную жизнь. Оно все чаще мелькает в тревожных оперсводках МВД. Его мы слышим в очередях, метро, по радио. Чья-то искалеченная жизнь, объятая пламенем кооперативная палатка или обнаруженный в подвале обезображенный труп — и тут же с наших уст машинально срывается: «Рэкет!..» — слово, вобравшее в себя необъяснимый ужас и страх — страх перед чем-то жестоким и неуловимым, бесследно растворившимся в перепуганной толпе...

Так что же такое этот самый рэкет? Кто такие эти современные супермены, о которых так много пишут, говорят, но которых не слышно самих? Эти и другие вопросы все чаще встречаем мы в почте «Огонька».

ОБЕД У РЭКЕТИРА

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото М. СЕРДЮКОВА, А. ЕФРЕМОВА, А. СМЕХИНА и Н. МАЛЫШЕВА

Место встречи он не назвал. Настоящего имени тоже. Известным было лишь время контрольного звонка в редакцию: два часа пополудни. И его пунктуальность приятно удивила — звонок в «Огонек» раздался ровно в два. Двое молчаливых парней уже ждали меня внизу. И сверкающий «мерседес» укатил нас на окраину столицы, притормозив у безымянного кафе. Он ждал меня в уютном отдельном кабинете, проводив до которого, те двое удалились. Кафе не имело не только категории, но и имени. Тем не менее стол украшали осетрина, вазочки с икрой и прочие кулинарные чудеса, канувшие в лета застольных времен. Я благодарю за оказанное гостеприимство и интересуюсь:

— Почему все-таки дали согласие на интервью в «Огоньке»?

— Честно говоря, надоело читать и слышать о нас, советских рэкетирах, всевозможные небылицы. Нам приписывают все грехи на свете: и грабеж средь бела дня, и разбой, и изнасилование малолетних. У населения сложилось превратное мнение о нас. Хотелось бы внести некую ясность. Да, мы преступаем закон, но еще никогда, подчеркиваю, ни-ког-да не ограбили малоимущего инженера или бедную старушку. Грабеж старушек — удел нашего премьера Валентина Павлова. Вот главный специалист по налетам на малоимущих и честных граждан! Мы же делим наворованное с жуликами. Вот наши клиенты. Рэкетир никогда не пойдет грабить квартиру бедного человека. Нам же приписывают все на свете...

— Например?

— Ну, например, во времена табачного голода к Москве подошло три вагона с сигаретами, которые, подчеркиваю, охранялись силами КГБ. Вдруг два вагона бесследно исчезают. И тут уже поползли слухи: дело одной из рэкетирских группировок. Глупости! КГБ слишком мощная организация, чтобы прошляпить вагоны. Я уверен, что все делалось по указке сверху — теми, кому выгодно было еще больше дестабилизировать обстановку в стране. И если Комитет «прошляпил» целых два вагона, то это не без ведома высокопоставленных чиновников. Рэкет не настолько могуч, чтобы тягаться с охраной, состоящей из чекистов. Наши люди здесь ни при чем.

— Значит, кто-то третий?

— Возможно. Вопрос не ко мне... Или вот другой пример. В ресторан зашла вооруженная группа, постреляла в потолок, отняла деньги, повырывала из ушей сережки. А по городу уже поползли слухи: орудовал рэкет...

— Если не рэкет, то кто же?

— Обычный «казачий разъезд» — какая-то залетная компания лихих ребят, случайно объединившихся в небольшую группу, промышляющая грабежами, разбоем. Сегодня эта шпана есть, завтра ее нет. Она существует, пока ее не накроет милиция или не поймают наши люди.

— При чем тут ваши люди? Борьба с грабителями и бандитами, кажется, не ваш профиль?

— Ошибаетесь. С залетными грабителями параллельно с милицией боремся и мы. Они нам мешают спокойно работать.

— Ну, допустим, этот «казачий разъезд» попал в руки самих рэкетиров. Что ждет их?

— Согласно нашим законам, их, естественно, ждет кара. Во-первых, их «нагрузят» (оштрафуют. **— М. К.**) за то, что работают на чужой территории, в чужом районе и тем более без разрешения. Нагрузят их и за беспорядок, ущерб, причиненный району. Ведь их действия равносильны тому, что прийти в чужой огород и собирать урожай, им не принадлежащий.

— Какого размера штраф ожидает их?

— Сказать трудно. Все зависит от нанесенного ущерба.

— А если конкретнее?

— Как в библиотеке: в десятикратном размере. Впрочем, все зависит от того, кто держит этот район.

— Всегда ли прибегают к штрафам?

— Нет. Иногда залетных, если они неплатежеспособны, заставляют работать на местный рэкет. В таких случаях пару человек оставляют в заложниках, а остальные идут на дело.

— Когда, на ваш взгляд, зародился рэкет? Многие связывают его появление с перестройкой, появлением кооперативов. Так ли это?

— Не согласен. Рэкет был и раньше. Просто об этом нигде ничего не публиковали, об этом молчали. Это сейчас, с приходом гласности, о нем стали говорить вслух.

— Но разве можно, к примеру, сравнивать всем известную послевоенную банду «Черная кошка» с нынешней организованной преступной группой?

— А почему бы и нет? «Черная кошка» так же, как и мы, брала заложников. Так же под угрозой смерти требовала выкуп. Как тогда, так и сегодня трясут ювелиров — берут у них золотишко; а у тех, кто сидит на мешках с деньгами, точно так же терроризируют семьи. В любой серьезной банде были свои боевики, исполнители, служба оповещения и, естественно, «мозг» группировки. И до и после войны (как, впрочем, и сейчас) были воровские сходы. Просто тогда были другие социальные условия, другая экономическая ситуация. Тогда это называлось бандой, сегодня — рэкетом, но суть-то одна.

— Выходит, сегодняшний рэкет зародился еще во время революции?

— Точно так. Папа рэкета — 1917-й. Мама — советская власть.

— На 70-м году ее существования рэкет избрал своим «клиентом» кооперативы. Не так ли?

— Далеко не так. Мы нагружаем не только их. Это азартные игры, которые вы можете теперь свободно наблюдать на улицах городов: и «наперстки», и «три листика», и прочие. Все эти «игроки» обложены нашей данью. В случае невыплаты мзды игроки автоматически теряют свое место.

— В таком случае ответьте, пожалуйста, на вопрос, который с возмущением и часто задают нам читатели: каким образом в центре Москвы, в многолюдных местах эти игроки делают свой бизнес на глазах у постовых милиционеров? Кое-кто высказывает предположение, что часть доходов идет в карман постового или кого-то из милиции...

— На этот вопрос я отвечать не буду. Домысливайте сами...

— А каковы отношения рэкета с проститутками?

— Тянуть деньги с блядей считаю не мужским занятием. Не уважаю людей, которые этим занимаются. По крайней мере на любом сходе их слово не имеет никакого веса.

Помимо кооперативов, облагаем налогами и госпредприятия.

— Интересно, как вам это удается?

— Все очень просто. Мы выбираем то предприятие, у которого есть левый доход. Возьмем, к примеру, обычные уличные аппараты с газированной водой. В стакан положено 20 граммов сиропа. Но механик отлаживает в аппарате все так, что гражданам достанется 5—7. Вот вам и левый, незаконный, доход. Так по каплям набегает крупная сумма, от которой перепадает и кому-то из дирекции этого предприятия, и другим нужным людям. По старым временам, помню, этим славился Павелецкий вокзал. У механика, налаживающего эти аппараты, за день по капле набегало до тысячи рублей. Сейчас цены на газводу повысились. Наши налоги, выставленные жуликам, тоже заметно возросли.

— И все-таки вернемся к кооперативам, изнывающим под бременем ваших налогов. Каков размер мзды?

— Это зависит от многих факторов: от размера прибылей, от вида товара, услуг. Ну, в среднем мы требуем от 10 до 20 и более процентов дохода.

— Не многовато ли?

— Считаю, что нет. Ведь это относительно честно заработанные нами деньги: после удачных переговоров с дирекцией мы берем кооператив под охрану.

— А может быть, он и не нуждается в такой охране?

— В какой же охране он нуждается? И кто, интересно, будет его охранять? Милиция? Охрана нужна в любом случае. Практически все кооперативы поздно или рано попадают под наш колпак. Поэтому лучше сразу согласиться на покровительство местной бригады, чем ждать, пока случайные «залетные» грабители или чужие бригады придут и выпотрошат весь офис, подорвав деятельность кооператива на корню.

— Ну а если кооператор, не понимая своего «счастья», будет упорно не соглашаться на опеку местного рэкета?

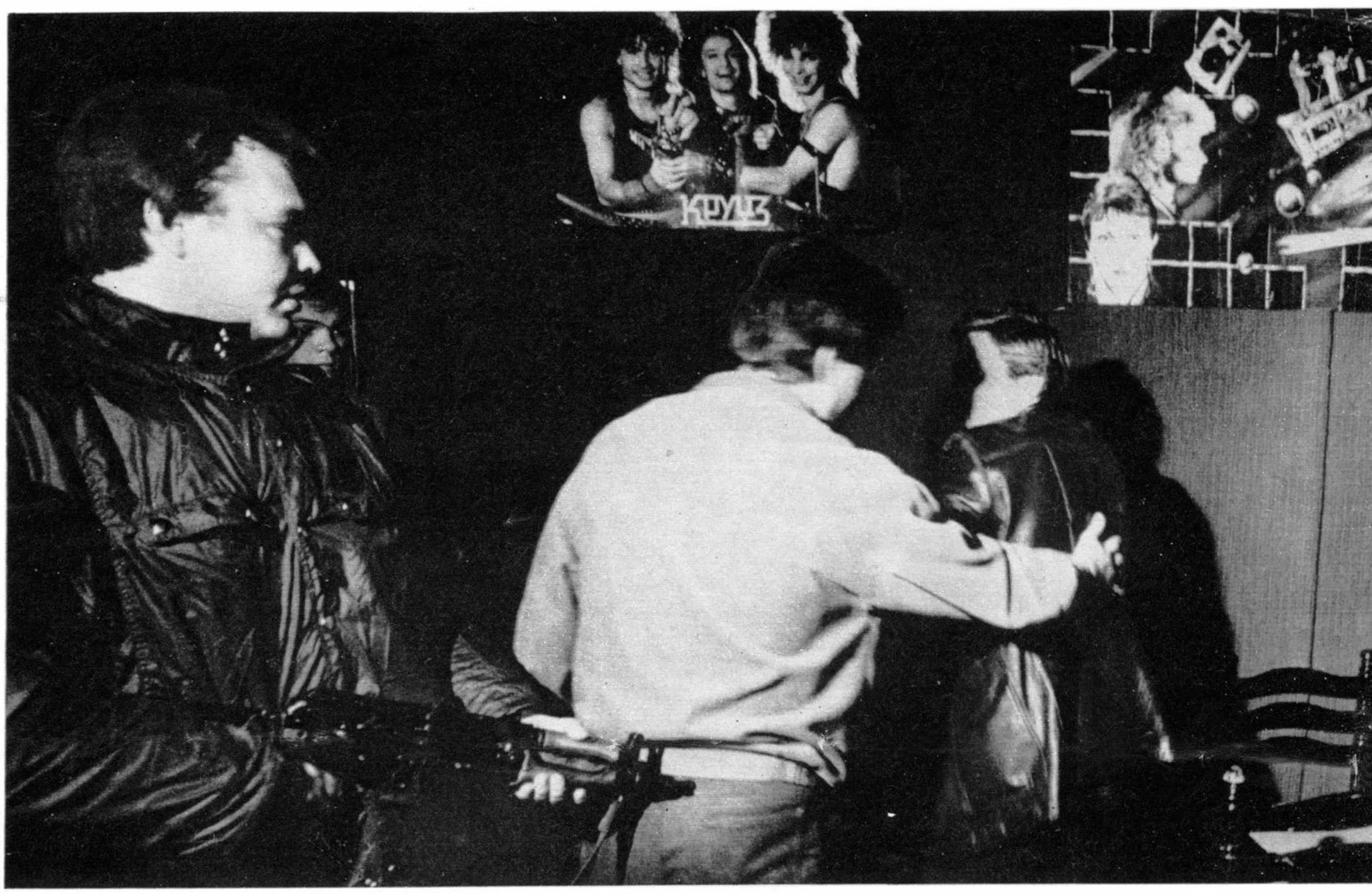
— Будем вынуждены принимать меры...

— Какие? В ход идут раскаленные утюги?

— Не знаю, кто как, лично я с клиентом беседую только один раз. Если этого недостаточно, беру несколько

Этих парней в бронежилетах или без никогда не ждут к себе в гости и уж тем более «на обед» люди от рэкета. Работники отделов по борьбе с организованной преступностью Москвы и Московской области в особом приглашении не нуждаются, а их каждый непрошеный визит мало радует современных суперменов. После одной из таких встреч сотрудники областного угрозыска Сергей Селивёрстов и Рафаэль Экимян осматривают изъятое у рэкетиров оружие.

человек из своей бригады, везу его в лес, привязываю к березе и...

— Ясно... А если за этим последует заявление в милицию?

— Это исключено. На практике этого не бывает.

— Это единственный ваш метод убеждения или случается, что берете в заложники членов семьи?

— С заложниками больше хлопот. Да и больше шансов напороться на угрозыск.

— Как в вашем подразделении обстоят дела с дисциплиной?

— Что касается моей команды, то дисциплина всегда железная. В случае ослушания или срыва операции — штрафую.

— И каких размеров штраф?

— Все зависит от дела, которое завалил. Он может исчисляться и в десять, и в сто, и более тысяч рублей.

— А в случае серьезной провинности доходит дело до «увольнения» из рядов рэкета?

— Практически нет. Ведь любой член бригады много знает. И нет гарантии, что, отпочковавшись от нас, он не развяжет язык.

— А если он сам захочет выйти из вашей организации и завязать? Это возможно?

— Это случается очень редко. Во-первых, это будет стоить очень дорого. А если желающий выйти знает слишком много, то после неудачных переговоров это может стоить ему жизни.

— Интересно, как в отдельно взятой группировке решается кадровый вопрос? По какому принципу пополняются рэкетирские ряды?

— Принцип прост. Чаще достаточно одной рекомендации авторитетного в нашем мире человека. Велик процент людей, откинувшихся из зоны.

— Существует ли испытательный срок, специальные проверки для новобранцев?

— Никакой. Это только в кино. Жизнь проверит. Если он, будучи арестованным, допустим, всех сдаст милиции, то от нас он никуда не уйдет. В любой момент можем «подкричать» в зону, и жизнь не покажется ему малиной даже вдали от нас. Связь с зоной, тюрьмой у нас прямая. И не верьте вы в полную изоляцию, которая якобы существует в местах заключения. Возьмем, к примеру, Бутырку. Достаточно залезть на «решку» (окно в камере.— **М. К.**) и, прокричав, передать любую информацию о том или ином человеке. С этой «решки», фигурально говоря, его услышат и в магаданской тюрьме. Единственно настоящая изоляция, где наш брат теряет всяческую связь со внешним миром,— это Лефортовская тюрьма КГБ.

— Как в любом деле, так и у рэкета могут возникать спорные вопросы изнутри. По поводу чего они, как правило, чаще всего возникают?

— Допустим, какая-то бригада начала промышлять на чужой территории, не поставив в известность того, кто держит район. Или кто-то не выплачивает штраф.

— И как обычно решаются эти спорные вопросы? Всегда ли все кончается перестрелками?

— Такие исходы очень редки. И чем серьезнее люди ведут переговоры, тем меньше вероятность кровопролития. Все спорные вопросы решаются на «разборках». При этом всегда приглашается третий, нейтральный, человек из другого города. Это должен быть человек с именем в нашем мире. В его авторитете не сомневается ни одна из сторон. Его слово — закон. Как он скажет, так и будет. Все будет сделано по нашим законам, которые в отличие от ваших, советских, не дают осечку и не допускают беспредела...

— Рэкет от своего бизнеса получает немалые барыши. Куда идут эти доходы? Делается ли заначка на будущее?

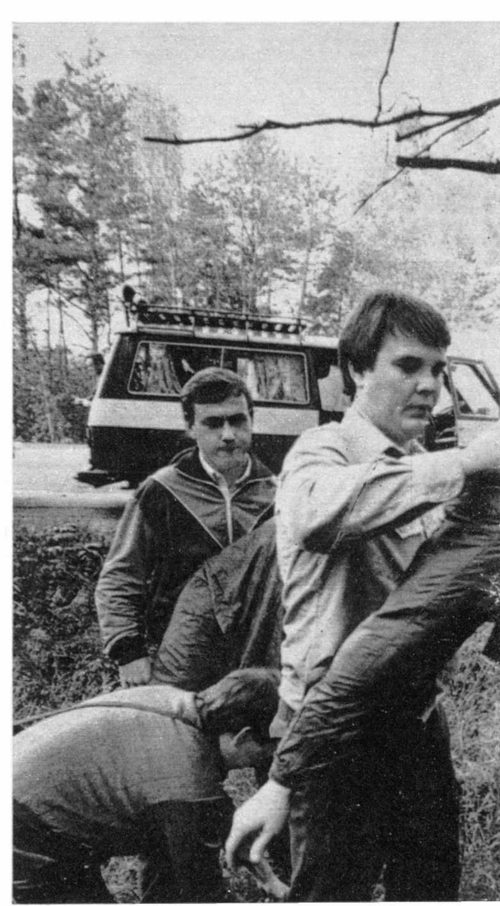
— Основная часть прибыли, естественно, идет на зарплату членам команды. Средний месячный заработок в основном зависит от профиля работы. Допустим, бригада, связанная с компьютерами (один из самых доходных видов рэкета), может за один день снять более 300 000 рублей. Другая же группа довольствуется и 1000 рублей. Все зависит от рода деятельности. Лидер, естественно, получает больше всех. В серьезной бригаде доля идет на общак — в зону, на подогрев тех, кто в заключении. То есть мы используем всевозможные каналы, чтобы передать в камеры пачки чая на чифирь, курево, водку, наркотики, деньги.

— Каковы же эти каналы?

— Это не секрет. Они известны всем и даже работникам милиции. Самый примитивный канал — «брос». Это когда берут передачку и в условленное время бросают через колючую проволоку. Часть брошенного все-таки доходит до братвы. Другой способ — подкуп надзирателей или других работников колонии, тюрьмы. На одну зарплату, согласитесь, сегодня не проживешь. Этот способ более надежен.

— В «Огонек» приходит очень много писем от бывших заключенных, которые пишут, что государство, мягко говоря, плюет на их дальнейшую судьбу, практически не помогает им в устройстве на работу, а скорее наоборот. Как смотрят на такое положение дел ваши коллеги-рэкетиры?

— Очень часто материально поддерживаем их мы. Не даем пропасть, даем подняться на воле. Если, конечно, он в зоне был путевым. Уже на воле мы их

сразу же берем в дело... Да и кто поможет им материально, если не мы! Они же считаются «отбросами» общества. Хотя из того же партаппарата половину можно пересажать по тем же колониям. Их-то уж точно есть за что. Кому нужна наша братва? Только нам. Кому, к примеру, нужен человек, практически всю жизнь, иногда по вине того же государства, просидевший на зоне? Я лично знаю одного такого человека. Государство, насколько мне известно, выплачивает ему пенсию около 30 (!) рублей. Хотя на зоне он тоже работал (я, естественно, не имею в виду блатного), но у него нет трудовой книжки. Материальную помощь оказываем и семье рэкетира, который сел. В случае его смерти также помогаем деньгами семье погибшего.

— Когда шла смена сотенных купюр, пострадал ли кто из вашей группы?

— Таких не было. Все сотенные успели обменять. Путей для этого было очень много.

— Но кто-то все-таки пострадал?

— Конечно. Пострадали лишь те, кто сидел в этот момент в заключении. Их спрятанные миллионы действительно «сгорели». В те памятные дни дело доходило до самоубийств. Пропали и деньги, которые были в наличии в тюрьмах, колониях. Большие суммы! В Бутырке, я знаю, ими оклеивали параши, стены.

— Как в этой ситуации вышли из положения лично вы?

— Узнав о смене купюр за день, я дал их в долг.

— Какой вид рэкета самый доходный?

— Это рэкет, который «пасет» СП и кооперативы, занимающиеся торговлей компьютерами. Их доходы исчисляются миллионами. Через СП советский рэкет уже начинает выходить на мировую арену. Думаю, мы будем доставлять немало хлопот Интерполу, в который не случайно вступила и наша родная милиция.

— Ваши отношения с ОМОНом. Положа руку на сердце скажите, побаивается ли рэкет ребят из ОМОНа?

— Да, там работают физически крепкие ребята. Но это всего лишь исполнители из группы захвата. Естественно, когда они заваливают в «кабак», сопротивление считаю бесполезным и глупым. Тем более они имеют право применять против нас оружие и здание, как обычно, оцеплено. Что же касается деятельности милиции, то в основном они задерживают случайные «казачьи разъезды», где мало думают головой и в принципе чистят дешевые кооперативные палатки с обувью. Поэтому основной наш костяк остается неуязвимым.

— Кто все-таки из правоохранительных органов более уважаем рэкетом?

— КГБ.

— За что?

— За их работу. Там работают действительно умные, интеллигентные ребята. И работают, по нашим понятиям, относительно порядочно.

— Что вы имеете в виду?

— Это трудно объяснить. Но если следователь Комитета давал слово в какой-то мелочи, то он его держал.

— Поздно или рано на смену нынешним экономическим отношениям придут чисто рыночные. В связи с этим изменит ли советский рэкет свое лицо в будущем?

— Естественно. Мы мгновенно перестроимся. Мы уже будем нуждаться в умной «голове», хорошо разбирающейся в экономике. Это будет человек с чемоданчиком с переносным персональным компьютером. Он станет нашим мозгом. Он будет получать из нашей кассы бешеную зарплату, а рэкетиры будут ему обеспечивать безопасность и необходимые условия труда.

— Чем же, к примеру, будет заниматься этот человек?

— Ну, допустим, он будет просчитывать доход того или иного предприятия, выявляя левый заработок. Мы, естественно, задействуем человека из местной бухгалтерии, которого «попросим» сообщать о всех сделках предприятия...

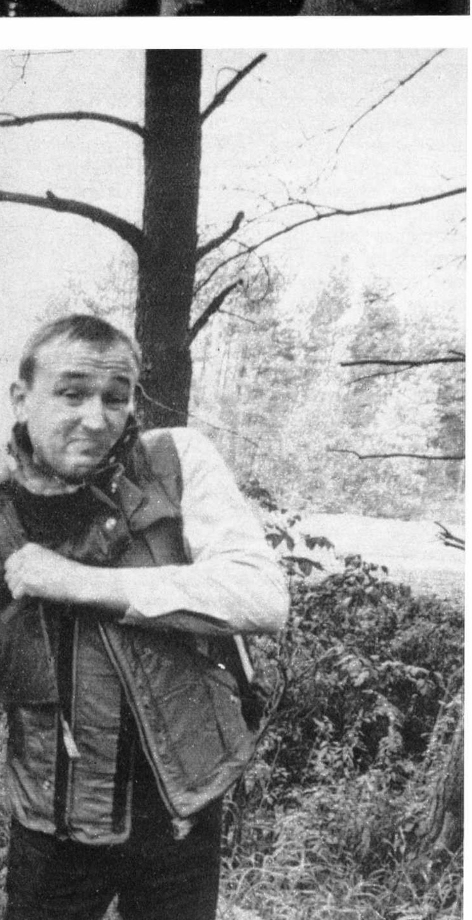
— Назовем такую деятельность экономическим шпионажем.

— Что-то близкое к этому... В результате, нащупав уязвимые места, мы осуществим аккуратный «наезд» на руководителя предприятия и попросим поделиться левыми доходами.

— Выходит, новые экономические, рыночные, отношения дадут советскому рэкету новое дыхание?

— Именно так. Только поэтому уверен, что совладать с нами государству будет практически невозможно. Рэкет бессмертен...

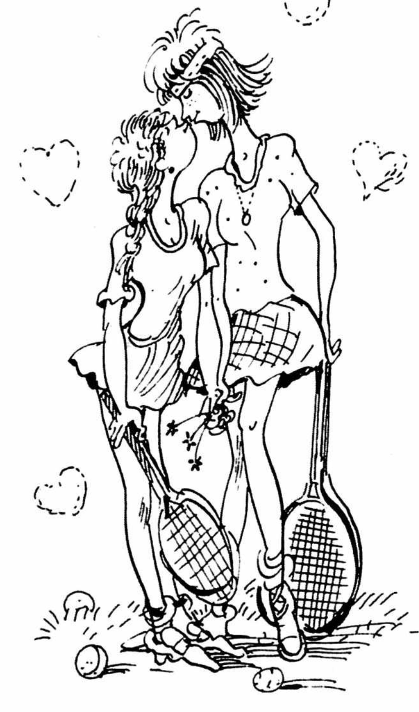

ХОТЯ БЫ АВТОГРАФ...

Не нужно иметь ума палату, чтобы получить автограф Бориса Николаевича,— нужно иметь тот энтузиазм, которым обладает Николай Качанов. В коллекции этого жителя города Ровеньки сегодня 1164 автографа — из них 945 на книгах, другие — на фотографиях, листках. Автографы легендарного Папанина, Кагановича, Брежнева, Громыко, Горбачева и так далее. Писательская часть «иконостаса» представлена М. Шолоховым, Л. Леоновым, К. Симоновым, братьями Стругацкими, поэтами Вознесенским и Рождественским.

А 24 апреля этого года Н. Качанов выслал Борису Николаевичу Ельцину его книгу «Исповедь на заданную тему». Даже не зная точного адреса. А через двадцать девять дней книга вернулась с автографом...

ИГРА СТОИТ СВЕЧ

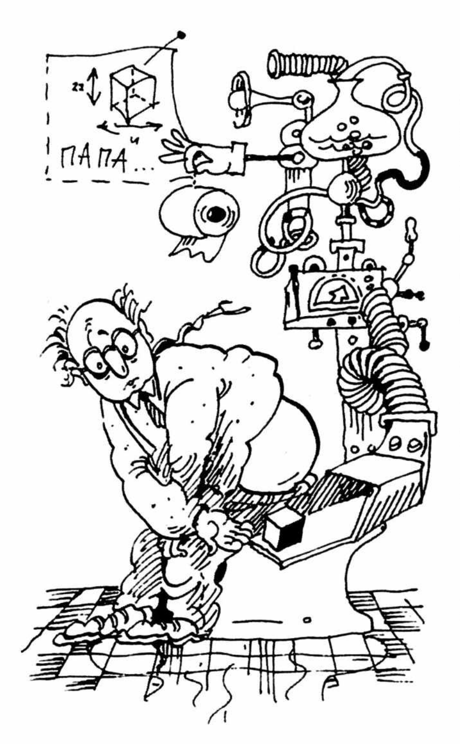
Не будет проигравших в конкурсе, объявленном страховой фирмой «АстроВАЗ». Фирма эта молода, не всем известна, но клиентура ее солидна: артисты, политические деятели разного масштаба и даже Анатолий Собчак.

Подобный конкурс впервые проводится в нашей стране. Участвуют в нем водители, чьи машины застрахованы в «АстроВАЗе». Они должны проездить без аварий и нарушений правил дорожного движения в течение целого года. Помогать организаторам конкурса согласились работники ГАИ Москвы, Московской области и РСФСР. Игра стоит свеч: между победителями будут разыграны дорогостоящие детали для «Жигулей»: кузовы, моторы, комплекты авторезины. Только вот жаль, что из этих запчастей нельзя собрать целый автомобиль. Но и попавшие в аварию не останутся в проигрыше — убытки им будут компенсированы по рыночным ценам.

КТО ЗДЕСЬ СИДИТ – ТОГО ЛЮБЛЮ...

Кладите в кассу магазина 273 рубля — и получите новый биологический унитаз. Стоит присесть на него, и... вы воочию убедитесь, до каких высот дошла отечественная наука. Один поворот рычага, и чудо техники выдаст вам аккуратный кубик дефицитного компоста. Унитаз сделан на одесском заводе имени, между прочим, Январского восстания. Работает новинка на электричестве. Кроме уже описанных достоинств, это изобретение имеет еще одно — унитаз способствует укреплению семьи, так как пользоваться им (сказано в инструкции) должны не менее трех человек и не реже, чем три раза в день. Один из владельцев чудо-прибора пригласил корреспондента «Светской хроники» на опробование, которое состоится в конце лета на одном из дачных участков в Подмосковье. О впечатлениях — в следующих выпусках.

У НИХ СВОИ СТРАННОСТИ

Интимные привязанности теннисной звезды Мартины Навратиловой не дают покоя не только сплетникам, но и служителям церкви. На Мартину, питающую слабость к представительницам своего пола, резко обрушилась Маргарет Корт, тоже в прошлом известная теннисистка, а ныне австралийская проповедница и мать четверых детей. «Навратилова не может служить примером для подрастающего поколения»,— заявила она со страниц американского журнала «Уорлд теннис». В ответ она получила гору писем, защищающих Навратилову. Причем главным аргументом защиты было то, что такие случаи не единичны в теннисной среде.

На тренерских конференциях в США сейчас уже подолгу обсуждают вопрос, как вести себя тренеру, если он заметил неестественно нежные отношения между девочками-теннисистками, уезжающими из дома на длительные сборы и соревнования. После долгих споров американские тренеры пришли к выводу, что это ... дело житейское. Подростковый возраст, бурное созревание, девичья сентиментальность — так хочется, чтобы кто-нибудь подержал за руку, пошептал в ушко, а турниры юношей проводятся отдельно...

Как правило, это проходит с возрастом. Поэтому постановление тренеров было следующим: «виновных» не карать, но обязательно сообщать родителям.

НОВОСТИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Как говорят люди, следящие за модой, вновь популярно покрывать себя рисунками. Причем теперь раскрашенный контингент — это не уголовники, а люди преуспевающие: кооператоры, известные рок-музыканты, а также ... красивые женщины, стремящиеся придать своей внешности еще большую пикантность. «Нью-наколки» имеют музыканты известных московских команд «Мистер-Твистер», «Ва-банкъ», «Коррозия металла» и другие. Одной из «первых ласточек» стал барабанщик «Мистера-Твистера» Валерий Лысенко. Правда, его замысел удалось воплотить с большим трудом, так как мастеров татуировки на свободе не так уж много. Выручил товарищ — Маврикий Слепнев, который когда-то был танцором при группе «Мистер-Твистер», а теперь открыл свою лавочку по разрисовыванию музыкантов. Сейчас спрос растет, растут и цены. За маленький рисуночек брать меньше ста рублей считают ниже своего достоинства.

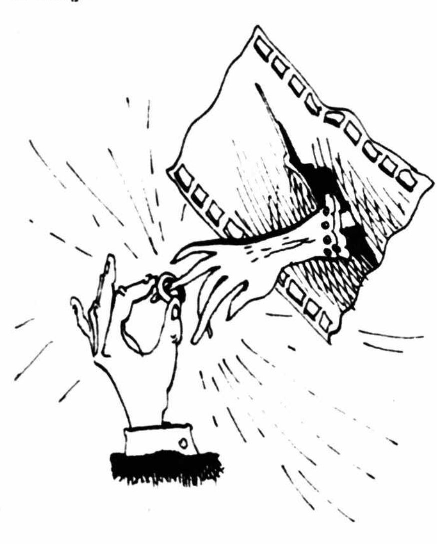
Конечно, улучшается качество, расширяется тематика. Сейчас, говорят, в особой цене татуировки, изображающие китайского дракона, но это для мужчин... Женщины предпочитают татуировки эротического характера, причем в тех местах, где их скорее всего увидит пылкий любовник. Особо в ходу татуировки цветные — еще один способ подчеркнуть свою избранность.

ШОКОЛАД – В МАССЫ!

Как известно, в магазинчиках «Дьюти-фри-шоп», что в аэропорту Шереметьево, отовариваются теперь не только богатые и не очень богатые иностранцы, но и наши соотечественники, оценившие выгоду беспошлинных покупок. Поэтому девочки-продавщицы имеют счастье лицезреть многих знаменитостей — именно они чаще всего ездят за рубеж, имеют валюту и отовариваются в «Дьюти-фри». По единодушному мнению обслуживающего персонала магазинчиков, самым приятным из советских покупателей является наша кино- и театральная звезда Олег Янковский. Уже одним своим элегантнейшим костюмом он поднимает настроение, а уж если говорить о манерах!.. Как правило, в «Дьюти-фри» он приобретает спиртное, сигареты, конфеты и обязательно — по шоколадке для каждой девушки-продавщицы. Причем умеет вручить эту шоколадку так, что девушка будет помнить об этом до конца жизни и еще, пожалуй, внукам расскажет...

ОТНОСИТЕЛЬНО СВЕЖАЯ НОВОСТЬ

Что может интересовать читателя «Светской хроники» более, чем личная жизнь того, кого мы видим на наших экранах? Тем более, если она не афишируется и не стала пока достоянием общественности... Наверняка все помнят и знают чудесное создание, фею экрана Галину Беляеву — «Мой ласковый и нежный зверь», очаровательная «Анна Павлова», «Ах, водевиль, водевиль». Ни для кого не было секретом, что успешный творческий союз молодой актрисы с известным режиссером Эмилем Лотяну в свое время перешел в семейный. Но он оказался не вечным. И, проведя некоторое время в поисках семейного счастья, Галина, наконец, нашла своего избранника. Им оказался... обыкновенный студент МГУ. Его (как и ее) не смутили двое детей Галины и некоторая разница в возрасте. Судя по всему, союз обещает быть счастливым. Избранник Галины мил, умен, обаятелен, обладает прекрасным характером. А сама Галина, как говорят ее близкие знакомые, несмотря на то, что не избавлена от проблем обычной советской женщины, похорошела несказанно... Что же, счастье — оно всем к лицу.

РАЗБИТЫЙ АКВАРИУМ...

Группа «Аквариум» распалась окончательно и бесповоротно. Семнадцать лет они были вместе, и наконец друг другу надоели — каждый выбрал свой путь. Андрей (Дюша) Романов и его товарищи продолжают работать в составе группы «Трилистник». Петр Тращенков работает со своей группой, исповедующей джазовое направление. Группа, пожалуй, самая экзотическая из тех, которые образовались из осколков «Аквариума», создана Андреем Решетиным. Эти музыканты стараются возродить старинную русскую музыку, отыскивая необычные старинные музыкальные инструменты и используя старинную нотную грамоту. И, наконец, лидер бывшего «Аквариума» выступает со своей группой «Б. Г.» и играет акустическую музыку. Он считает, что «Аквариум» сделал свое дело...

Кстати, Бориса Гребенщикова можно поздравить не только с началом нового жизненного витка, но и с выходом книги стихов под названием «Дело мастера Бо...». В нее войдут тексты всех песен Гребенщикова и, кроме того, те стихи, которые не стали песнями. Интересна история создания сборника. Когда-то все свои стихи Гребенщиков записывал в две большие тетради, но случилось так, что первая его жена выбросила тетради на помойку. Каково же было удивление идола русского рока, когда спустя много лет после этого прискорбного события тетради были возвращены ему фанатами, которые нашли их и сберегли... Презентация сборника пройдет в августе этого года в Санкт-Петербурге.

ДАЙТЕ ТОЧКУ ОПОРЫ!

В Нижний Новгород недавно приезжал известный широтой своей души президент Всесоюзной ассоциации киновидеопроката Исмаил Таги-Заде. Цель его приезда была такова: достигнуть договоренности с местными властями о выдаче ему участка под строительство дома отдыха для работников нижегородского киновидеообъединения. Таги-Заде также вел переговоры о возможном проведении во время ярмарки всесоюзного кинорынка. «Откройте город, и я преподнесу на ладонях нижегородцам всех звезд мирового искусства»,— без лишней скромности заявил Исмаил Таги-Заде, а уж деньги, по его словам, для реализации проекта имеются в достатке. Ну, что же, возможно, второй проект Нью-Васюков в советской истории окажется более удачным...

ГДЕ И ЧТО ПЬЮТ МИЛЛИОНЕРЫ

О Германе Стерлигове, 24-летнем миллионере, написано уже много. Упоминалось также и о том, что Герман Львович создал клуб российских миллионеров — эдакий профсоюз. Корреспондент «Светской хроники» поинтересовался у Германа: а как бы в этом клубе побывать? Выяснилось, что это невозможно, так как у клуба все еще нет помещения. Власти что-то все подписывают, а тем не менее с помещением вопрос не решается. Поэтому пока миллионеры время от времени встречаются в помещении офиса «Алисы», биржи.

А когда наш корреспондент высказал мысль, что ведь у клуба, кроме названия и членов, должно быть что-то еще, Герман заверил, что «что-то еще» есть. И этим «чем-то» является великолепный винный погреб, который размещается прямо в офисе. Там же, сказал Стерлигов, есть все продукты и условия для того, чтобы приготовить самые изысканные блюда.

Когда корреспондент усомнился и не пожелал верить рассказу о погребе на слово, Герман Львович — то ли оттого, что рабочий день был в разгаре, то ли потому, что корреспондент не является миллионером,— еще раз на словах подтвердил: все так, и самые изысканные напитки к ним привозят специальные грузовики с Украины и из Карелии. Что же, у богатых свои привычки...

С НАТУРЫ

Видимо, гласность и свобода слова достигли в нашей стране просто-таки необычайных высот. Уже готов сигнальный экземпляр книги «Горбачев: к вершинам власти», изданной не на Западе, не самиздатовским способом, а вполне официальным путем. Причем нельзя сказать, что книга написана сторонником Президента.

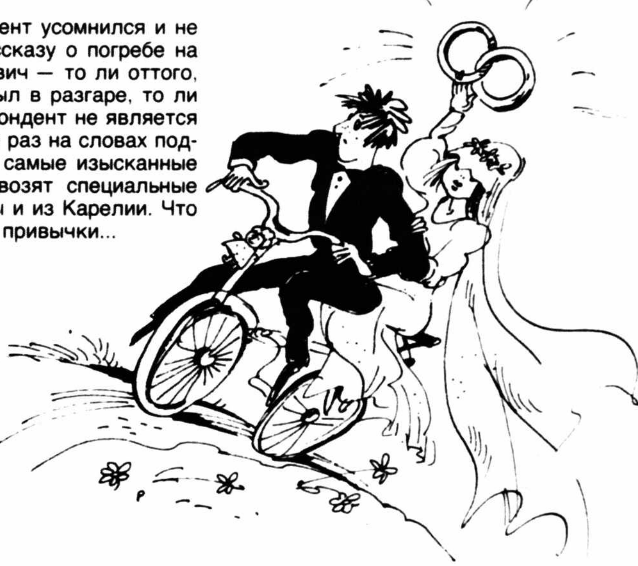
Автор книги, В. Печенев, неплохо знает объект исследования — он долгое время работал в группе помощников секретарей ЦК КПСС, и верхом его карьеры была должность помощника Генсека в ту пору, когда этот высокий пост занимал К. У. Черненко. Отношения с Горбачевым у Печенева, видимо, не сложились, так как с приходом к власти Михаила Сергеевича Печенев был отправлен служить заместителем редактора одного из журналов.

Но, несмотря на это, книга по первому впечатлению вполне объективна.

ГОРЬКО!

Фильм «Криминальный талант» создал репутацию актрисе Александре Захаровой, принес ей поклонников и известность. Тем более интересно узнать о том, что некий криминальный (без кавычек) талант, пока оставшийся анонимным и, видимо, вовсе не жаждущий известности, умыкнул у актрисы машину — «девятку». Горько! А где «горько!» — там свадьба. Она состоялась ровно через неделю после угона. Александра вышла замуж. Мы поздравляем ее, желаем счастья, любви, детей — словом, всего, что полагается. И новой машины.

Выпуск подготовили: Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Ефим Лямпорт, Инна Вальковская, Василий Тяни-Толкаев, Ольга Литвякова, Сергей Филиппов, Наталья Латушкина, Андрей Болтенко и другие.

В выпуске была использована информация агентств «Евро-Икс» и «Студинформо».

Рисовала Евгения Двоскина.

Будем благодарны за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

НАГРАДА ЗА СТРАХ

РЕПОРТАЖ ПАССАЖИРА

Репортер — профессия для мужчин.
Потому что многое приходится испытывать
на собственной шкуре:
и дубинки разгулявшихся омоновцев,
и свист душманских пуль,
и вечную мерзлоту Севера,
и безжалостные пески пустынь...
А еще высоту.
Например, ту, на которую
решился наш фоторепортер.
Это прыжок не ради
дешевого суперменства,
а ради того, чтобы читатель
увидел вот эти самые снимки.
Чтобы там, на высоте,
найти нужные слова
для короткого репортажа.

Фото Алексея ПЕСКОВА

А все-таки, пока я не надел подвесную систему и не прыгнул, я плохо представлял, что же такое «тандем», этот замечательный, по отзывам, парашют, рассчитанный на двоих.

Тандем означает расположение друг за другом. Впереди пассажир, за ним инструктор. Как на велосипеде, только ближе друг к другу. Подвесные системы плотно сцеплены. Парашют один на двоих — в ранце за спиной у инструктора. Там же и запасной. Ты пассажир, ты впереди и не видишь ни парашюта, ни инструктора. Перед тобою открытая дверь вертолета. Сейчас ты, наверно, прыгнешь. Внизу Валаам.

Сильное желание отказаться от прыжка. Страшно. Но отказываться стыдно. Успокаиваешь себя тем, что парашют американский, дорогой, наверно, очень надежный. Правда, на нем есть какая-то надпись типа «Минздрав предупреждает...». Заботливые люди.

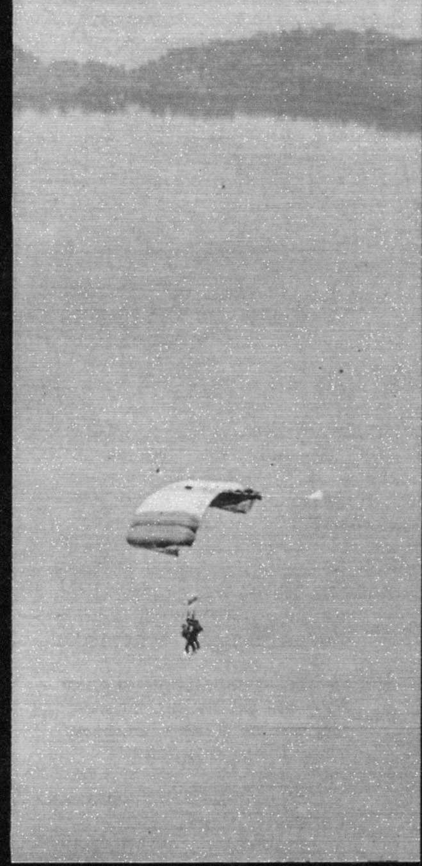
Для опытного парашютиста свободное падение, ощущение полета, точное приземление — дело обычное. С появлением «тандема», как мне объяснили, ощущение полета становится доступным даже для таких, как я, никогда не прыгавших чайников. Пассажиром «тандема» может быть практически любой человек: врач, которого в экстремальной ситуации надо срочно доставить к больному, специалист, спешащий к месту аварии, турист, пожелавший спуститься на парашюте в труднодоступное место, и уж тем более журналист. Но вот для управления «тандемом» необходим опыт, необходима специальная лицензия, такая, как у парашютистов-спасателей Красного Креста Сергея Инсарова и Сергея Потехина. Перед прыжками на Северный полюс, организованными Дмитрием Шпаро, они прошли курс обучения где-то во Флориде. А теперь эти ребята с турагентством «Терми-

нал» опробуют возможность парашютного туризма в Карелии. Когда у них появилось вакантное место пассажира и они предложили его мне, я сразу же согласился. Теперь вот внизу Валаам и надо прыгать.

Первым прыгают Сергей Инсаров с Женей Успенским из «Комсомолки», который уже второй раз совершает этот подвиг. Через несколько секунд наша очередь. За дверь держаться нельзя. Это дело инструктора. Руки на груди сложены крестом. Слышишь: «Гоу!» Отталкиваешься или тебя толкает инструктор, трудно сказать. Не забыть прогнуться, как учили. Свободное падение, оказывается, как полет, который снился еще в детстве. Ради этого все и прыгают, сказал мне один опытный человек. Падение почти не ощущается, просто в лицо дует ветер. Успеваешь почувствовать, что раскинутые руки придают устойчивость. Земля приближается почти незаметно, потом она начинает разбегаться. Да, это очень похоже на полет. Быстрое замедление, и ветер прекращается. Это раскрылся парашют, что воодушевляет, и появляется новое удивительное ощущение. Как будто стоишь в воздухе. По-прежнему видишь только пространство внизу и перед собой. Впрочем, если откинуть, насколько возможно, голову, можно увидеть купол. Тебе дают в руки петли — попробовать управление парашютом. Потом их забирают. Руки свободны, можно фотографировать, можно даже достать из-под куртки еще одну камеру. Вытягиваю руки и делаю

наугад наш с Сергеем Потехиным «автопортрет». Снижаемся, торможение, делаем «подушку» и становимся одновременно на четыре ноги, как кентавр. К нам бегут люди. Расцепляемся и, стараясь не наступать на грядки, уносим парашют с монастырского огорода.

Второй прыжок над Кижами. Страх слабее и какой-то другой. Перед первым прыжком он был, как, наверно, бывает перед казнью. Кижи — узкий остров, но ребята утверждают, что попадут и на спичечный коробок. На этот раз нас в свободном падении почему-то переворачивает. Какое-то мгновение я вижу вверху вертолет. Потом снова летим лицом к земле. Дальше все, как и в первый раз, только ощущения более отчетливые. Приземляемся неподалеку от церкви. Нас встречают дети и милиционер. Беседуем с директором музея-заповедника Ольгой Афанасьевной Набоковой. Для нее предпочтительнее, если туристы приплывают на пароходах, а не прилетают на парашютах. Это естественно и можно понять.

От пережитого за день испытываешь эйфорию. Ребята что-то говорят о новых прыжках. Я согласен.

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора.

Андрей Усачев принадлежит к обласканному перестройкой, счастливому поколению тридцатилетних. Про него не писали разгромных статей в центральной прессе, его стихи не терзала цензура. В этом году вышла в издательстве «Малыш» первая книга детских стихов «Очень странный разговор». И еще у Андрея штук шесть договоров с разными издательствами. «Детская литература», «Столица», «Малыш», кооперативные издательства — все собираются выпускать книги Усачева. Правда, некоторые из этих книг должны были выйти еще в прошлом году, да так и не вышли, но зато авансы по всем договорам получены. Рублей по 200—300 заплатили детскому поэту издательства и с интересом наблюдают за его творческими успехами. И все бы ничего, но Усачев сделал в своей тридцатилетней жизни один неверный шаг — обзавелся семьей. И теперь у него двое детей, кот, собака и жена. Кот уже сбежал. Остальные пока терпят.

ТИГР В КЛЕТОЧКУ

В одной обыкновенной тигриной семье родился самый обыкновенный тигренок. Звали его, как и вас, Вася, или Миша, или Стасик.

Папа-тигр, конечно, ужасно обрадовался, побежал в хозяйственный магазин и купил банку самой лучшей черной краски. Ведь тигры, как известно, рождаются без полосок. А полоски им подрисовывают родители.

Так бы все вышло и в этот раз. Но папе-тигру очень хотелось, чтобы его Вася, или Миша, или Стасик был необычным тигром, и поэтому решил нарисовать ему полоски вдоль. Мама же считала, что сын у них и так необычный и полоски у него должны быть, как у всех нормальных тигров,— поперек.

И никто другому не хотел уступать:
Папа говорит: Вдоль!
А мама: Поперек!
Папа кричит: ВДОЛЬ!!!
А мама ему: ПОПЕРЕК!!!

В конце концов они поссорились и легли спать: папа — ВДОЛЬ кровати, а мама — ПОПЕРЕК.

Маленький тигр Вася, или Миша, или Стасик, конечно, сильно огорчился: что же хорошего будет дальше, если папа и мама начинают ссориться в день твоего рождения? Но он был очень сообразительным тигренком. Ночью он вылез из своей кровати, взял кисточку и сам нарисовал себе полоски: ВДОЛЬ — для папы и ПОПЕРЕК — для мамы.

ШУМОФОН

В квартире Ивана то мыши шуршали,
То громко соседи за стенкой
дышали,
Ревел по утрам под окном детский
сад,
А в мае то гром громыхал,
то парад...

Бродил Петушков по квартире
угрюмо:
«Бежать в Антарктиду от адского
шума?!»
Иван потерял и здоровье, и сон,
И вот, наконец, изобрел ШУМОФОН.

Что это такое?
Отличная штука
От разного вредного шума и звука!
Включает Иван Петушков
шумофон —
И тут же взвывает магнитофон.
Включаются радио,
Дрель,
Кофемолка.
Гудит пылесос.
Громыхает двухстволка.
Ревет телевизор.
Будильник звенит.
В стиральной машине
Посуда гремит.
На полную мощность шумит
аппарат,
Легко заглушая военный парад.
Не слышно мышей и соседей сквозь
стену...
Иван напоследок врубает сирену.
Затем залезает, зевая, в кровать.
И может немного спокойно поспать.

ВОБЛА И ЖУРНАЛ

Плыла в облачках
Вобла в очках,
Листала журнал с интересом.
Вдруг видит — рассказ!..
О воблах как раз
Писал знаменитый профессор.

Что воблы не могут
Плыть в облачках,
Что воблы вообще
Не бывают в очках,
Что вобла с журналом,
в очках —
Это вздор,
И верить подобному вздору —
Позор!

И Вобла решила
По небу не плыть,
И даже очки
Перестала носить,
И больше журналов
Она не читает —
Обидно читать,
ЧТО ТЕБЯ НЕ БЫВАЕТ!

ЭХ!

— Эх,— вздыхали рыбаки,—
Это разве судаки?
Раньше вытащишь, бывало,—
Хвост, бывало, в полруки!

— Эх,— вздыхали судаки,—
Раньше были червяки...
Червяком одним, бывало,
Наедалось полреки!

— Эх,— вздыхали червяки,—
Раньше врали рыбаки!..
Мы послушать их, бывало,
Сами лезли на крючки!

СИЛАЧИ

Три силача ломились в дверь. Один,
Рыча, как страшный зверь,
Бил кулаком ее. Другой
Лупил могучею ногой.
А третий напирал плечом —
Он был индийским силачом
И мог легко побить слона...
Но дверь стояла, как стена.

Как львы, бросались силачи.
А отлетали, как мячи.

Они решились на таран,
Когда в подъезд вошел Иван.

— А ну, подвиньтесь, силачи! —
Сказал Иван, достав ключи.

И дверь открыл одной рукой...
Вот Петушков у нас какой!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Иван Петрович шел на луг,
Шмели вились меж трав,
И майский жук,
Как лучший друг,
Садился на рукав.

Природа здорово цвела.
Цвел каждый куст и ствол.
Весна к цветению звала...
И Петушков расцвел!

Завился пух над головой,
Улыбка расцвела,
И вот за данью полевой
Летит к нему пчела.

Ого! Так, значит, он не стар,
Раз можно брать с него нектар!

Иван такому делу рад:
Все пуще он цветет,
И пчелы ульями летят
Сбирать с Ивана мед.

Как хорошо весной цвести,
Но можно и расти!
Он в рост пошел...
Но встретил вдруг
Соседа на пути.

Семен Говядин собирал
Лопаткою помет.
— Гляжу, цветешь,— сказал
Семен.—
Даешь, как вижу, мед.

А ты того, брат, не учел,
Что твой полезный мед
Хозяин этих самых пчел
На рынке продает!

С тебя срывают лучший цвет,
А ты цветешь без смысла...

— Дурак! — сказал Иван вослед,
Но как-то, впрочем, кисло.

И поглядел на мир герой
Так мрачно и уныло,
Что улетел за роем рой,
А пара пчел с улыбкой злой
Ивана укусила.

Природа здорово цвела.
Цвел каждый куст и ствол.
Весна к цветению звала...
А Петушков отцвел.

КТО БЫСТРЕЙ!

Всем известно, что молоко любит убегать из кастрюль. И вот однажды поспорили три молочные каши — рисовая, овсяная и манная,— кто из них быстрее бегает. (Бежать решили до стадиона Юных пионеров, где как раз проходили городские соревнования по легкой атлетике.)

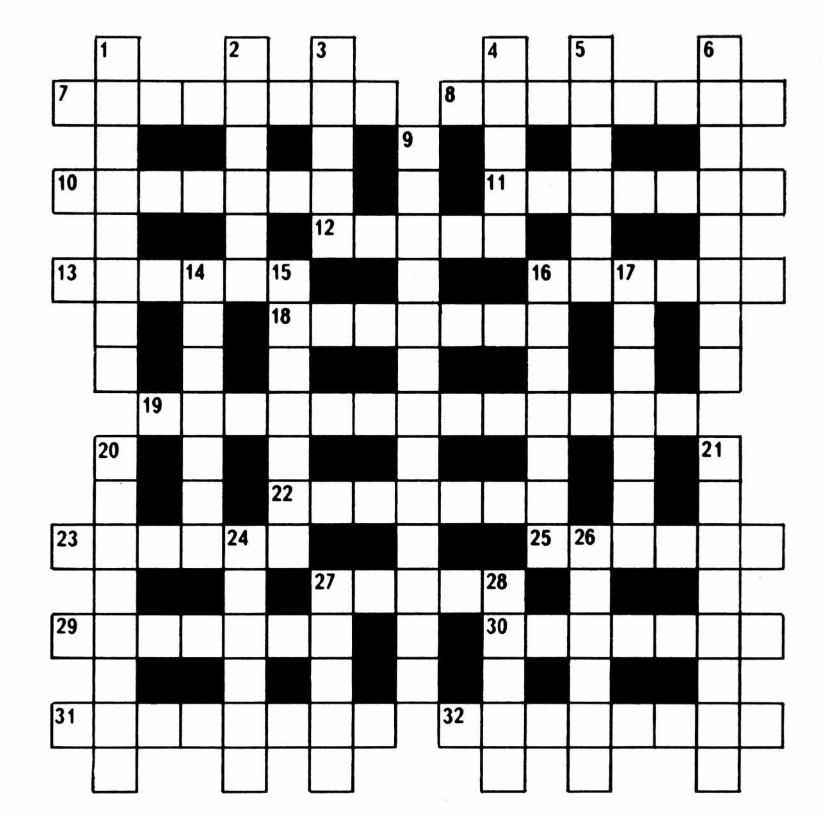
— Раз, два, три! — закричала рисовая каша и, первой выскочив из кастрюли, припустила сначала по коридору, затем по лестнице (— Ах! — испуганно закричала соседка.) и, наконец, выбежала во двор. Однако не успела она свернуть за угол, как ее догнала овсяная. Она мчалась, как скаковой рысак (недаром же лошади любят овес!), и обгоняла по дороге трамваи. Но вскоре ее обошла манная каша — она слегка замешкалась на плите, но потом разогналась, как настоящий экспресс, и даже пускала пар. Она бы и заняла первое место, если б в этот момент на кухню не зашел Иван Петрович Петушков.

— Караул! — закричал Иван Петрович, увидев, что остался без завтрака. И, схватив ложку, бросился вдогонку. Через минуту он догнал и прямо на ходу съел рисовую кашу, затем — овсяную и уже на гаревой дорожке стадиона, опередив юных пионеров, разделался с манной.

— Уфф! — сказал он, плюхнувшись на финише.

Стадион просто взорвался аплодисментами, когда объявили результаты соревнований. Ивану Петровичу присудили сразу три первых места. Одно — за быстроту, второе — за ловкость, а третье — за аппетит. Шутка ли — с ходу съесть три кастрюли каши, да еще без масла!

Рисовал
Валерий ДМИТРЮК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Расчетная величина затрат рабочего времени, материалов, денежных ресурсов, применяемых в труде. 8. Русская революционная газета, издававшаяся в Женеве в 1875—1876 годах. 10. Форма общественного устройства. 11. Гигиенист, академик АМН, Герой Социалистического Труда. 12. Отверстие в металлургической печи для выпуска жидкого металла. 13. Обслуживание населения. 16. Лесная птица семейства тетеревиных. 18. Движение и направление потока. 19. Участница спортивной команды в игре с мячом. 22. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 23. Булочка. 25. Советская спортсменка, чемпионка Олимпийских игр 1968 года по скоростному бегу на коньках. 27. Сорт груши. 29. Заключительные процессы отбеливания, крашения, декатировки тканей. 30. Открытая горная выработка. 31. Стилистическая фигура в художественной речи. 32. Деятельность органов государственной власти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шофер. 2. Аттракцион. 3. Заключительная часть спортивных соревнований. 4. Почтовый знак. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Наука об ораторском искусстве. 9. Строфа. 14. Зодиакальное созвездие. 15. Деталь измерительных приборов, часов. 16. Устройство для регулирования напряжения и тока в электрической цепи. 17. Кредитный денежный знак. 20. Исторически определенный уровень развития общества, творческих сил. 21. Кинорежиссер, драматург, один из основоположников советской кинематографии. 24. Футляр для стрел. 26. Греческий остров в Эгейском море. 27. Французский живописец в годы Великой французской революции. 28. Трос парашюта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. «Душечка». 9. Шканцы. 10. Датчик. 11. Лисичка. 12. Панель. 13. Нельма. 16. Сатира. 18. Карпов. 21. Просвещение. 22. Кабалевский. 23. Обоянь. 25. Гавань. 30. Парнас. 32. Фиксаж. 33. Терраса. 34. Стежка. 35. Яблоня. 36. Лигроин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Удыль. 2. Мениск. 3. Бадан. 4. Экран. 5. Анкета. 7. «Отелло». 8. Фирма. 14. Ярославна. 15. Раневская. 17. «Торнадо». 19. Причина. 20. Перец. 24. Банджо. 26. Никель. 27. Вахта. 28. Курорт. 29. Сауна. 31. Сталь. 32. Фаянс.

1 руб. Индекс 70663.